

№ 2

(6)

2016

16+

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

УЧРЕДИТЕЛЬ

АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»

ИЗДАТЕЛЬ:

Южный филиал
ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ЭЛ № ФС 77-62997
от 4 сентября 2015 г.

ISSN 2412-9798

Адрес редакции:

350063, г. Краснодар,
ул. Красная, д. 28, оф. 28
Тел. +7 (861) 268-22-98
E-mail:
heritage.krasnodar@gmail.com

Мнение авторов может
не совпадать с точкой зрения
редакции

Номер сверстан: 15.07.2015
Размещен в сети Интернет: 20.07.2015

Главный редактор:

ГОРЛОВА

Ирина Ивановна,
доктор философских наук,
профессор, директор
Южного филиала Института
Наследия

Заместитель главного редактора:

ЧУМАЧЕНКО

Виктор Кириллович,
кандидат филологических
наук, профессор,
старший научный сотрудник
Южного филиала
Института Наследия

Выпускающие редакторы:

КОВАЛЕНКО

Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,
заместитель директора
Южного филиала
Института Наследия

КРЮКОВ

Анатолий Владимирович,
кандидат исторических
наук, ученый секретарь
Южного филиала Института
Наследия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОНДАРЬ

Виталий Вячеславович

кандидат исторических наук, начальник отдела экспертно-консультативной деятельности и проблем культурного и природного наследия Южного филиала Института Наследия

БЫЧКОВА

Ольга Ивановна

кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела научно-образовательных проектов и программ Южного филиала Института Наследия

ГУЦАЛОВ

Александр Анатольевич

кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела экспертно-консультативной деятельности и проблем культурного и природного наследия Южного филиала Института Наследия

ЕРЕМЕЕВА

Анна Натановна

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия

КОСТИНА

Наталья Анатольевна

кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела научно-образовательных проектов и программ Южного филиала Института Наследия

НАУМЕНКО

Владимир Емельянович

кандидат исторических наук, профессор, начальник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АКАЕВ Вахит Хумидович	доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, действительный член Академии наук Чеченской Республики, г. Грозный, Россия
АРАКЕЛОВА Александра Олеговна	доктор искусствоведения, директор департамента науки и образования Министерства культуры Российской Федерации, заслуженный работник культуры Российской Федерации, г. Москва, Россия
БУЕВА Людмила Пантелеевна	действительный член Российской академии образования, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора истории антропологических учений Института философии РАН, г. Москва, Россия
ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич	доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, г. Грозный, Россия
ДЕМИН Вадим Петрович	действительный член Российской академии образования, доктор искусствоведения, профессор, академик-секретарь отделения образования и культуры Российской академии образования, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, г. Москва, Россия
КУДРЯВЦЕВ Александр Абакарович	доктор исторических наук, профессор, кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Ставрополь, Россия
КУПЦОВА Ирина Валентиновна	доктор исторических наук, профессор кафедры регионального и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия
МАТВЕЕВ Олег Владимирович	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора, г. Краснодар, Россия
МИРОНОВ Арсений Станиславович	кандидат филологических наук, директор Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, г. Москва, Россия
НЕРЕТИН Олег Петрович	доктор экономических наук, советник директора Федерального института промышленной собственности, лауреат премии Правительства Российской Федерации, Москва, Россия
ОРЛОВА Надежда Хаджимерзановна	доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия
ПЕТРОВ Владимир Михайлович	доктор философских наук, профессор, Вице-Президент Международной ассоциации эмпирической эстетики, г. Москва, Россия
РАТУШНЯК Валерий Николаевич	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, г. Краснодар, Россия
РАХАЕВ Анатолий Измаилович	доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кавалер Ордена Дружбы, г. Нальчик, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ХАНГЕЛЬДИЕВА
Ирина Георгиевна

доктор философских наук, профессор, декан факультета предпринимательства в культуре, заведующая кафедрой прикладной культурологии и социокультурного менеджмента Международного университета в Москве, г. Москва, Россия

ЧЕЛЫШЕВ
Евгений Петрович

действительный член Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, председатель Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, заслуженный деятель науки Российской Федерации, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, г. Москва, Россия

ЩЕРБАКОВА
Анна Иосифовна

доктор культурологии, доктор педагогических наук, ректор Московского государственного института музыки имени А. Г. Шнитке, г. Москва, Россия

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

АБДУЛЛАЕВА
Рена

доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом эстетики и информационной культуры Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджанская Республика

ДЖИВЕНСКА
Малгожата Цецилия

Ph. D. в области географии, доцент Нижнесилезской высшей школы социальных служб «Ассесор», г. Вроцлав, Республика Польша

ДЖОПУА
Аркадий Иванович

кандидат исторических наук, директор Абхазского государственного музея, г. Сухум, Республика Абхазия

ЗАНТАРИА
Владимир Константинович

доктор филологических наук, член-корреспондент Академии наук Абхазии, советник Президента Республики Абхазия, г. Сухум, Республика Абхазия

КУМАР
Капил

профессор истории, декан исторического факультета Высшей школы социальных наук Индийского национального открытого университета имени Индиры Ганди, директор Центра по исследованию борьбы за свободу, Советник индийского конгресса туризма и гостеприимства, г. Нью-Дели, Республика Индия

МАКГАЛА
Кристиан Джон

Ph. D. в области истории, профессор кафедры истории гуманитарного факультета исторического факультета Университета Ботсваны, г. Габороне, Республика Ботсвана

ПАТИНЬО
Хуан Карлос

доктор экономических наук, профессор факультета политических и социальных наук Автономного Университета штата Мехико, Толука, Мексиканские Соединенные Штаты

ПРАБХАКАРА
Джантхьяло Рао

профессор лингвистики, директор Центра изучения иностранных языков Высшей школы гуманитарных наук Центрального университета Хайдарабада, г. Хайдарабад, Республика Индия

САЛАМЗАДЕ
Эртегин

доктор искусствоведения, профессор, директор Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, г. Баку, Азербайджанская Республика

ЧОЛАРИЯ
Борис Шаликович

директор Национальной библиотеки Республики Абхазия имени А. Г. Папаскири г. Сухум, Республика Абхазия

VOL.2

(6)

2016

HERITAGE НАСЛЕДИЕ OF CENTURIES ВЕКОВ

THE ONLINE SCIENTIFIC JOURNAL OF THE SOUTHERN BRANCH
OF THE INSTITUTE OF HERITAGE

FOUNDER:

Autonomous Not-for-Profit
Organization Center for Intellectual
Development and Patriotic Education
„Native traditions“

PUBLISHER:

Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Published four times per year

Mass Media Registration Certificate:
ЭЛ ФС № 77-62997
on September 4, 2015

ISSN 2412-9798

Editorial Office:

Address:

office 28, 28 Krasnaya Street,
Krasnodar, Russia, 350063.

Telephone:

+7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

The views expressed in the Journal
are those of the authors, and do not
necessarily coincide with those of
the Editors, Editorial Board or the
Publications Council.

Imposed on July 15, 2016
Published online July 20, 2016

The Editor-in-Chief:

Irina I. **GORLOVA**

Dr. Sci. (Theory and History
of Culture), Prof., Director,
Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

**The Deputy Editor-
in-Chief**

Viktor K. **CHUMACHENKO**

Cand. Sci. (Theory of
Literature), Prof., Senior
Researcher, Southern Branch,
Russian Research Institute for
Cultural and Natural Heritage

Managing Editors:

Timofey V. **KOVALENKO**

Cand. Sci. (Theory and History
of Culture), Deputy Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Anatoly V. **KRYUKOV**

Cand. Sci. (National History),
Academic Secretary, Southern
Branch, Russian Research
Institute for Cultural and
Natural Heritage

EDITORIAL BOARD

Vitaliy V.

BONDAR

Cand. Sci. (National History), Head, Department of Expert and Advisory Activities and Problems of Cultural and Natural Heritage, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Olga I.

BYCHKOVA

Cand. Sci. (Economics and Economic Management), Assoc. Prof., Head, Department of Scientific and Educational Projects and Programs, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Aleksandr A.

GUTSALOV

Cand. Sci. (History of Philosophy), Senior Researcher, Department of Expert and Advisory Activities and Problems of Cultural and Natural Heritage, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Anna N.

EREMEEVA

Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher, Department of Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Natalya A.

KOSTINA

Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Assoc. Prof., Leading Researcher, Department of Scientific and Educational Projects and Programs, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Vladimir E.

NAUMENKO

Cand. Sci. (National History), Prof., Head, Department of Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Honored Worker of Science of the Republic of Ingushetia

PUBLICATIONS COUNCIL

Vakhit Kh. AKAEV	Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of Humanities, Complex Research Institute, Russian Academy of Science; Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russia
Aleksandra O. ARAKELOVA	Dr. Sci. (Musical Art), Director, Department of Science and Education of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russia
Lyudmila P. BUEVA	Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Social Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of History of Anthropological Studies, Institute of Philosophy, RAS, Moscow, Russia
Shakhrudin A. GAPUROV	Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Science of the Chechen Republic; Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University, Honoured Worker of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russia
Vadim P. DEMIN	Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Theatrical Art), Prof.; Academic Secretary, Department of Education and Culture, Russian Academy of Education, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Moscow, Russia
Aleksandr A. KUDRYAVTSEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Stavropol, Russia
Irina V. KUPTSOVA	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University, Moscow, Russia
Oleg V. MATVEEV	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University; Senior Researcher, Scientific Research Center for Traditional Culture, The Kuban Cossak Choir, Krasnodar, Russia
Arseniy S. MIRONOV	Cand. Sci. (Journalism), Director, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russia
Oleg P. NERETIN	Dr. Sci. (Economics and Economic Management), Adviser to the Director, Federal Institute of Industrial Property, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia
Nadezhda Kh. ORLOVA	Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, and Philosophy of Culture), Prof., Department of Culturology, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia
Vladimir M. PETROV	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Vice-President, International Association of Empirical Aesthetics, Moscow, Russia
Valeriy N. RATUSHNYAK	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Krasnodar, Russia
Anatoliy I. RAKHAEV	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Cavalier of the Order of Friendship, Nalchik, Russia
Irina G. KHANGEL'DIEVA	Dr. Sci. (Aesthetics), Prof., Dean, Faculty of Business in Culture; Head, Department of Applied Culturology and Sociocultural Management, International University in Moscow, Moscow, Russia

PUBLICATIONS COUNCIL

Evgeniy P.

CHELYSHEV

Academician, Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Philology), Prof., Chairman, Scientific Council for the Study and Protection of Cultural and Natural Heritage, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Cavalier of the Order «For Merit to the Fatherland» 3rd and 4th Classes, Moscow, Russia

Anna I.

SHCHERBAKOVA

Dr. Sci. (Theory and History of Culture; Theory and Methods of Professional Education), Rector, Moscow State Institute of Music, Moscow, Russia

INTERNATIONAL MEMBERS

Rena

ABDULLAYEVA

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head, Department of Aesthetics and Information Culture, Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Boris Sh.

CHOLARIYA

Director, National Library of the Republic of Abkhazia, Sukhumi, Republic of Abkhazia

Cecylia Malgorzata

DZIEWIECKA

PhD in Geography, Assoc. Prof., Lower Silesian Higher School of Public Services 'ASESOR', Wroclaw, Republic of Poland

Arkadiy I.

DZHOPUA

Cand. Sci. (Archeology), Director, Abkhazian State Museum, Sukhumi, Republic of Abkhazia

Kapil

KUMAR

Professor of History, Dean, Faculty of History, School of Social Sciences, Indira Gandhi National Open University (IGNOU); Director, Indira Gandhi Centre for Freedom Struggle Studies; Advisor, Indian Tourism and Hospitality Congress, New-Dehli, Republic of India

Christian John

MAKGALA

MPhil & PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, The History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana

Juan Carlos

PATIÑO

Dr. of Economics, Prof., Faculty of Political and Social Sciences, Autonomous University of Mexico State, Toluca, United Mexican States

Jandhyala

PRABHAKARA RAO

Dr., Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages, School of Humanities, University of Hyderabad, Hyderabad, Republic of India

Ertegin

SALAMZADE

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director, Institute of Architecture and Arts, Azerbaijan National Academy of Sciences; Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Vladimir K.

ZANTARIA

Dr. Sci. (Philology), Corresponding Member, Academy of Sciences of Abkhazia, Advisor, President of the Republic of Abkhazia Sukhumi, Republic of Abkhazia

СОДЕРЖАНИЕ

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
«СТРОКИ, ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ...»
(РЕДАКТОР В. К. ЧУМАЧЕНКО)**

Колонка главного редактора	13
«СТРОКИ, ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ...»	15
<i>Б. И. Тетуев, А. А. Маккаева</i> Образ Сталинграда в повести К. М. Симонова «Дни и ночи»	15
<i>В. К. Чумаченко</i> «Нет ничего лучше и прекраснее родины» (Письма Олексы и Прасковьи Кирий сыну Алексею на фронт)	20
<i>М. А. Хакуашева</i> Творчество Али Шогенцукова в контексте времени	27
<i>Н. Н. Петрова-Хорина</i> Великая Отечественная война и кубанская пресса	37
<i>А. И. Слуцкий</i> Великая Отечественная война в архивных документах художника Александра Ерофеевича Глуховцева	44
CAUCASICA: КУЛЬТУРЫ ЮГА РОССИИ	55
<i>Л. П. Голикова, М. В. Шаройко</i> Кавказские события в художественно-публицистическом творчестве русских писателей XIX в.	55

Ставрополь середины XIX века глазами Елены Лачиновой (отрывок из романа «Проделки на Кавказе»)	59
<i>И. В. Сирица</i> Зарождение и развитие органов политического розыска в Кубанской области и Черноморской губернии	60
НА ПЕРЕКРЕСТКАХ КУЛЬТУР: К 400-ЛЕТИЮ ПАМЯТИ У. ШЕКСПИРА	70
<i>О. В. Спачиль, Е. Ю. Третьякова</i> Иронические функции шекспировских аллюзий в «Скучной истории» А. П. Чехова	70
КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ	84
<i>И. И. Горлова</i> Суровая правда солдатских треугольников	84
НАШИ ПУБЛИКАЦИИ	88
<i>А. Э. Иоффе</i> Бессмертный полк	88

CONTENTS

THE SPECIAL THEME OF THE ISSUE:
LINES SCORCHED BY THE WAR
(EDITOR - VIKTOR K. CHUMACHENKO)

Editorial	13
«LINES SCORCHED BY THE WAR...»	15
<i>Boris I. Tetuev & Aminat A. Makkaeva</i> The Image of the City of Stalingrad in Konstantin M. Simonov's Novel "Days and Nights"	15
<i>Viktor K. Chumachenko</i> "There is Nothing Better and More Beautiful Than Motherland" (Letters from Oleksa and Praskovya Kiriy to Their Son Alexey to the Battle-Front)	20
<i>Madina A. Hakuasheva</i> Creative Work of Ali Shogentsukov in the Context of Time	27
<i>Nianila N. Petrova-Khorina</i> The Great Patriotic War and the Kuban Press	37
<i>Arkady I. Slutsky</i> The Great Patriotic War through the Documents from the Artist Alexander Glukhovtsev's Archive	44
CAUCASICA. THE CULTURES OF THE SOUTH OF RUSSIA	55
<i>Larisa P. Golikova & Marina V. Sharoiko</i> Caucasian Events in Fiction and Nonfiction Works of the Russian Writers of the 19th Century	55

Stavropol in the Middle of the 19th Century through the Eyes of Yelena Lachinova (an Excerpt from the Novel «Escapades in the Caucasus»)	59
<i>Igor V. Siritsa</i> Genesis and Development of the Bodies of Political Investigation in the Kuban Region and the Black Sea Province	60
ON THE CROSSROADS OF CULTURES: TO THE 400TH ANNIVERSARY OF SHAKESPEARE'S DEATH	70
<i>Olga V. Spachil and Yelena Yu., Tretyakova</i> Ironical Functions of Shakespearian Allusions in "A Boring Story" by Anton Chekhov	70
BOOK REVIEWS: CRITIQUE AND SURVEYS	84
<i>Irina I. Gorlova</i> The Hard Truth of the Soldier «Triangles»	84
OUR PUBLICATIONS	88
<i>Aleksandr E. Ioffe</i> Immortal Regiment.....	88

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА EDITORIAL

Дорогие друзья!

Тематический раздел второго номера журнала мы по традиции посвящаем литературе и литераторам. В этом году его выход совпадает с трагической датой в жизни нашего народа – 75-летием начала Великой Отечественной войны, самой страшной, самой разрушительной в истории человечества.

Естественно, что наши главные слова благодарности – писателям, павшим в боях за родину, и ветеранам, вернувшимся с полей сражений с горячим желанием донести до современников и будущих поколений читателей суровую правду о великой войне, рассказать, какую ценой далась долгожданная победа. О поколении, на долю которого выпали жестокие испытания, историки литературы, культурологи вспоминают до обидного мало. А ведь именно сегодня бесценный художественный опыт фронтового поколения должен быть востребован не только читателями, но и теми, кто воспитывает подрастающее поколение, учит, сеет в широких массах доброе и вечное.

Конечно, мы все наслышаны о необыкновенном мобилизующем влиянии фронтовых очерков М. Шолохова, Б. Полевого, А. Первенцева, И. Эренбурга, повестей К. Симонова, Л. Леонова, В. Катаева, лирических стихов Ю. Друниной, М. Исаковского, А. Суркова и других классиков советской литературы. Но вопрос о том, что мы знаем о военных летописцах нашего региона, Юга России и Северного Кавказа, наверное, многих поставит в тупик. Особенно грустно, что наши земляки стали забывать тех, кто «в редакцию не вернулся». Да, на Кубани (как впрочем, и во всех уголках бывшего Советского Союза) более-менее известен широкому кругу читателей, да и то в основном старшему поколению, поэт-романтик, фронтовой разведчик Павел Коган (1918–1942), автор текста знаменитой студенческой песни «Бригантина», чья жизнь трагически оборвалась в неравной схватке с неприятелем у города-героя Новороссийска. Изредка по случаю упоминается имя талантливого прозаика Б. Крамаренко, написавший неоднократно переиздававшийся и полюбившийся читателям роман «Плавни». Но кто слышал о драматурге и актёре Киевского еврейского театра М. Гершензоне, похороненном в братской могиле на окраине города Крымска? Он известен сегодня лишь узкому кругу знатоков литературы, как и имена погибших на Голубой линии писателей: П. Апрышков, А. Луначарский (сын наркома просвещения), Э. Капиев.

Из адыгейских авторов текстуально хорошо знаком современным читателям разве что Герой Советского Союза поэт и переводчик Х. Б. Андрухаев (1920–1941), павший смертью храбрых в боях на Украине. Но не следует забывать и других погибших литераторах республики: Адылгирея Уджуху, Дышеча Тугуза, Халида Уджуху, Сафербия Кешокова, Рашида Меркитского, расстрелянного фашистами в ауле Натухай в 1942 году. Их имена навсегда сохранятся в благодарной памяти народа, если мы вовремя соберем о них биографические сведения, бережно сохраним рукописи, фотографии и письма, переиздадим их лучшие книги.

В годы войны тяжелые утраты понесли писательские организации Ростовской области и Ставропольского края. Одним из первых в Ростове был схвачен фашистами и расстрелян известный детский писатель Г. М. Кац (1907–1941). В застенках гестапо погиб популярный прозаик П. Яковлев. Не вернулась из командировок в редакции фронтовой газеты замечательная поэтесса Елена Ширман, её коллеги по писательскому союзу П. Хромов, Е. Безбородов, М. Штителъман, Г. Гридов.

Тяжелый удар был нанесен войной кабардинской литературе. Погиб её зачинатель и основатель М. Шогенцуков. Невосполнимые потери понесли и другие национальные писательские организации Юга России и Северного Кавказа.

Вечная память погибшим за Родину!

**С уважением,
Ирина Горлова**

«СТРОКИ, ОПАЛЕННЫЕ ВОЙНОЙ...»

ТЕТУЕВ Борис Инзрелович
доктор филологических наук,
профессор кафедры русской и зарубежной литератур
Кабардино-Балкарского государственного университета
им. Х. М. Бербекова
г. Нальчик, Россия

Boris I. TETUEV

Dr. Sci. (Literature of the Peoples of the Russian Federation), Prof.,
Department of Russian and Foreign Literatures,
Kabardino-Balkarian State University
Nalchik, Russia
boris_tetuev@mail.ru

МАККАЕВА Аминат Амашевна
магистрант кафедры русской и зарубежной литератур
Кабардино-Балкарского государственного университета
им. Х. М. Бербекова
г. Нальчик, Россия

Aminat A. MAKKAEVA

M. A. Student (Russian Literature),
Department of Russian and Foreign Literatures,
Kabardino-Balkarian State University
Nalchik, Russia
amina_makkaeva@mail.ru

Образ Сталинграда в повести К. М. Симонова «Дни и ночи»

The specificity of the description of the city of Stalingrad in Konstantin Simonov's novel «Days and Nights» is examined in the article. Simonov creates a real image of the city, which is simultaneously presented as a symbol of the Motherland. Special attention is paid to the transformation of the image of the city and to its defenders.

Keywords: Stalingrad, image of city, ruined city, real city, symbol of Motherland, transformation.

The Image of the City of Stalingrad in Konstantin M. Simonov's Novel “Days and Nights”

В статье исследуется специфика изображения Сталинграда в повести К. Симонова «Дни и ночи». Автор создает двуединый образ города, одновременно являющегося конкретным историко-географическим объектом и сакральным символом Родины. Особое внимание уделено трансформации облика города и его защитников.

Ключевые слова: Сталинград, образ города, разрушенный город, реальный город, символ Родины, трансформация.

Сталинградская битва, ставшая переломным моментом в ходе Великой Отечественной войны, – без сомнения, одно из самых кровопролитных и грандиозных сражений двадцатого века. Бои за город продолжались с 17 июля 1942 по 2 февраля 1943 года: целых 200 дней. На Мамаев курган было сброшено столько снарядов, что после освобождения там не росла трава в течение двух лет. Человеческие потери были огромны с обеих сторон и, по некоторым подсчетам, превысили 2,5 миллиона. История человечества не знала более упорного, жестокого и кровопролитного сражения такого масштаба. Для Советского Союза победа в Сталинградской битве, как известно, явилась началом коренного перелома в ходе Великой Отечественной войны.

Город Сталинград стал героем многих художественных произведений, написанных как непосредственно по горячим следам событий, так и в послевоенные годы. Внушительный список начинается с повести К. Симонова «Дни и ночи» (1943 г.), удостоенной в 1946 году Сталинской премией второй степени. В послевоенные годы город на Волге становится местом действия таких значимых произведений о войне, как повесть В. Некрасова «В окопах Сталинграда» (1946), романов «За правое дело» (1952), «Жизнь и судьба» (1961) В. Гроссмана, «Солдатами не рождаются» (1964) К. Симонова, «Горячий снег» (1969) Ю. Бондарева, «Мой Сталинград» (1993) М. Алексеева и др.

Особое место образ Сталинграда занимает в творчестве К. Симонова. Будучи военным фронтовым корреспондентом газеты «Красная Звезда», он две недели провел в окруженном городе в сентябре 1942 года. К этому времени писатель уже не понаслышке знал, что такое эта война. Но увиденное здесь потрясло его, оно было несравнимо с прежними фронтовыми впечатлениями, и патетическая нота, прозвучавшая в сталинградских очерках Симонова, яркое свидетельство тому.

Сталинград является местом действия целого ряда очерков и рассказов К. Симонова («Дни и ночи», «Солдатская слава», «Рус-«фанер»», «Бои на окраине»). На основе рассказа «Дни и ночи» в 1944 году была написана одноименная повесть, которая повествует о событиях, происходивших в Сталинграде в октябре-ноябре 1942 года. Спустя 20 лет, в 1964

году, была напечатана вторая часть – роман «Солдатами не рождаются», где описывается последний месяц Сталинградской битвы. Два этих произведения отличаются по манере повествования, по смысловой значимости, по художественным средствам, используемым К. Симоновым для характеристики Сталинграда и обстановки в городе во время сражения, обрисовки персонажей.

Военная проза К. Симонова исследована достаточно обстоятельно. Существует несколько монографий и множество статей, посвященных военной теме в творчестве писателя [1-3]. Но практически вне внимания исследователей осталась тема, связанная с изображением города Сталинграда, являющегося местом действия большинства военных произведений К. Симонова. На наш взгляд, исследование приверженности писателя к городу Сталинграду, функций образа города, его трансформации является одной из актуальных задач современного литературоведения.

Сталинград в повести «Дни и ночи» является «персонажем», объединяющим основные сюжетные линии повести. Будучи один из главных героев повести, город сражается, весь израненный, погибает, как сражающийся солдат («Многие кварталы были целиком снесены...»), постоянно видимое «зарезо Сталинграда»). Место действия повести предельно сконцентрировано. Масштаб происходящих событий, ограниченных обороной или захватом одного дома, создаёт образ конкретного воюющего города с топографической точностью. При этом речь идет не о городе, сотворенном писательским воображением, а о реальном Сталинграде, перенесенном автором в книгу в качестве исторического документа. В начале повести Симонов, описывая Сталинград, не только называет вполне достоверные цифры количества бомбивших его самолетов (две тысячи), но и передает реально осязаемый облик города как живого существа, переживающего ужасающую трагедию.

Разрушенный – ключевое слово, используемое писателем при описании Сталинграда: разрушенный город, разрушенные улицы, разрушенные дома. Автор намеренно регулярно вводит в текст определение «разрушенный», позволяющее ему точно описать состояние города и актуализировать содержание поня-

тия «война». Дополняет картину разрушений огонь, который сжигает все на своем пути, становится внешним атрибутом города, что придаёт характеристике особый трагизм: «Город горел, он горел ночь, весь следующий день и всю следующую ночь... На третий день, когда пожар стал стихать, в Сталинграде установился тот особый тягостный запах пепелища, который потом так и не покидал его все месяцы осады. [5, с.13–14]. Таким предстает твердыня на Волге в первой главе повести. О нем рассказывает обессиленная женщина, только что оттуда бежавшая, босой, с обожжёнными ногами. Город в её рассказе наделен человеческими чертами, она говорит о нем, как о живом существе: «как сгорел Сталинград». Картина разрушенного и сожженного города, тщательно выписанная писателем, была необходима К. Симонову для создания реалистической картины трагедии и трансляции мысли художника слова о героической стойкости, о подвиге Сталинграда.

К. Симонов начинает повествование не с апокалипсической картины горящего, разрушающегося города, а с относительно мирного эпизода – описания выгрузки батальона Сабурова на станции Эльтон: «Сейчас, в Эльтоне, он вдруг почувствовал, что именно здесь и лежит тот предел, за который уже нельзя переступить» [5, с. 7–8]. И эта решимость отстоять этот последний рубеж, не отступить содержала чувство уверенности в будущей победе, как бы призрачной она не представлялась. Видение перспективы будущей Победы, будущей мирной жизни дает представление о силе духа сталинградцев, ставшей основой их стойкости.

В повести «Дни и ночи» город Сталинград предстает в двух планах. Параллельно рассказу женщины о горящем Сталинграде, о «разбитых и сожженных улицах» в повествование вводятся воспоминания о том, «где и когда были построены сожжённые сейчас дома, где и когда посажены спиленные сейчас на баррикады деревья» [5, с. 8]. Такое контрастное противопоставление уничтожения и мирной картины Сталинграда, несущие идею созидания (построить дома, посадить деревья), позволяют Симонову контрастно представить два лика города: довоенного и охваченного пламенем жестокой битвы. Представление о

красоте и разрушении (как символ уродства) показано писателем посредством противопоставления цвета. В повести «Дни и ночи», – как верно отмечает критик Подворотнева, – не раз встречается упоминание о зелёных насаждениях: яркий зелёный цвет противопоставляется безликому серому цвету войны, цвету дыма и трагичному красному цвету огня (зареву); ср.: зелёное окружение – красное зарево Сталинграда, город дымный и серый [4, с. 64].

Город Сталинград меняется в ходе тяжёлых оборонительных боев, он изменяется, как преобразуются и те, кто его защищал. В момент, когда писатель изображает окончание первого этапа боев за Сталинград, автор показывает, что возникает уже иная, более высокая мера мужества и стойкости: армия оборонялась ещё яростнее и упорнее.

С новым душевным состоянием защитников города связано установление «того особого осадного быта, который поражал попадавших в Сталинград людей своими устойчивыми традициями, своим спокойствием, а иногда и юмором». Само возникновение этого быта – признак устойчивости, уверенности в своих силах. Коренной перелом в ходе войны, который знаменовала собой сталинградская битва, в сознании Симонова связан, прежде всего, с могучей силой духа, которая затем сделала само прилагательное «сталинградский» превосходной степенью к понятиям «стойкость», «упорство», «мужество». В предпоследней главе повести писатель словно подводит итог тому, о чём рассказывает в книге, «расшифровывая» содержание слова «сталинградцы»: «У людей, защищавших Сталинград, образовалась некая постоянная сила сопротивления, сложившаяся как следствие самых разных причин ... Все эти вместе взятые обстоятельства постепенно создали ту упрямую силу, имя которой было «сталинградцы», причем весь грозный смысл этого слова другие поняли раньше, чем они сами» [5, с. 235].

В этот переломный для душевного состояния героев и для хода боев момент Симонов вводит в повесть два эпизодических персонажа, главная функция которых заключается в том, чтобы подчеркнуть нелокальный характер того, что происходило в Сталинграде, показать, что мужество защитников города

опирается на силу духа всего народа. В разгаре боев на учебу в Академию связи в Москву отзывают командира роты связи. И хотя это показалось Сабурову явно не соответствующим обстановке, даже странным, в самой этой странности было обнадеживающее «ощущение общего громадного хода вещей, который ничем нельзя было остановить», ощущение твердости и спокойствия. В это же время в батальон Сабурова прибывает московский журналист Лопатин. Он только вчера вылетел из Москвы; столица, по его словам, «ничего, стоит» и даже баррикады там разобрали, как и прежде, в театре идет «Евгений Онегин».

Все пережитое Сталинградом и его защитниками до сих пор еще не было пределом – пределом испытаний и пределом мужества. Предстоял еще один, заключительный этап обороны и новая, высшая ступень духовной закалки героев. Это происходит уже в ноябрьские дни, когда переправа через Волгу, в сущности, прекратилась: река еще не стала. В повести подробно рассказывается о сложившейся в городе обстановке: «Сказать, что бои шли в Сталинграде, значило бы сказать слишком мало: почти повсюду бои шли у самого берега...» [5, с.156]. И предпринятая немцами в эти ноябрьские дни последняя попытка опрокинуть наши поредевшие части снова наталкивается на несокрушимое сопротивление защитников города. Люди почувствовали, что случилось нечто необычайно важное. Сознание этого вызвало такой подъем духа, который сделал возможным то, что прежде даже по сталинградским «нормам» казалось невыполнимым. Вряд ли в ином состоянии Сабуров совершил бы свой подвиг. И как буднично он

ни выглядит – трижды за ночь Сабуров проделал один и тот же путь между штабом дивизии и штабом отрезанного от нее полка, – это подвиг. Ощущение нашей силы, предчувствие победы уже не оставляют Сабурова и других героев. Впервые в блиндаже Сабурова пьют за победу и впервые говорят о будущем, о том, что будет, когда наступит мир. И мысли о наступлении, которые в начале повести были лишь выражением непоколебимой веры героев в победу, здесь становятся соображениями практически-деловыми.

Таким образом, Сталинград в повести «Дни и ночи», наряду с капитаном Сабуровым, является главным героем книги. Город, словно живое существо, переживает все те страдания, которые испытывает сражающийся человек. Осязаемое присутствие Сталинграда, где происходят основные события, придает повести особую материальность, вкус подлинности. При этом речь идет не о городе, созданном писательским воображением, а о подлинном Сталинграде. Одновременно Сталинград предстает в повести символом Родины, последним рубежом Родины, дальше которого отступить нельзя.

Картина разрушенного и сожженного города, тщательно выписанная писателем, необходима К. Симонову для создания реалистической картины трагедии и трансляции его мысли о героической стойкости, о подвиге Сталинграда. Образ Сталинграда в ходе тяжелых оборонительных боев меняется, трансформируется, как изменяются и те, кто защищал город. Он отражает внутреннее состояние героев, соответствует их духу, устремленности, стойкости.

Использованная литература:

1. Вишневская И. Л. Константин Симонов. Очерк творчества. М.: Советский писатель, 1966.
2. Гареев М. А. Константин Симонов как военный писатель. История Великой Отечественной войны в творчестве К. Симонова и ее современные истолкования. М.: Инсан, 2006.
3. Лазарев Л. И. Константин Симонов. Очерк жизни и творчества. М.: Художественная литература, 1985.
4. Подворотова В. В. Образ Сталинграда и средства его создания в прозе К. Симонова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Русская филология». 2013. № 6. С. 63–67.

References:

1. Vishnevskaya, I. L., *Konstantin Simonov. Ocherk tvorchestva* (Konstantin Simonov. Essay on Creative Work), Moscow: Sovetskiy pisatel', 1966.
2. Gareev, M. A., *Konstantin Simonov kak voennyi pisatel'. Istoriya Velikoy Otechestvennoy vojny v tvorchestve K. Simonova i ee sovremennye istolkovaniya* (Konstantin Simonov as a Military Writer. History of the Great Patriotic War in the Works of Konstantin Simonov and Its Modern Interpretation), Moscow: Insan, 2006.
3. Lazarev, L. I., *Konstantin Simonov. Ocherk zhizni i tvorchestva* (Konstantin Simonov. Essay on His Life and Creative Work), Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1985.

5. Симонов К. М. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1967.

4. Podvorotova, V. V., *Obraz Stalingrada i sredstva ego sozdaniya v proze K. Simonova* (The Image of Stalingrad and the Means of Its Creation in Konstantin Simonov Prose), in *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, Seriya «Russkaya filologiya»*, 2013, no. 6, pp. 63–67.

5. Simonov, K. M., *Sobranie sochineniy* (Collected Works), in 6 vols., vol. 2, Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1967.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Тетуев, Б. И. Образ Сталинграда в повести К. М. Симонова «Дни и ночи» [Электронный ресурс] / Б. И. Тетуев, А. А. Маккаева // Наследие веков. – 2016. – № 2. – С. 15-19. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/07/2016_2_Tetuev_Makkaeva.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Tetuev, B. I. and Makkaeva, A. A., *Obraz Stalingrada v povesti K. M. Simonova «Dni i nochi»* (The Image of the City of Stalingrad in Konstantin M. Simonov's Novel "Days and Nights"), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 2, pp. 15-19. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/07/2016_2_Tetuev_Makkaeva.pdf Accessed Month DD, YYYY.

ЧУМАЧЕНКО Виктор Кириллович
кандидат филологических наук, профессор, старший научный
сотрудник отдела экспертно-консультативной деятельности
и проблем культурного и природного наследия
Российского научно-исследовательского института культурного и
природного наследия имени Д. С. Лихачева,
Краснодар, Россия

Viktor K. CHUMACHENKO

Cand. Sci. (National Literature), Assoc. Prof.,
DepCand. Sci. (Theory of Literature), Prof., Senior Researcher,
Department of the Expert Advisory Activities
and Problems of Cultural and Natural Heritage,
Southern Branch, Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage, Krasnodar, Russia
vchum@rambler.ru

**«Нет ничего лучше
и прекраснее родины»
(Письма Олексы
и Прасковьи Кирий
сыну Алексею на фронт)**

**«There is Nothing Better and More
Beautiful Than Motherland»
(Letters from Oleksa and Praskovya
Kiryi to Their Son Alexey
to the Battle-Front)**

В статье публикуется переписка родителей с сыном, воюющим на фронте. Ее историческая и художественная уникальность в том, что все три участника эпистолярного диалога являются кубанскими литераторами: Олекса Кирий (поэт, драматург и переводчик), Прасковья Кирий (переводчица), Алексей Кирий (прозаик, журналист, издательский работник). Публикуемые письма – яркий эмоциональный документ эпохи Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, патриотизм советского народа, литература Кубани.

The correspondence of parents and son fighting at the battle-front is published in the article. Its historical and artistic uniqueness is that all three members of the epistolary dialogue are the Kuban writers: Oleksa Kiriy (poet, playwright and translator), Praskovya Kiriy (translator), Alexei Kiriy (writer, journalist, publishing worker). Published letters are vivid emotional documents of the era of the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, Soviet people's patriotism, Kuban literature.

Старейший кубанский писатель, поэт, драматург и переводчик Олекса Кирий (1889–1954) родился в селе Круничполь Борзенского уезда Черниговской губернии в многодетной крестьянской семье. После окончания сельской школы двенадцатилетний подросток был отправлен в город Нежин служить в магазине «мальчиком». Через два года, несправедливо уволенный хозяином, пошел работать на сахарный завод в Парафиевке. В 1906

году перебрался на Кубань, где нашел место переписчика в Екатеринодарском окружном суде [6]. С этого времени он пристрастился к чтению книг и увлекся театром. В 1909 году талантливый юноша выпустил в свет первое свое произведение, пьесу «Сибиряки», поставленную на украинском языке Выселковским народным театром [5]. Еще через год вышел первый сборник его лирических стихов «Рідна нива», написанных под влиянием «Кобзаря»

Т. Шевченко. Итог дореволюционному периоду творчества поэт подвел в «Збірке поезій» 1926 г., враждебно встреченный советской критикой, уличивших автора в нежелании петь по-новому.

Попытка петь на новые мотивы (сборник 1931 г. «У ногу з днями») оказалась неудачной. А после запрета на Кубани украинского языка (конец 1932 г.) и вовсе пришлось искать своим талантам новое применение. Выходом из творческого тупика стало увлечение фольклором северокавказских народов, прежде всего черкесов и дагестанцев. Однако первый же сборник «Черкеські пісні, легенди, міти» (1932) под редакцией М. Рыльского и с предисловием Т. Керашева вскоре попал в спецхран. А следующий – «Гірські пісні», подготовленный по заказу издательства «Музична література» (1935 г.) и вовсе не вышел [8]. Война также помещала выходу в Краснодарском книжном издательстве антологии «Адыгейских народных песен и легенд» на русском языке, подписанной в печать в июне 1941 г.

Больше повезло его эпической поэме «Адыге» (первоначальное название – «Адыгиада»), повествующей о жизни нескольких поколений черкесской семьи, обретшей подлинное счастье лишь в советской колхозной России. Первая её часть появилась перед самой войной, а полный текст (с кардинально переработанной первой частью) появился в печати в 1948-ом. Несмотря на некоторый схематизм сюжета, читателей покорила искренняя любовь автора к древней истории адыгов, их культуре.

Долгие годы оставалась в рукописи автобиографическая повесть «Моя жизнь», заявку на издание которой писатель подал в Краснодарское книжное издательство в 1952 г. Вместо неё издательство подготовило и выпустило объёмистый том «Избранного» – поэтических произведений писателя на русском языке, ставший его последней прижизненной книгой.

Супруга Алексея Андреевича Прасковья Михайловна Кирий (1889–1942) не толь-

Слева направо - Алексей Кирий, Олекса Кирий и Прасковья Михайловна Кирий

ко достойно несла бремя быть писательской женой, его надежным тылом, гостеприимной хозяйкой, матерью, бабушкой и свекровью, но и сама пробовали силы в литературе в качестве переводчика стихов с украинского языка. Надо ли говорить, что любимым автором, которого она перекладывала на русский язык, был муж Олекса. К сожалению, подготовленный ею сборник переводов «Украинская музыка», об издании которого хлопотал после её смерти безутешный супруг, в 1943 году не вышел, да и не мог выйти, так как в Краснодарском книжном издательстве тогда не было ни штата сотрудников, достаточного количества ни бумаги, а фашистские самолеты продолжали регулярно бомбить столицу Кубани. Разумеется, были вопросы и к отбору авторов, чьи произведения она пыталась донести до русскоязычного читателя [7].

Начиная с 2012 года, по инициативе К. А. Кирия начато систематическое издание неопубликованных произведений дедушки и бабушки. Читатели получили возможность наконец-то познакомиться с книгой «Моя жизнь» [2], сборником «Адыгейские народные песни и легенды» [1], появление которых тепло встречено всей северокавказской печатью [3, 4, 9]. На очереди «Гірські пісні» и полный библиографический указатель Олексы Кирия с приложением его эпистолярного наследия. Летом 2016 года обретеете свое книжное исполнение и давняя рукопись переводов Прасковьи Михайловны.

Знакомство с перепиской известного кубанского литератора, соединившего в своем творчестве дооктябрьский и советский периоды кубанской словесности, мы хотели бы начать с предварительной публикации здесь его писем, адресованных на фронт своему единственному сыну, тогда еще только начинающему писателю Алексею Алексеевичу Кирию (1911–1976). Родился мальчик в семье, в которой глубоко любили и чтити печатное слово. Родители, Алексей Андреевич и Прасковья Михайловна, смогли дать сыну хорошее образование. Он в совершенстве владел английским, немецким, французским и украинским языками, играл на фортепиано, получил прекрасную музыкальную подготовку, любил читать и рисовать.

После окончания Краснодарской украинской средней школы № 1 Алексей поступил и окончил с отличием Ленинградский строительный институт. Молодой специалист был распределен архитектором на Азотно-Туковый завод в Новогорловке. Тяжелая болезнь отца вынудила его добиться перераспределения на работу в Краснодар. С июля 1940 г. работал в Проектно-изыскательской конторе Крайдоротдела инженером-проектировщиком. Жил с женой и дочкой в доме родителей. 20 июля 1941 г. военинженер 3-го ранга А. А. Кирий был призван в РККА. Все 4 военных года служил он в саперных войсках: наводил переправы, строил дороги и укрепления – всегда на передовой. Дошел до Эльбы, окончание войны встретил в Дрездене. Награжден орденами и медалями. Мобилизован в августе 1945 г. по состоянию здоровья.

Первые литературные опыты Алексея Алексеевича Кирия относятся к студенческим годам. Летом, во время каникул, он подрабатывал в газете «Керченский рабочий» (1933 г.) старшим корректором, пробовал писать своё. Позже его стихи изредка публиковались во фронтовой печати. После войны работал в редакции краевой газеты «Советская Кубань». В конце 1940-х перешел в Краснодарское книжное издательство. В начале 1960-х годов занялся профессиональной литературной работой. Автор прозаических книг: «За океаном» (1951), «Паня Вишнякова» (1956), «Её сердце» (1958), «Взлёт» (1961). Его остросюжетные рассказы часто звучали по кубанскому радио, их охотно читали актеры с подмостков филармоний. Выступал Алексей Алексеевич и как литературный обработчик чужих произведений, что не всегда указывалось в публикуемых при его участии книгах. Умер писатель 29 сентября 1976 г. В газете «Советская Кубань» был опубликован небольшой некролог.

Публикуемые письма предоставлены внучкой Олексы и Прасковьи Кирий, дочерью Алексея Алексеевича Кирия – кандидатом физико-математических наук, профессором Консуэллой Алексеевной Кирий, которая в письмах дедушки любовно именуется Эллочкой.

1

17/1- 42

Дорогой родной любимый наш мальчик! Спасибо за поздравление с Новым годом! Не знаю, получил ли ты наше поздравление. Милый мой мальчик, ты о нас не волнуйся, мы живем хорошо, и у нас всё есть, мы ни в чем не нуждаемся. Папа усиленно работает на 3 часть поэмы, зима стояла с ноября и по 10 января лютая, а сейчас немного легче, топлива у нас много, все тепло одеты, одно только, что я со своей невралгией иногда неделями не встаю с постели, правда не так что бы уже лежала, но сильные боли, а обед готовлю сама, а Муся бегаёт по хозяйству: то на рынок то за молочком, а в общем живем дружно, хорошо, вчера у нас была Оля Невядомская. Я и Муся заказали ей пальто, она в большом восторге (конечно за её деньги). Она передает тебе сердечный привет. Привет от Даши!

Целую тебя мама.

Передай привет Невядомскому и Леснич. Хороший сыночек Лека!

Я жив и чувствую себя ничего. Пишу 3-ю часть поэмы. Желая тебе счастья, здоровья и больших успехов.

Целую. Твой папа.

2

Дорогой мой, любимый сыночек. Спасибо тебе за поздравительное письмо, которое я получил в день моего рождения. Все читали, восхищались и плакали. День моего рождения прошел прекрасно. Меня приехали поздравить тов. Тюляев, Поздняк и др. Пили за твоё здоровье и за твои большие успехи.

Я сейчас занят поэмой. Еще осталось написать порядочное количество строк. Видишь, я пишу плохо, но это не мешает творить.

Беда наша в том, что мама долгое время страдает ишиасом (невралгия). Думаем, с наступлением теплых дней ходить с ней в водолечебницу.

Я чувствую себя ничего.

За домом не беспокойся. Маня и Эллочка живы и здоровы.

Желаю тебе, мой родной, мой любимый сыночек, здоровья и сил.

Желаю тебе и всем бойцам прогнать немецких захватчиков из нашей родной земли! Поздравляю тебя с днем твоего рождения.

Обнимаю тебя и целую крепко. Твой отец А. Кирий
10/III. 1942 г.

3

Здравствуй, Родной мой, любимый мой сыночек Лека!

Твое письмо, что жив и здоров, мы получили 1-го апреля. Оно принесло мне счастье, и сбросило с меня тяжелый гнет.

Что мы пережили при немцах, трудно передать.

Первое горе мое – это смерть матери.

Затем заняли город немцы.

Я лишился пенсии. Я лишился возможности писать произведения.

Я не знал, что с тобою. Можешь представить моё горе?

Только благодаря Мусе, я остался жив.

Она ухаживала за мною, как мать.

Я все свои произведения при немцах закопал в землю, и считался только пенсионером, до меня немцы не добрались только чудом.

Я просидел в комнате шесть месяцев, как в тюрьме.

Все рассказать невозможно.

Но теперь, мой родной, все осталось позади, как ужасный кошмар.

Теперь город освобожден от поганых немцев.

Теперь я имею от тебя письмо, что ты жив и здоров.

Теперь я снова творю. Правда, у нас пока нет издательства. Но я пишу. Заканчиваю поэму «Под красными знаменами» и начал новую большую поэму «Запорожцы», которая посвящается матери, да пишу мелкие стихотворения для газеты «Большевик».

Теперь я весь отдался творчеству.

Здоровье мое плохое, но силы я себе нахожу в творчестве.

Я стал курить много, и мне делается как-то легче.

Пиши мне, родной, как ты живешь, как твоё здоровье. Поздравляю тебя с правительственной наградой. Будь честным до тех пор, пока жив. Служи честно родине. Нет ничего лучше и прекраснее родины. Желаю тебе сил и отваги, для борьбы с захватчиками-немцами.

Обнимаю и целую тебя миллионы раз и
желаю счастья и здоровья.

Твой вечно отец А. Кирий.

2/IV. 1943 г.

4

15/XII. 1944 г.

г. Краснодар

Дорогой мой, любимый сын Лёка!

Я получил твои письма от 5 октября и от
18 ноября 1944 г. Я не могу твои письма читать
без слез. Как начну перечитывать их – плачу.

В моем кабинете, около моего и мамино-
го портрета, стоит твоя маленькая карточка,
которую ты прислал с фронта. Я всегда смо-
трю на нее и вспоминаю прошедшие дни. Смо-
трю в твои глаза и читаю в них всё. Я говорю
с тобой, а когда ложусь спать, у меня желание,
чтобы ты мне приснился. Мне живется трудно.
Одна литературная работа меня спасает, ведет
меня. Я с нею забываю всё горе. Вся жизнь про-
ходит, как сон.

Насчет поэмы моей так ничего [и] не
выходит. Крайком ВКП (б) не может добиться,
чтобы её возвратили из Москвы. Мне самому
придется писать Председателю Союза Совет-
ских Писателей т. Тихонову о возвращении
мне поэмы.

Помимо поэмы «Запорожцы» я написал
новые стихотворения: «Песню о герое», «Пар-
тизаны», «Партизан Тузов», «Партизанка»,
«Братья Игнатовы» (пали смертью храбрых в
борьбе с немецкими захватчиками на Кубани)
и др.

Приезжал в отпуск Николай Новиков. Он
рассказал мне о погибшем летчике Мельдизи-
не Каюме и просил меня написать о Мельдизи-
не песню.

Я написал песню и выслал ее ему 12/XII
с. г. Николай обещал поместить её в их газете.
Песня начинается так:

Баренцево море бурливо шумит.

Вид моря суров и угрюм.

Пилот в поднебесье, как сокол, летит,

Отважный Мельдизин Каюм.

Всех тридцать шесть строчек. Ожидаю
ответа.

Переписываюсь с писателями т. Иншако-
вым, Катаенко, Гридасовым, которые находят-
ся на фронте. Сам сижу дома, никуда не выхо-
жу. Творю да с Эллочкой говорю. Маня ходит

*Кузьма Филиппович Катаенко (1903-1980),
кубанский писатель*

по делам, а мы с ней вдвоем. Как она похожа
на тебя! Она уже большая. Все понимает. Я рас-
сказываю ей сказки, а она поет мне мои песни
и рассказывает мои стихотворения. Вспомина-
ем тебя, вспоминаем бабушку, и так проходят
дни за днями. Я люблю ее, как тебя.

Жива надежда на скорое окончание вой-
ны. Жду с нетерпением этого дня, когда будет
покончено с немецкими извергами.

Желаю тебе здоровья, новых сил, энер-
гии, чтобы ты вернулся ко мне живым и здо-
ровым.

Поздравляю тебя с наступающим Новым
годом! Желаю тебе в новом году исполнения
всех твоих желаний.

У нас уже зима. Холодно. Опадает наш
садик. Поблекли краски. Только я хожу в него
по-старому, предаюсь своим думам.

Привет сердечный от Мани и Элочки.
Смотрю на тебя и маму, снятых вместе на кар-
точке, и тоскую.

Обнимаю и целую тебя крепко.

Твой отец А. Кирий

5

Дорогой мой, родной мой и любимый
сын, Лека!

Поздравляю тебя с днем твоего рождения, и желаю тебе счастья и здоровья. Желаю, чтобы в этом году исполнились все твои желания.

Обнимаю тебя и целую крепко, крепко.

Твой отец А. Кирий

27/II 1945 г.

Твоё [письмо] от 22 Января 1945 года я получил. Спасибо тебе, родной. Пишу тебе письмо. Еще много раз целую тебя.

Твой отец А. Кирий

6

23-го Марта 1945.

Родной и дорогой мой, любимый мой сын, Лека!

Получили 22-го Марта 1945 года твою дорогую посылку. Я получил первым извещением, и Маня сейчас побежала на почту получать её, а я и Эллочка стали с нетерпением ждать Маню с посылкой. И вот когда увидели Маню с посылкой, то Эллочка заплакала. Я стал вскрывать посылку и тоже расплакался. То слезы были радости.

Маня каждую вещь примеряла, восхищалась. Она и я, и Эллочка очень рады и довольны присланной тобой посылкой. Благодарим тебя за неё.

Ты писал, чтобы я взял себе любую вещь на память. Я взял одну сорочку и буду хранить её, как дорогой твой подарок. Тем более дорога посылка, что она пришла ко дню твоего рождения.

Меня омрачает одна мысль, что нет мамы. Я представляю маму, как бы она ра-

Павел Кузьмич Иншаков (1908-1984),
кубанский писатель

довалась твоей посылке, и я всегда тоскую и плачу об этой невозвратимой утрате.

Для меня радость это ты. Я всегда думаю о тебе и жду тебя.

Желаю тебе новых сил и здоровья, желаю скорой победы над ненавистными немецкими захватчиками, и возвращения домой.

Теперь несколько слов о своей поэме. Я написал возражение на рецензию Деева председателю Союза советских писателей тов. Тихонову. От меня затребовали поэму обратно, но я решил её не высылать. Думаю еще над ней немного поработать и ждать окончания войны, и возвращения в Краснодар писателей, Иншакова и других.

Будь здоров и счастлив мой родной сын!

Обнимаю и крепко целую тебя

Твой отец А. Кирий.

Использованная литература:

1. Кирий О. Адыгейские народные песни и легенды в переводах О. Кирия: Адыге / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. В. К. Чумаченко. Краснодар, 2014. С. 4-10.
2. Кирий О. Моя жизнь / Сост., науч. ред., предисл. и коммент. В. К. Чумаченко. Краснодар, 2012. С. 3-14.
3. Ламосова Н. В. «Я все стерплю, перестрадаю...» // Кубанский писатель. 2013. Февраль. № 2. С. 5.
4. Полтавский А. «Адыге» в судьбе Олексы Кирия // Советская Адыгея (Майкоп). 2013. 15 янв. № 5.
5. Чумаченко В. К. Деятельность Олексы Кирия на ниве украинской культуры // Народна творчість та етнологія. 2016. № 1. С. 82-90.
6. Чумаченко В.К. Кирий Олекса Андрійович // Енциклопедія сучасної України в 25 т. К., 2013. Т. 13. С. 70.

References:

1. Kiriy, O., *Adygeyskie narodnye pesni i legendy v perevodakh O. Kiriya: Adyge (Adyghe Folk Songs and Legends in Translation by O. Kiriy. Adyghe People)*, Chumachenko, V. K., Comp., Ed., Foreword, Comment., Krasnodar, 2014, pp. 4-10.
2. Kiriy, O., *Moya zhizn' (My Life)*, Chumachenko, V. K., Comp., Ed., Foreword, Comment., Krasnodar, 2012, pp. 3-14.
3. Lamosova, N. V., «Ya vse sterplyu, perestradayu...» ("I'll Endure Everything, I'll Suffer through"), *Kubanskiy pisatel'*, 2013, February, no. 2, p. 5.
4. Poltavskiy, A., «Adyge» v sud'be Oleksy Kiriya ("Adyghe People" in the Fate of Oleksa Kiriy), *Sovetskaya Adygeya*, January 15, 2013, no. 5.
5. Chumachenko, V. K., *Deyatel'nost' Oleksy Kiriya na nive ukrainskoy kul'tury (The Activities of Oleksa Kiriy*

7. Чумаченко В. К. Переводчица с украинского Прасковья Кирий // Культурная жизнь Юга России. 2005. № 1. С. 51–57.

8. Чумаченко В. К. Поэт трех народов. Слово об Олексе Кирие // Научное наследие Федора Андреевича Щербини и современность / Сб. материалов XIII научно-практической конференции. г. Краснодар, 22 февраля 2013 г. Краснодар, 2013. С. 178–188.

9. Тымыж Хьэмыщэ. Илъэс 73-кӀэ зыпӀплъэ тхылъ // Адыгэ псалъэ, 8 июлым 2014 гъэм (на кабардинском языке). [Тимижев Хамиша. Книга, которая 73 года ждала выхода в свет // Адыгское слово. 2014. 8 июля. (Нальчик, Кабардино-Балкария).

in the Field of the Ukrainian Culture), *Narodna tvorchist' ta etnologiya*, 2016, no. 1, pp. 82-90.

6. Chumachenko, V. K., Kiriya Oleksa Andriyovich (Oleksa A. Kiriya), in *Entsiklopediya suchasnoi Ukraini*, in 25 vols. Kiev, 2013. vol. 13, p. 70.

7. Chumachenko, V. K., Perevodchitsa s ukrainskogo Praskov'ya Kiriya, (Praskovya Kiriya, Ukrainian Interpreter), *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*, 2005, no. 1, pp. 51–57.

8. Chumachenko, V. K., Poet trekh narodov. Slovo ob Olexe Kirie (Poet of the Three Nations. Word about Oleksa Kyriy), in *Nauchnoe nasledie Fedora Andreevicha Shcherbiny i sovremennost': Proc. 13th Scientific Practical Conf. (Krasnodar, February 22, 2013)*, Krasnodar, 2013, pp. 178-188.

9. Тымыж, Х'емы-Ӏе, Ӏес 73-кӀе зыпӀплъэ тхылъ (The Book, which Was Waiting for 73 Years to Be Published), *Adyge psafe*, July 8, 2014.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Чумаченко, В. К. «Нет ничего лучше и прекраснее родины» (Письма Олексы и Прасковьи Кирий сыну Алексею на фронт) [Электронный ресурс] / В. К. Чумаченко // Наследие веков. – 2016. – № 2. – С. 20-26. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/07/2016_2_Chumachenko.pdf (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Chumachenko, V. K., «Net nichego luchshe i prekrasnee rodiny» (Pis'ma Oleksy i Praskov'i Kiriya synu Alekseyu na front) ("There is Nothing Better and More Beautiful Than Motherland" (Letters from Oleksa and Praskovya Kiriya to Their Son Alexey to the Battle-Front)), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 2, pp. 20-26. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/07/2016_2_Chumachenko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ХАКУАШЕВА Мадина Андреевна

доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник сектора кабардинской литературы
Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований
Нальчик, Россия

Madina A. HAKUASHEVA

Dr. Sci. (Literature of the People of the Russian Federation),
Leading Researcher, Department of the Kabardian Literature,
Kabardino-Balkarian Institute of Humanitarian Studies,
Nalchik, Russia
dinaarma@mail.ru

Творчество Али Шогенцукова в контексте времени

Статья посвящена творчеству основоположника кабардинской литературы А. А. Шогенцукова, погибшего в годы Великой Отечественной войны. Оценивается вклад писателя в национальную культуру в целом.

Ключевые слова: национальная культура, социальная дезадаптация, адыгское (черкесское) просветительство, институт джегуако, фольклорная поэтика.

Creative Work of Ali Shogentsukov in the Context of Time

The article is devoted to the works of the founder of Kabardian literature Ali A. Shogentsukov, who has fallen in the Great Patriotic War. The contribution of the writer in the national culture as a whole is estimated.

Keywords: national culture, social exclusion, Circassian enlightenment, Institute dzheguako, folklore poetics.

Али Асхадович Шогенцуков – классик и основоположник кабардинской литературы, первый профессиональный поэт республики. Его творчество вбирает в себя многовековое развитие традиционной культуры, искания адыгского просвещения и сам процесс становления художественного сознания народа. Ученик первых просветителей, он в своем творчестве, личной судьбе воплотил высшие общечеловеческие идеалы. Сформировавшись на стыке многих культур, поэт дошел до восприятия универсальной духовной модели мира, а потому с полным правом принадлежит мировой культуре.

А. Шогенцуков, ровесник XX столетия, стал свидетелем великих и трагических катаклизмов, социальных потрясений, которые явились началом коренной ломки всей государственной машины России. Кровавое воскресенье, Февральская и Октябрьская револю-

ции 1917 года, Первая мировая, Гражданская войны, раскулачивание, Русско-японская война, коллективизация, сталинские репрессии, Великая Отечественная война – вот далеко неполный перечень драматических глобальных событий, свидетелем и участником которых стал поэт. Это был период политической, социальной и культурной дезадаптации Кабарды после окончания Русско-кавказской войны. Кабардинский поэт оказался под прессингом драматических событий переходного периода в культуре. Традиционный изолированный тип адыгской культуры испытал паралич. Фольклорные традиции оказались на грани полного исчезновения. Адыги пребывали в культурном «вакууме». Такая ситуация была вызвана целым рядом причин, в первую очередь резким сокращением адыгского на родонаселения, возникновением черкесской диаспоры сначала на территории Турции, а за-

Али Асхадович Шогенцуков (1900-1941), советский кабардинский поэт, писатель, основоположник кабардинской литературы

тем во всех странах Ближнего Востока, Азии, Африки, Европы и Америки. Одновременно с отмиранием былой культуры не было создано другой, не сформировался фундамент новой адыгской литературы, эстетически значимого литературного кабардинского языка. Вместе с тем в молодую социалистическую республику хлынул поток русской и иностранной литературы, мощное влияние которой трудно переоценить. Эти невероятные трудности адаптации к совершенно новой, еще не сложившейся действительности пришлось на период формирования первой адыгской интеллигенции. Именно ей предстояло осмыслить противоречивую, новую реальность на всех уровнях, – от бытового до философского.

Само время требовало коренных духовных преобразований. Это означало строительство принципиально новой культуры: «интернациональной по форме, социалистической по содержанию». Если такая задача была трудно-выполнимой для письменных культур, в первую очередь русской, то аналогичные задачи, вставшие перед представителями беспись-

менных культур, были поистине революционными, подчас невыполнимыми. Адыгам предстояло создать новую пролетарскую культуру, суть которой для них по существу была неясна, ибо класса пролетариев среди адыгов не сформировалось в силу объективных исторических причин.

Вместе с тем «значительная часть населения, в том числе наиболее прогрессивные представители, поверили в истинность гуманистических лозунгов революции. Идеи построения государства на основе всеобщего равенства и подлинной справедливости во все времена подкреплялись открытием школ, изданием газет и книг на родном языке, другими позитивными мерами в области культуры, принятием конституции, введением института выборных органов, предоставлением некогда колонизированным народам страны формальных атрибутов государственности, экономическими реформами, которые существенно влияли на рост уровня многих граждан» [1, с. 114].

Перед пионерами советского адыгского просвещения и культуры встала многогранная проблема: трансформировать традиционный национальный фольклор и молодую национальную литературу, поставив их на путь интернационального социалистического развития. Эта великая миссия выпала на долю А. Шогенцукова. Благодаря превосходному знанию родного языка, адыгского фольклора, овладению которым во многом способствовал его дед, и, главное, своему таланту, поэт смог адаптировать народный язык, превратив его в литературный, функциональный. В условиях фактического отсутствия литературных и литературно-лингвистических традиций, общего культурного дисбаланса, жесткой идеологической и партийной цензуры, он не мог избежать известных сбоев в своем беспрецедентно-смелом творческом эксперименте. В некоторых стихах о социализме, например, превосходное высокохудожественное описание пейзажа соседствует с ординарными сценами колхозной жизни.

Повинуясь в большей степени безошибочной художественной интуиции художника-самородка, Шогенцуков был одинок в своих напряженных творческих поисках, создавая новый поэтический язык, новые литератур-

ные формы. Отдельные литературные связи (дружба с Ю. Либединским, Дж. Налоевым) не возмещали отсутствия сформированной литературной школы, даже сколько-нибудь значимого литературного окружения, которые бы могли серьезно повлиять на формирование авторской эстетической концепции и индивидуального художественного стиля.

Большинство дошедших до нас стихотворений А. А. Шогенцукова посвящено новой социалистической действительности, в которой утверждаются коммунистические принципы. Если абстрактные принципы дружбы, равенства, братства воспринимались большинством общественности республики с воодушевлением, то конкретные социалистические формы жизни – преимущественно негативно. К примеру, сесть за руль трактора молодой женщине-кабардинке по традиционным понятиям означало разрушение стереотипа исторически сложившегося морального облика горянки, грубое нарушение жестко табуированного поведения, которое регламентировалось институтом хабзэ (адыгский (черкесский) этикет — М. Х.) до деталей. Для осуществления простого физического действия (сесть за руль колхозной машины) гипотетически потребовалась бы постепенная трансформация традиционного национального сознания, по крайней мере, длиной в век. В условиях стремительного образования колхозов, совхозов, обобществления производства требовалась уже не постепенная перестройка, а ломка сознания с последующим насильственным насаждением новых непривычных форм жизни.

Первыми помощниками, «рупорами» партийных социалистических идей должны были явиться поэты и прозаики, художники и артисты, то есть представители новой социалистической культуры. Так сформировалось и стало остроактуальным негласное понятие «соцзаказа». Особенно это касалось первых ведущих деятелей литературы и искусства, так как их творчество становилось точкой отсчета в шкале новых духовных ценностей; на них ориентировались и равнялись другие. Отсюда возникло гигантское направление пролеткульта, семантика которого в названии была, похоже, неслучайно амбивалентна (с одной стороны, – пролетарская культура, с дру-

гой, – культ пролетариата). Утверждение простых незатейливых форм социалистического быта, психологии, идеологии, философии стало магистральной линией новой социалистической культуры. Не следовать или не вполне следовать им означало предать основы марксистско-ленинской идеологии.

Это был неписанный кодекс, игнорирование которого означало конец любой писательской карьеры. Такое негласное предписание было, тем не менее, хорошо усвоено на всех уровнях массового сознания. Отсюда – явное, преувеличенное утрирование всего, что имело прямое или косвенное отношение к социалистическому образу жизни, социалистической морали и идеологии.

Вместе с тем повышенная публицистичность и политизация создаваемой литературы удовлетворяла массовым запросам огромного отряда энтузиастов, ангажированного коммунистическими лозунгами.

Другим фактором, объясняющим феномен социалистического культурного (в том числе литературного) ажиотажа, в частности в Кабарде, был фактор сугубо адыгский, который отмечал А. Гуттов: «Чтобы более основательно разобраться в тонкостях взаимоотношений художественно одаренной личности с властями, следует обратить внимание на некоторые особенности адыгской традиционной культуры, в частности, на статус ее профессиональных носителей, именуемых джегуако. Типологически они родственны скоморохам древней Руси, шпильманам, жонглерам, скальдам средневековой Европы. Институт джегуако, которые, согласно свидетельствам многих авторов и информации современных сказителей, пользовались привилегированным правом безбоязненно высказывать свои мысли в любом обществе, просуществовал вплоть до XX в. От него определенная вольность людей искусства с их активным участием во всех сферах общественной жизни, включая и политику, передалась первым поэтам новой для адыгов письменной культуры. Поэтому воспевание идеалов времени революции и открытая ориентация на публицистический лад, характерные для литераторов 20–30-х годов, имеют свои глубокие традиции и не могут быть объяснены только конформистскими соображениями. Вряд ли сами эти литераторы

подозревали, что, перенимая в совокупности социальную активность вместе с былой смелостью суждений, они обрекают себя на альтернативу: или сделать свой талант неким идеологическим придатком новой социально-политической системы, или обречь себя на верную гибель, поскольку большевистская власть не признавала никаких вольностей, однозначно расценивая их как контрреволюционную агитацию. Критерием оценки для нее был не художественный дар, а степень лояльности к ней самой» [1, с. 114–115].

В настоящее время изучение советской эпохи через призму художественного текста, написанного рукой талантливого мастера, – одна из возможностей «вскрыть» ее изнутри. Глубокое, противоречивое проникновение в саму стихию народной жизни – особый художественный дар А. Шогенцукова. Через национальное художественное осмысление действительности он непроизвольно выходит к универсальным духовным ценностям.

Для кабардинской литературы процесс ее национального становления происходил в усвоении русского литературного художественного опыта, а также восточной (тюрко-язычной и арабоязычной) художественной традиции. С точки зрения национального развития, кабардинская литература на начальных этапах складывается в процесс преодоления фольклорной поэтики. Но настоящий процесс формирования национальной литературы значительно многограннее и глубже. Существовало несколько путей формирования письменной национальной литературы в 1920-е годы с различными типами фольклорной ориентации, с неодинаковыми типами взаимодействия с русской культурой при равноуровневом освоении восточной (арабоязычной) культуры. Можно выделить три основных уровня формирующейся литературы: а) от фольклора к литературе, то есть так называемый спонтанный путь развития национальной словесности. Два других уровня следует рассматривать в рамках взаимодействия с развитыми литературами: б) кабардинские просветители русской ориентации; в) восточный культурный канал.

Первый путь формирования национальной поэзии, развивающий фольклорные традиции, представлен Б. Пачевым и Т. Бору-

каевым, творчество которых тесно связано с мифопоэтической поэтикой.

Б. Пачев продолжил сатирическую и игровую традиции джегуако и трансформировал их в литературные формы. Это определяет своеобразие его творчества, выраженного в цикле стихов «Верные слова» как идеального воплощения кабардинского национального характера.

Т. Борукаев – представитель письменной литературы, потому и воспринимает он не только фольклор, эпикомифологическое сознание, но и литературные традиции восточно-ориентированных просветителей. Его творчество как бы замыкает кабардинское просветительство по одной из линий его развития, оно развивается в рамках фольклорно-романтического художественного сознания. С другой стороны, им тоже были усвоены и использованы традиции устного народного творчества, в частности джегуако.

Однако для органичного синтеза различных традиций требовалась крупная творческая индивидуальность. Этот процесс синтеза был обозначен и реализован в творчестве А. Шогенцукова. Яркая творческая личность и трагическая судьба Шогенцукова становились предметом исследования, но каждая эпоха прочитывает поэта по-своему.

Особое место А. Шогенцукова в развитии кабардинской литературы определяется, с одной стороны, ориентированием его поэзии на глубинные национальные традиции, а с другой – воздействием идей русской революции.

Поиски путей соединения великого и трагического, потрясений настоящего с надеждами на будущее осложнялись тем, что поэт осознавал сложность задач, стоящих перед культурой. Ему нелегко было принять идеи русской революции с их остротой социального разделения общества, осознанностью классовой структуры государства в их отнюдь не простой диалектике, с воинствующим атеизмом, то есть всем тем, что противоречит национальному просветительству адыгов. Поэт не сразу приходит к выводу, что спасение гибнущей самобытной культуры лежит в ориентации на русскую культуру. В эпоху, резко отличавшуюся от революционного времени, он сделал свой выбор в творчестве: от тонкой и хрупкой лирической поэзии с глубоким соци-

ально-философским подтекстом, характерной для его ранних стихов, он переходит к эпике.

Переход к оптимистическому восприятию противоречий действительности для кабардинского поэта, как и его современников, поэтов нового мира, сопровождается зачастую драматическими последствиями. Уже в 1920-е гг. заметно влияние на его творчество революционного пафоса и социального оптимизма русских и советских классиков.

Любовь к А. С. Пушкину у А. Шогенцукова зародилась еще в годы учебы в Крыму, где ему представилась возможность ближе познакомиться с русской литературой. На ее основе молодой поэт уверенно вводит в кабардинскую литературу силлабо-тоническое стихосложение, пользуется размерами классической русской литературы. Уже на ранних этапах своего творчества Шогенцуков испытывал большое влияние другого классика русской литературы – М. Ю. Лермонтова. В творчестве обоих поэтов можно найти много общего: и в обрисовке женских образов, и в реалистическом отображении жизни горцев, их нравов, описании природы Кавказа, и в показе роли народного певца.

В период учебы в «Цаговском университете» юный поэт познакомился с творчеством Н.А. Некрасова. Продолжая традиции русского поэта, Шогенцуков видит не только мрачные, теневые стороны жизни своих героинь, он утверждает, что «грязь обстановки убогой» не липнет к ним, что нищета, убожество жизни не портят их душевной красоты и величия характеров. Творчество Некрасова сыграло большую роль в понимании А. Шогенцуковым значения устного поэтического творчества.

В одном из своих стихотворений А. Шогенцуков, вспоминая гневный протест великого украинского поэта Тараса Шевченко против кровопролитной Кавказской войны, с глубоким чувством писал:

*Песни твои, – словно степь в ковыле,
Нет ни конца им, ни края,
Тех, кто на горе родимой земле,
Ты бичевал, презирая.
Проклял бы их, кто сгубил храбрецов
Славных нагорий кавказских,
Мне ли, наследнику чести отцов,
Слов не заслушаться братских.*

В творчестве обоих поэтов можно найти много сходных мотивов и тем. Это наблюдается не только в эпических произведениях, но и в лирике поэта.

Поэма А. Шогенцукова «Мадина» очень близка к поэме Т. Шевченко «Марьяна-черница». За некоторыми исключениями сюжетное развитие обеих поэм одинаково – богатство губит счастье двух влюбленных. Очень много общего в поэмах «Камбот и Ляца» и «Гайдамаки». Но в отображении поэтами явлений действительности можно найти и разницу, обусловленную социально-историческими факторами. Если «элегический, тон его (Шогенцукова) творений о незадачливой судьбе его героев постоянно заглушается мощным аккордом радости за счастливое настоящее и прекрасное будущее освободительного народа», то «грустные, подчас глубоко трагические ноты проходят через все его (Шевченко) произведения» [3, с. 174].

Художественное творчество А. Шогенцукова формировалось и под влиянием М. Горького. В освоении традиции Горького большую роль сыграл перевод поэтом произведений русского писателя. Так, в 1940 г. Шогенцуков перевел лирико-романтические произведения «Песня о Буревестнике», «Песня о Соколе». Переводы, выполненные Шогенцуковым с подлинным талантом, печатаются ныне во всех учебниках, являясь образцами переводной кабардинской литературы.

В образах Камбота, Хасанша и других персонажах легко обнаружить многие черты романтических героев Горького, несмотря на то, что их борьба относится к разным этапам освободительной борьбы народов. Влияние Горького на творчество Шогенцукова не ограничивается идейным воздействием. Оно проявляется и в требовательном отношении к языку, в использовании им многих художественных приемов русского писателя. Обрисовка образа, раскрытие его постепенного роста у Шогенцукова, связано с творческим изучением М. Горького, так как в кабардинском поэтическом творчестве этот прием не получил широкого распространения.

Знакомство А. Шогенцукова с поэзией Маяковского началось в начале 1930-х гг. Это подтверждается тем обстоятельством, что еще в 1931 г., когда в Кабарде еще не было ни

журналов, ни писательской организации, кабардинский поэт переводит стихотворение Маяковского «Возьмем винтовки новые» и включает его в издаваемый им учебник для кабардинских школ.

Продолжая традиции талантливого современного поэта, Шогенцуков главное свое внимание уделяет поэтизации социальной действительности, созданию образов людей труда («Лина-трактористка», «Сатаней», «Красавица-Сатаней», «Самоотверженная девушка»). В сатирических стихах «Завтра Каирбека», «Пистолет», «Уйди!» Шогенцуков преломляет к национальному языку и поэтике традиции Маяковского. Их творческое использование наиболее всего заметно в последней лироэпической поэме «Пусть мое слово дойдет до Вас». Близость поэмы Шогенцукова к классическим произведениям Маяковского заключается не только в полноте охвата истории событий, но и в самом построении поэмы, в ее лиризме и пафосе, ритмико-интонационной организации. Поэма «Пусть мое слово дойдет до Вас» посвящена 20-й годовщине образования Кабардинской республики. В ней автор прослеживает путь своего народа от феодализма к социализму. Но этот огромный разнообразный исторический материал Шогенцуков сумел обобщить, организовать в монолитное единое целое, подчинить его общему идейному замыслу.

Кроме значительного влияния русской классической литературы, в творчество Шогенцукова органически входит национальный фольклор. Однако поэт пользуется не всеми средствами фольклора: критически подходя к произведениям устного творчества народа, он выбирает лишь такие изобразительные приемы, которые наиболее глубоко раскрыли бы новое социальное содержание. При этом каждое заимствование оправданно, оно всякий раз способствует более глубокому и реалистическому раскрытию идеи произведения. Народных героев джегуако всегда наделял прекрасными чертами. Так, например, для народа Сосруко – символ света, солнца. Подобными же чертами народ наделяет и другие положительные образы эпоса. Но в народном эпосе дифференциация образов по социально-классовому признаку выражена недостаточно ярко и отчетливо. В этом смысле Шогенцуков

делает шаг вперед. В произведениях кабардинского поэта борцы и защитники народа являются носителями духовных и нравственных качеств, а представители господствующего класса всегда последовательно отрицательные типы.

Большое влияние на кабардинского поэта оказали в первую очередь основные мотивы нартского эпоса: поиски всенародного счастья, борьба в интересах народа. Эти проблемы занимают большое место в творчестве Шогенцукова. Тесная связь творчества поэта с традициями нартского эпоса наиболее ярко выражена в поэме «Камбот и Ляца», основные образы которой, их характеристика, черты и качества прямо перекликаются со многими образами нартских сказаний. Наряду с этим народный эпос являлся для поэта благотворным источником художественных средств и приемов.

А. Шогенцуков заимствовал богатую фольклорную традицию, яркие фольклорные персонажи, в частности такие, как широко популярный среди адыгов величественный героический эпос Андемиркан, проникнутый острым социальным протестом, такие песни, как «Дамалей – Широкие плечи», «Песня крепостных», проникновенные, полные трагизма любовные песни об Адиюх, Гошагаг, Таукан и многие другие.

Кабардинская сказка явилась той фундаментальной основой, которая дала импульс развитию детского художественного сознания будущего поэта, формируя адыгский архетипический способ мышления. Отражая жизнь, труд, быт, социальные отношения, она давала глубинное представление об особенностях национальной жизни.

Конец XIX и начало XX в. в истории кабардинского народа ознаменовались появлением даровитого народного певца Бекмурзы Пачева, сыгравшего исключительно важную роль в развитии кабардинской поэзии. Прекрасный знаток родного фольклора, Б. Пачев соединил в себе оба начала кабардинской литературы – письменной речи и устного слова, проложив мост, соединяющий письменную литературу и фольклор. На формирование Шогенцукова повлияло творчество Б. Пачева. А. Шогенцуков дешифровал созданный народным поэтом алфавит и прочел его рукописи. Б. Пачеву посвящено стихотворение «У твоей могилы».

Поэт продолжил художественные начинания и других прогрессивных деятелей кабардинского народа, таких как Талиб Кашежев, Мажид Фанзиев, Паго Тамбиев, Нури Цагов и др. Независимо друг от друга каждый из них создал свой собственный алфавит, но это так и не дало желаемых результатов. С начала своей поэтической деятельности А. Шогенцуков произвел коренные изменения в кабардинском народном стихосложении. Тонический народный стих поэт перевел в силлабо-тоническую систему стихосложения, что позволило пользоваться размерами русской классической поэзии, обогатило ритмическое и интонационное звучание кабардинского стиха. Творчество выдающегося поэта явилось по сути настоящим революционным преобразованием в развитии художественного слова, новым этапом в истории кабардинской литературы.

Переходный этап, становление социалистических основ жизни приобретали небывалые, непривычные формы для традиционного, патриархального уклада кабардинцев: начальный этап урбанизации, становление города, формирование первых национальных культурных центров и городской творческой интеллигенции – вот лишь малый перечень в кругу острых противоречивых преобразований 30-х гг. Так, впервые был создан национальный театр, формирование которого проходило в сложных условиях: отсутствие опыта, традиционная устойчивая адыгская мораль, которая ассоциировала театральную роль с «низким» амплуа ажигафа (роль шута, скомороха в традиционной культуре адыгов — М. Х.), общее недоверчивое отношение к театральным жанрам, особенно с женским участием. Однако в республике сложилась талантливая молодая группа артистов первого национального театра, и Шогенцуков был приглашен в качестве литературного консультанта. Для только что созданного ансамбля песни и пляски он написал множество песен на музыку композитора А. М. Аврамова. Такие стихи, как «Накулен», «Колыбельная», «Хамид», «Лина-трактористка», «Стахановцы» и др. были переложены на музыку и стали народными песнями. Шогенцуков перевел на кабардинский язык значительное число советских песен, в частно-

сти, песни на стихи Алимова, Исаковского, несколько десятков русских народных песен. Большое значение поэт придавал развитию оперного искусства, обратившись к замечательным русским традициям: начал переводы текстов из оперы Рубинштейна «Демон», «Ходим мы к Арагве светлой», из оперы Мусоргского «Хованщина» – «Поздно вечером сидела».

В 1940 г. А. М. Аврамов и А. А. Шогенцуков начали работу над созданием первой национальной оперы. Либретто было подготовлено поэтом, в его основу легла драма «Кызбурун». В архиве поэта сохранилось девять арий. До нас дошла только одна песня для хора «Песня рабов», в которой была использована адыгская народная песня.

А. А. Шогенцуков отводил театру особое место в развитии национальной культуры, принимая в его работе самое активное, непосредственное участие. Обладая тонкой, безошибочной художественной интуицией, прослушивал первые постановки, присутствовал на репетициях, помогал молодым режиссерам и актерам. Прекрасный знаток кабардинского языка и фольклора, он тесно сотрудничал с мелодистами и музыкантами в обработке народных песен и наигрышей; с хореографами и артистами ансамбля песни и пляски – в первых сценических постановках национальных танцев. Зимой 1934 г. ансамбль песни и пляски выезжал в Москву. Кабардинским ансамблем заинтересовался М. Горький, принимавший артистов у себя на даче. При самом активном, деятельном участии Шогенцукова происходило формирование художественных традиций и мастерства молодого национального театра. В дальнейшем произведения самого поэта получили театральное воплощение. В 1950 г., на сцене кабардинского национального театра А. Шортановым был поставлен по мотивам его романа спектакль «Камбот и Ляца». В 1961 г. постановлением Совета Министров республики Кабардино-Балкарскому театру было присвоено имя А. А. Шогенцукова. Это событие было отмечено постановкой спектакля по его поэме «Мадина».

Вершиной пейзажной лирики поэта стало одно из поздних его стихотворений, написанное в 1940 г., за год до гибели. При всей

своей яркой оптимистической тональности, оно полно предчувствием близкого конца и является своеобразным подведением итогов собственной жизни. Река ассоциируется со стихией нетленной жизни, вечной молодостью. Поэт противопоставляет ей конечность человеческой жизни, своё нежелание оставлять цветущую землю:

*Мне в час неизбежный
Здесь место найдите,
В долине прибрежной
Меня схороните.*

Перевод стихотворения, опубликованный под названием «Завещание», представляет своего рода контаминацию кабардинского оригинала в соответствии с одним из вариантов стихотворения. В окончательный вариант не введена последняя, глубоко исповедальная строфа, которая отражает желание поэта быть похороненным на берегу родной реки. Собственно, эта строфа, введенная в русский перевод, и дала основание переводчику для изменения названия стихотворения «Завещание». Но даже без этой строфы оригинал представляет собой действительно поэтическое завещание Али Шогенцукова, внутренне близкое «Памятнику» Пушкина, «Заповиту» Шевченко и «Выхожу один я на дорогу...» Лермонтова.

Поэт просит похоронить его у реки Нальчик, само неустанное движение которой представляется ему направленным потоком времени, потоком истории и человеческого бытия. Так, в самом стихотворении соединяется глубоко личностное, лирическое начало, мотив жизни и смерти поэта с эпическим началом – бессмертием народа, осваивающего новые цивилизованные и культурно-исторические основы.

При ретроспективном анализе с позиции современности стихотворение «Вестник» впечатляет трагической силой поэтической и личной интуиции: Шогенцуков, кажется, уже за два года до своей трагической гибели ее безошибочно предвидел. Ощущение неизбежности трагической судьбы приходит в противоречие со страстной любовью к жизни. Смерть представлена в образе арканщика, с которым поэт обращается на равных, предлагая нежеланному «гостю» отсрочить конец:

*Впрямь ли, вестник, ты за мною?
Не ошибся ли ты дверью?..
В бытие влюблен земное,
Я в загробное не верю.*

Образ «Вестника» традиционен («Судьба стучится в дверь», незнакомец в черном, заказавший Моцарту «Реквием», и т. д.). «Вестник» опознается по своим предварительным печатям, которые он «поставил» на поэте. Например, седина на висках:

*На висках снежинок россыпь –
Не предвестье ль той, незримой,
Чья всегда беззвучна поступь,
Хватка так необорима.*

Страсть к жизни и бесстрашие, с которыми поэт обращается к вестнику смерти, чем-то напоминает диалог девушки со смертью из поэтической баллады М. Горького «Девушка и смерть».

*Дай пожить мне! Напоследок
Должен я еще за нашу
Долгожданную победу
Осушить с друзьями чашу.
Так отсрочь, арканщик, ловлю.
Не захлестывай, петлю!
И трудами и любовью
Слишком связан я с землею.*

Повышенная социальная активность и живая реакция на любые социалистические преобразования со стороны поэта Шогенцукова были в большей степени данью традициям джегуако, адыгских (черкесских) народных поэтов.

В традиции народных сказителей, в частности, входило умение воодушевлять воинов перед решающим сражением. Джегуако появлялся перед ними на сером коне, от его красноречия порой зависел исход сражения. Те же традиции наследует Шогенцуков. Стихотворение «Роза Пиренеев» было написано в 1936 г., то есть сразу же после вторжения фашистских оккупантов в Испанию. Другое знаменитое стихотворение «Призыв» появилось вскоре после начала Великой Отечественной войны:

*От грома пушек вздрагивают скалы,
И долу клонятся верхушки роц...
Кавказцы! И для нас пора настала
Явить свое могущество и мощь!*

*Все – на коней! Взлетайте, братья, в седла
И устремляйтесь всем ветрам в обгон,*

*Чтоб заметался кровопийца подлый,
Поправший человечества закон.*

С первых же дней войны поэт работает с необыкновенным напряжением. Он печатает свои стихи, читает их уезжающим на фронт воинам, выступает на митингах и собраниях. Вспоминая о деятельности Шогенцукова в первые тревожные дни войны, один из друзей поэта пишет: «И еще помню Али Асхадовича в роли агитатора, беседчика. Это было в начале Великой отечественной войны. Поэт Шогенцуков, депутат Нальчикского городского Совета, приходил в наш район (ОДС) беседовать с нашими жителями... Старики, женщины, подростки собирались к вечеру на обширном зеленом дворе. Али Асхадович рассказывал о положении на фронте, о патриотических подвигах советских людей, призывал к мужеству и организованности. Речь его была проста и выразительна, каждое слово доходило до сердца» [2, с. 46].

В этот труднейший период Шогенцуков предвидел, что Советская армия уничтожит фашизм. Могущество страны поэт связывал со «вторым солнцем мира» – Москвой, которая для него являлась «родником тепла и света». В поэме «Моя родина» он указывал, что в Москве начало дороги свободы и победы:

*Славьтесь, весенние воды,
В светлом своем торжестве!
Славьтесь, дороги свободы —
Ваше начало — в Москве!*

(перевод С. Липкина).

Обстоятельства поспешной мобилизации поэта в ряды Красной Армии в начале Отечественной войны до конца не выяснены. Заслуживает особого внимания тот факт, что Шогенцуков, занимая видное общественное положение в республике, будучи председателем Союза писателей, не получил бронь. Вскоре ему вручили повестку, писатель был зачислен в строительный батальон, и 15 сентября 1941 г. отправился на фронт. В своих последних письмах домой он писал, что «несмотря

на временные успехи немцев, победа будет за нами» (Последние письма поэта хранятся в Кабардино-Балкарском государственном музее). Железнодорожный состав, в котором следовал поэт на фронт, под Полтавой попал в окружение. Поэт в числе других оказался в плену и впоследствии был заключен в Бобруйский концентрационный лагерь. Со слов соотечественников-кабардинцев, которые оказались вместе с Шогенцуковым в одном лагере и чудом остались живы, нацисты узнали о его общественном значении, а также о том, что он владел несколькими иностранными языками, и пытались склонить его к сотрудничеству. Поэта несколько раз вызывали к начальнику лагеря, и каждый раз жестоко избивали, так как он отказывался от сотрудничества с немцами. В ответ на истязания Али Асхадович агитировал всех окружающих военнопленных не поддаваться фашистской агитации и насилию, но во что бы то ни стало сохранять свое лицо, свободный дух и достоинство. Однажды он пришел в ярость, увидев, что его соотечественник чистит сапоги одного из немецких офицеров, и публично оскорбил его, зная, какие последствия будет иметь его поступок. Очевидцы вспоминали, что он отказывался принимать лагерную пищу и умер от голода. По свидетельствам других, Шогенцуков погиб после очередного допроса в ноябре 1941 г. и был захоронен в окрестном лесу неподалеку от лагеря.

Администрация и руководство города Нальчика высоко оценило героическое поведение кабардинского поэта, факт его безвременной трагической гибели. Его именем названа городская библиотека, в которой сосредоточены его книги, материалы, документы, касающиеся жизни и творчества, произведения авторов, писавших об Али Асхадовиче. Бобруйск и Нальчик являются городами-побратимами, белорусский город так же трепетно и преданно сохраняет память о нем, как и родная Кабардино-Балкария.

Использованная литература:

1. Гутов А. М. Некоторые вопросы шогенцуковедения // Вестник института гуманитарных исследований Правительства КБР и КБНЦ РАН. 2001. Вып. 8. С. 110-123.
2. Крылова А. Большой поэт, родной человек : памяти Али Шогенцукова // Кабарда. 1950. № 3. С. 45-47.

References:

1. Gutov, A. M., *Nekotorye voprosy shogentsukovedeniya* (Some Questions of the Shogentsukov Studies), *Vestnik instituta gumanitarnykh issledovaniy Pravitel'stva Kabardino-Balkarskoy Respubliki i Kabardino-Balkarskogo Nauchnogo Tsentra Rossiyskoy Akademii Nauk*,

3. Мальцев М. Художественный образ в поэмах Али Шогенцукова // Кабарда. 1954. № 5. С. 172-194.

2001, no. 8, pp. 110-123.

2. Krylova, A., Bol'shoi poet, rodnoy chelovek: pamyati Ali Shogentsukova (Great Poet, Native Person: in the Memory of Ali Shogentsukov), *Kabarda*, 1950, no. 3, pp. 45-47.

3. Mal'tsev, M., Khudozhestvennyy obraz v poemakh Ali Shogentsukova (Artistic Image in the Poems by Ali Shogentsukov), *Kabarda*, 1954, no. 5, pp. 172-194.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Хакуашева, М. А., Творчество Али Шогенцукова в контексте времени [Электронный ресурс] / М. А. Хакуашева // Наследие веков. – 2016. – № 2. – С. 27-36. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/07/2016_2_Hakuasheva.pdf. (дата обращения дд.мм.гг)

Full bibliographic reference to the article:

Hakuasheva, M. A., Tvorchestvo Ali Shogentsukova v kontekste vremeni (Creative Work of Ali Shogentsukov in the Context of Time), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 2, pp. 27-36. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/07/2016_2_Hakuasheva.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

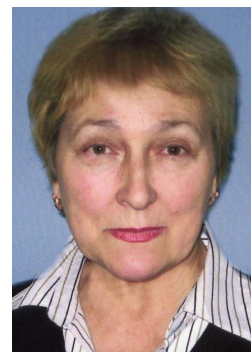

ПЕТРОВА-ХОРИНА Нианила Николаевна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры журналистики и издательского дела
Кубанского социально-экономического института,
Краснодар, Россия

Nianila N. PETROVA-KHORINA

Cand. Sci. (Russian Language, Journalism), Assoc. Prof.,
Department of Journalism and Publishing
Kuban Social and Economic Institute
Krasnodar, Russia
nianilapetrova@mail.ru

Великая Отечественная война и кубанская пресса

The Great Patriotic War and the Kuban Press

На примере кубанской прессы автором показана мобилизующая сила периодической печати (краевой, районной, партизанской) в системе патриотического воспитания населения.

Ключевые слова: война, казаки, газета, радио, информация, редактор, корреспонденты.

Taking the Kuban print media as a case study the author examined the mobilizing power of the periodical press (regional, district, partisan) in the system of patriotic upbringing of the population.

Keywords: war, Cossacks, newspaper, radio, information, editor Ivan Yudin, correspondents.

В годы Великой Отечественной войны публицистика стала основной формой творчества крупных мастеров художественного слова. Она звала на защиту Родины, к преодолению всех лишений в борьбе с врагом. В грозный для страны час слова публицистов звучали как призывный набат. Очерки «Красной Звезды» потрясали правдой жизни, умением заглянуть в духовный мир человека, жизнь которого могла оборваться в любое мгновение. Большое развитие получили фото-публицистика. К фронтовой печати тесно примыкают подпольная и партизанская пресса. Тыловой печати принадлежит большая заслуга в сплочении масс трудового фронта. Зачастую роль районной газеты было призвано выполнять местное радиовещание [9, с. 119].

Журналистика, выполнявшая задачу создания стереотипов общественного сознания (мнение – элемент сознания, его слепок), сегодня сама является и объектом, и источ-

ником изучения самых разных проблем Великой Отечественной войны. На наш взгляд, более детально типологию прессы военного времени дает Д. Л. Стровский: 1) центральная военная пресса («Красная звезда», «Красный флот», «Сталинский сокол»); 2) фронтовая печать – свыше ста газет на фронтах, в армиях, корпусах, дивизиях и т.д.; 3) издания, предназначенные для противника в основном на немецком языке; 4) журналы пропагандистского и литературно-художественного содержания («Блокнот агитатора», «Красноармеец», «Фронтовая иллюстрация» и др.); 5) журнальная специальная периодика («Артиллерийский журнал», «Журнал бронетанковых войск», «Связь Красной Армии» и др.); 6) нелегальная пресса, рассчитанная на население временно оккупированных территорий [16, с. 121].

О периодике Краснодарского края периода ВОВ публикации редки и спорадичны,

сведения о ней частично извлекаются (по тем или иным датам или поводам) из обзорных заметок, имеющих в газете «Большевик» [3, с. 4]. Ю. А. Болдырев в середине 1990-х, на основе архивных данных, впервые дал обзор местных оккупационных СМИ [1, с. 90–94].

О районных газетах следует сказать особо. Местная пресса более других СМИ приближена к рядовому человеку, в ней оперативно работает обратная связь: газета – читатель – газета. Роль советской журналистики, в том числе и глубоко периферийной «районки», в системе идеологического воспитания тыла в годы Великой Отечественной войны очевидна. В историографии кубанской журналистики эта тема, практически, «белое пятно». Специальных работ не было, если не считать отдельные ссылки отдельных авторов-историков на публикации местных газет. Но краевой и районной печати, ее организующей роли в годы ВОВ посвящен ряд работ Н. Н. Петровой [13].

В августе 1943 года, когда Кубань еще не полностью была освобождена от оккупантов, в Москве в издательстве «Политическая литература» увидел свет обширный очерк И.И. Юдина «Следы фашистского зверя на Кубани» [19]. Вскоре ее переиздали в Краснодаре под названием «Партизаны Кубани» [20]. Для историков журналистики интерес представляет глава «Газеты-мстители» с обзором подпольной и партизанской прессы Кубани. Ценность публикации в том, что редактор краевой газеты «Большевик» и член крайкома ВКП (б) И. Юдин факты собрал и обобщил практически по горячим следам, причем так полно, что к сведениям, которые он сообщает, ничего не смог добавить указатель «Партизанские и подпольные газеты в годы ВОВ», составленный на основе комплектов газет, хранящихся в фондах архивов, библиотек и музеев страны [11].

Несомненно, следует согласиться и с Ю. В. Лучинским, сторонником комплексного подхода к изучению региональных СМИ, что наряду с анализом языковых особенностей и жанровых аспектов прессы, необходимо делать акцент и на разработку творческих биографий её деятелей. В этой связи следует обратить внимание на мнение редактор газеты «Вольная Кубань» В. А. Ламейкина. О тех, кто создал краевую прессу, он писал: «...газе-

ту делали, конечно же, журналисты из самой гущи народной. Кремневые по крепости люди, самоотверженно несшие тяжелый крест нашей профессии. Особо выделяются в славной кубанской когорте три редакторских имени. Одно из них И. И. Юдин. Это крупная личность, выдающийся организатор и журналист. Во многом благодаря его искусному и честному редакторству газета стала центром притяжения лучших талантов и духовных начал Кубани в военное и послевоенное время» [6, с. 30]. Сожаление вызывает то, что имя Юдина не вошло в замечательную книгу-справочник И. П. Лотышева «Летописцы Кубани». Зато автор-составитель перечислил сотрудников районных и городских газет, погибших на фронтах войны. Это – наш Бессмертный полк от журналистики края: Атутов И. А., Апрышков П., Арский А., Вагутлев Х. М., Далада Н., Дружинин Б. В., Евтушенко А. В., Еременко И. Е., Журенко А. М., Иващенко А., Казнин С. А., Клименко В., Кононенко Г., Коростылев В. К., Крамаренко Б., Кренев Л., Кузнецов В. В., Курприк И., Лавров А, Маклюк И., Марченко И., Мишин М. К., Негуляев В. Т., Пахоля И. И., Потапов С. И., Ставский В., Тарадыменко Н.А., Телегин С.М., Тимонин Д.К., Чугунов С.В. [7, с. 29–30]. В 2013 г., по инициативе краевого Союза журналистов, появилась «Энциклопедия кубанской журналистики: биографии», в которой, наконец, даны краткие данные и об Иване Иосифовиче Юдине [19, с. 118].

Вместе со всей страной периодическая пресса и радио Кубани боролись за Победу. Краевое радио работало даже в те минуты, когда немецкие мотоциклисты-разведчики уже входили в город. Борис Яковлевич Верткин (руководил краевым радио с 1939 года) сидел у микрофона, когда услышал необычный треск, выглянул в окно и увидел подъезжающих фашистов. Эшелон, в котором эвакуировали работников радио и их семьи, на станции Тихорецкой попал под бомбежку, многие погибли. После освобождения Краснодара, краевое радиовещание возобновило свою работу в разрушенном помещении на улице Шаумяна.

Главную краевую газету «Большевик» в августе 1942 г., эвакуировали в г. Сочи. Почти все её журналисты были на фронте. Впоследствии бывший военкор Павел Иншаков напишет в своих воспоминаниях о задачах во-

енного корреспондента на передовой: идти впереди, находиться в центре событий, все видеть и слышать, оперативно и объективно давать информацию. Николай Веленгурин, тоже журналист-фронтовик и участник штурма «Голубой линии» под Крымском, позже напишет книгу об одном из них, героически погибшем В. Ставском – разведчике, журналисте, комиссаре. После войны в память о нем краевым отделением СЖ была учреждена творческая премия для победителей журналистских конкурсов.

Бессменным редактором краевой газеты «Большевик» (1937–1944) все военные годы был Иван Юдин, ответственным секретарем – Николай Винников. До 1942 года газета выходила ежедневно тиражом 60 тысяч экземпляров. Лозунг газеты тех дней – «Кровь за кровь, смерть, за смерть!». Фрагментарность тематики и жанровая мозаика пожелтевших страниц газеты предстает сегодня как историческая панорама будничных дел и забот военного лихолетья. Сообщения о митингах по добровольной записи на фронт и в ополчение, о движении доноров и женщинах-стахановках, сменивших на тракторе и у станка ушедших на фронт мужчин. Приказы и распоряжения, адресованные населению, цель которых укрепить дисциплину, порядок, не допустить паники, укрепить веру народа в правоте своих действий против оккупантов, веру в победу. Передовые статьи отражали задачи в различных отраслях экономики и социальной сфере. Колхозы и совхозы нуждались в рабочих руках.

В июле 1941г. «Большевик» опубликовал письмо учителей Кировского района Краснодарского края, обратившихся с просьбой направить их на уборку урожая: «Мы заверяем партию и правительство, что советские учителя умеют не только отлично воспитывать молодое поколение, но и образцово убирать хлеб, с винтовкой в руках защищать любимую Родину». После этой публикации в колхозы Выселковского, Новопокровского и Павловского районов выехали две тысячи краснодарских преподавателей и учащихся-старшеклассников. Призывная и мобилизующая роль кубанской газеты, в конечном счете, выразилась в том, что в сельском хозяйстве Кубани летом 1941 года работали 52 тысячи учащихся и 5 тысяч учителей [2].

На страницах «Большевика» выступали секретарь крайкома ВКП(б) П. Селезнев, зав. отделом местной промышленности крайкома М. Усик, секретарь новороссийского горкома Н. Шурыгин и др. В конце 1941 г. газета публикует статью зав. сектором печати крайкома партии И. Орбова, в которой сформулированы задачи краевой печати: освещать опыт лучших, критиковать отстающих, агитацию подчинить интересам фронта, мобилизовав народ на борьбу с врагом [10].

Нелегко было добывать информацию для краевой газеты с оккупированных территорий, но журналистам удавалось и это, и кубанцы узнавали: о расстрелах в станице Маевской, о разбое в Крымской, о насилиях и грабежах в Славянской, пытках и убийствах пленных красноармейцев в хуторе Семеновском, фашистском терроре в Краснодаре. Горе, страдания и вера в победу – вот что стоит за скупыми строчками информационных публикаций. За полгода, пока редакция «Большевика» находилась в эвакуации, было издано 13 дополнительных специальных выпусков для населения оккупированных территорий края. Ночами газету разбрасывали с самолета над крупными населенными пунктами. Она писала о готовности кубанцев помочь воюющей армии, рассказывала об армавирцах, перенесших ужасы фашистских зверств и которые после освобождения широко развернули сбор средств на строительство танковой колонны «Советская Кубань». С 23 июня до конца сентября 1943 года «Большевик» печатает один за другим очерки Николая Винникова «Казачи-гвардейцы» с портретами героев: Алексея и Анны Жуковых, Остапенко, Филоненко, П.П. Ковтуненко, Грачева, Каменева, Нади Шабатько (фото В. Соловьева).

«Большевик» увековечил не только имена героев фронта и тыла, но и самые трагические факты преступлений немецких оккупантов и их прихвостней. Репортажи Е. Кононенко, М. Мержанова из зала суда зримо передают картину злодеяний врага: 6930 человек погибли в «душегубках», а всего краснодарцев погибло – 13 тысяч. Свыше 6 тысяч людей погибло в Армавире, тысячи расстрелянных, замученных, повешенных в Новороссийске и Майкопе [5].

О редакторе «Большевика» Иване Иосифовиче Юдине стоит сказать особо, ведь в 2016 году исполнилось 110 лет со дня его рождения. Он жил и работал на Кубани с 1925 по 1949 год. На должности редактора краевой газеты (1938–1949 гг.) в полной мере испытал груз всей ответственности в годы войны. Имел высокие награды: медаль «За оборону Кавказа» и три ордена, орденом «Знак Почета» в 1941 году награжден за активное участие в строительстве Тщикского водохранилища, важнейшей стройки края. Свой первый орден Трудового Красного Знамени он получил в 1944 году за успехи в восстановлении народного хозяйства края, разрушенного немецкими оккупантами.

Родился Иван Иосифович 7 февраля 1906 года в семье шахтера в Ростовской области. С 12 лет работал на руднике, в 16 лет вступил в комсомол. В 1925 году активиста направили на Кубань. Сначала работал в Кропоткинском районе – в комсомоле, на выборных должностях в профсоюзных и партийных органах. По законам советского времени – это обычный путь самородка, незаурядного рабочего-выдвиженца. В 1927-м стал коммунистом. В 1932 году Юдин окончил газетное отделение Ростовского комвуза, а с марта 1938 года уже был назначен ответственным редактором краевой газеты «Большевик» (в 1944 г. издание переименовано в «Советскую Кубань»). Создал семью, растили с женой троих детей. По свидетельствам современников, с присущей ему честностью, принципиальностью, работе он отдавал всего себя без остатка. Накануне войны семья Юдиных жила в Краснодаре на улице Седина рядом с мединститутом. Перед оккупацией немцы с самолетов разбрасывали листовки со списками семей советских руководителей Кубани, которые подлежали расстрелу. Фамилия Юдиных в этих списках стояла в числе первых.

Высокий ростом, с красивым типично русским лицом, Иван Иосифович был всегда суров и молчалив. Никогда ни на кого не кричал, что себе позволяли иные руководители, работал от зари до зари. Постоянные нервные и физические перегрузки в порядке вещей. В конце дня он уходил передохнуть, но в 8 вечера возвращался и работал до 2-3 часов ночи, пока не подпишет сигнальный экземпляр. До-

сконально вычитывал полосы, помнил, что несет персональную ответственность за каждое печатное слово: любая ошибка в сталинские времена была небезопасна. И в доме у Юдина в доме всегда был наготове чемоданчик на случай ареста – с парой теплого белья, сухарями и курительной трубкой.

В 1949 году на Кубань прибыл новый секретарь крайкома партии Николай Григорьевич Игнатов, И.И. Юдина послали учиться в Москву в высшую партшколу. На Кубань он уже не вернулся, «партия послала» поднимать на более высокий уровень газету соседнего Ставрополя.

Следует напомнить, что идеологическая подготовка советских людей к предстоящей войне возлагалась на журналистику еще до начала войны, о чем свидетельствует увеличившееся количество низовой печати. На Кубани, например, к началу Великой Отечественной войны издавалось 154 газеты, были укреплены редакции и структурно: введены отделы пропаганды, усилены отделы критики. На «районку» возлагалась обязанность помогать власти эффективнее использовать материальные и людские ресурсы, наряду с образовательными учреждениями осуществлять патриотическое воспитание масс. Журналистика воспитывала в народе ненависть к врагам на фоне беспредельной любви и преданности своей Родине.

Поручив журналистике вести патриотическое воспитание, руководству пришлось вспомнить о казачестве, этносознание которого, начиная с 1918 года, советская власть последовательно и планомерно искореняла. Теперь же было объявлено, что все казачество стало советским. В станицах и административных центрах казачьих земель стали проводить праздники советского казачества, широко пропагандировать его историю и боевые традиции.

В пропаганде новой политики по отношению к казачеству главная роль отводилось средствам массовой информации – газетам и радио. На Кубани эта политика отразилась даже в такой детали: одну из районных газет переименовали в «Советское казачество» (станция Отрадная). Тон всей советской журналистике задавали газета «Правда» и популярный у масс журнал «Огонек». В 1936 году на стра-

ницах «Огонька» появился «казачий сериал» – очерки и тематические публикации. Лучшие «перья» воспевали казачество, напоминая ему о его главном предназначении – защищать Отечество. Журнал публикует тематическую страницу «Песни казаков» [12, с. 3], а Эль-Регистан пишет очерк «Семиреченские казаки» [18, с. 4].

Знаковым был очерк Александра Серафимовича «Советские казаки». «...Я видел счастливых казаков-колхозников, я видел ... каких хороших коней – настоящих донцов, ... выращивают они в колхозах для Красной Армии. Я беседовал со станичниками и слышал, с какой любовью говорят они о великом вожде, любимом друге, мудром учителе товарище Сталине... Когда-то давно слово «казак» было символом «вольницы», символом борьбы против царского гнета. И вот вновь звучит: «советские казаки». Слово приобрело свой первоначальный смысл. Казаки дали немало бойцов в Первую конную. Казаки дадут героев в грядущих боях. Не поздоровится врагу, когда он встретится с красными казачьими сотнями», – восхищенно писал Александр Серафимович, предрекая грядущие казачьи схватки с врагом [16, с. 3].

Любопытна текстовая вариация гимна кубанских казаков «Ты, Кубань, ты наша родина, вековой наш богатырь...» (автор песни священник 1-го Кавказского полка ККВ Константин Образцов, естественно, не упоминается). «Огонек» представил читателю свою советскую версию: «Ты, Кубань, ...ты колхозный богатырь, ...казаки семьей колхозною честным заняты трудом, ...если тронет враг кордоны нашей родины святой, снарядим коней в дорогу и пойдем на смертный бой, ...не уроним в Красной Армии честь прославленных знамен». Чтобы тронуть душевные струны донского казачества, воскресить в их сознании былой воинский дух, рядом с кубанским гимном заверстана песня «Над горами тучи вьются»: «Навещал Семен Буденный славных красных партизан. Навещая, говорил нам: – Как живете казаки? Мы все разом отвечали: – Хорошо теперь живем, наши хаты и амбары переполнены зерном... Если надо, в бой готовы, лишь махни рукою нам, разобьем мы вражьи стаи, разметаем их полки, мы в боях еще покажем, что остры наши клинки» [18, с. 5].

Вслед за центральными изданиями лозунги и задачи дня тиражировала провинциальная пресса. На местах тему казачьего патриотизма развивали и кубанские газеты. Пример тому – газеты Приурупья. «Советское казачество» (ст. Отрадная), «Сталинец» (ст. Удобная), «Сталинская правда» (ст. Спокойная) – печатные органы РК ВКП (б) и райисполкомов. Как и вся советская журналистика, были призваны пропагандировать военную политику советского правительства, показывать захватнические планы врага. Газеты разъясняли: эта война является справедливой, народ защищает свое отечество и его независимость, призывали не поддаваться вражеской агитации, верить партии, Сталину, всеми силами поддерживать родную армию.

Во время оккупации газеты не выходили. Кубанское Приурупье было освобождено в январе 1943 года, и вскоре редакции возобновили свою работу. Главная темой «Советского казачества», «Сталинца», «Сталинской правды» были тыл, тыловая повседневность, тяжелый, изнурительный труд людей. Тексты лаконичны – из-за отсутствия бумаги формат урезан до А4, площадь сокращена до 2-х полос. Газеты имели постоянный селькоровский актив: материалы подписывали руководители райкомов и райисполкомов, председатели колхозов, бригадиры, звеньевые, трактористы МТС, рядовые колхозники. Самая истребованная населением тема – военная хроника «От советского информбюро». Материалы райкомов и райисполкомов занимали половину газетной площади, много было информации местного характера под лозунгами: «Все для фронта, все для победы!», «Фронт и тыл – едины!», «За Родину, за Сталина!». Особая роль отводилась «Письмам с фронта» и «Письмам на фронт».

Районная газета объединяла людей, позволяла им ощущать свою причастность ко всему, что происходит в стране и на фронте, осознавать свою значимость в общем деле разгрома ненавистного врага. В отрадненском «Советском казачестве» и удобненском «Сталинце» (расстояние между станицами всего 25 км.) в один день было опубликовано «Обращение стариков и старух-колхозников Удобненского района ко всем старикам и старухам Краснодарского края». В нем как нельзя лучше отражены дух, характер, настроения, па-

триотизм основной массы населения бывших кордонных станиц: «Мы, старики и старухи, казаки и казачки Кубани,...послали своих сынов, внуков и правнуков на защиту нашего отечества и дали им наш завет: не посрамить нашей былой казачьей славы! Этот завет наши казаки с честью выполняют...».

И то было правдой. Генетическое чувство чести, достоинства, свободолюбия, боевые традиции казаков-линейцев оказались крепки. Урупцы воевали под Москвой в составе кавалерийского корпуса генерала Доватора и в танковой бригаде генерала Каткуова, обороняли Ленинград, водили машины по льду Ладоги, умирали под Сталинградом, держали оборону Кавказа, штурмовали «Голубую линию», сражались на Курской Дуге, форсировали Днепр и громили фашистскую Японию. Из Отрадненского района на фронт ушли более 15 тысяч человек, 7224 из них погибли, пропали без вести, умерли от ран [4, с. 11].

Более тысячи хуторян и станичников погибли от рук оккупантов и покоятся в братских могилах – Попутной, Отрадной, Удобной, Передовой, на хуторах. Кубанское Приурूपье дало родине 11 Героев Советского Союза.

До конца войны оставался еще целый год. Сколько еще жизней в бою и в тылу заберет война! А на районном сходе в июле 1944 года станичники и хуторяне отчитывались, как они в своих колхозах ударным трудом укрепляют экономику страны, истерзанную войной. Сотни имен простых бессребреников – тружеников тыла можно восстановить по ветхим пожелтевшим страницам «районки» – таких же скромных тружениц от журналистики.

Вот строки из номеров вышеназванных газет. Медалью «За трудовое отличие» награжден животновод «старик Дмитрий Акиндинович Колесников, показавший свою безграничную любовь к родной Красной армии», 65-летний П.П. Алтухов завоевал звание «вожак косарей», отец пятерых сыновей-воинов С. И. Чернов руководит ударно работающей бригадой. Патриотизм взрослых газеты освещали в рубриках «Стахановцы полей», «Мой фронт – мое поле», «Хлеб – Родине и фронту», публиковали много заметок о детях-школьниках, работавших наравне со взрослыми, на прополке, сборе урожая, участвовавших в тимуровских и благотворительных акциях - концертах, сборе теплых вещей для красноармейцев. Так районные газеты в годы Великой Отечественной войны поощряли патриотические чувства и инициативы земляков. Так жили, трудились, воевали потомки казаков Приурупья. Мальчишки-подростки и в послевоенные годы с гордостью продолжали носить дозволенные советской властью в годы лихолетья казачьи папахи-кубанки.

Итак, периодическая печать в полной мере стремилась выполнить свою функцию коллективного организатора и агитатора, «влиять на жизнь, формировать сознание, бить в цель, горячо и темпераментно разговаривать со своим читателем, мобилизуя его на борьбу за победу» [15, с.15]. И на примере краевой и районной печати Кубани военной поры подтверждается историческая традиция взаимодействия власти и СМИ, ее участие в решении политических, экономических и социальных задач дня в нашей стране.

Использованная литература:

1. Болдырев Ю. А. Художественная культура Северного Кавказа в годы Великой Отечественной войны. СПб.: Нестор, 1996.
2. Большевик. 1941. 27 июля.
3. Винников Н. Возвращенное слово // Большевик. 1943. № 96.
4. Книга Памяти Краснодарского края. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 2008. Т. 6.
5. Кононенко Е. Перед судом народа // Большевик. 1943. 16 июля.
6. Ламейкин В. А. Рожденная Кубанью и временем // История журналистики Кубани: посвящается 65-летию Краснодарского края. Краснодар: Периодика Кубани, 2002. С. 30.
7. Лотышев И. П. Летописцы Кубани. Краснодар:

References:

1. Boldyrev, Yu. A., *Khudozhestvennaya kul'tura Severnogo Kavkaza v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* (Artistic Culture of the Northern Caucasus during the Great Patriotic War), Saint-Petersburg: Nestor, 1996.
2. *Bol'shevik*, July 27, 1941.
3. Vinnikov, N., *Vozvrashchennoe slovo* (The Returned Word), *Bol'shevik*, 1943, no. 96.
4. *Kniga Pamyati Krasnodarskogo kraya* (The Book of Memory of the Krasnodar Region), Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 2008, vol. 6.
5. Kononenko, E., *Pered sudom naroda* (Before the Court of the People), *Bol'shevik*, 16 July, 1943.
6. Lameykin, V. A., *Rozhdennaya Kuban'yu i vremenem* (Born by Kuban and by the Time), in *Istoriya zhurnalistiki Kubani: posvyashchaetsya 65-letiyu*

Ультрапресс, 2008.

8. Обращение стариков и старух-колхозников Удобненского района ко всем старикам и старухам Краснодарского края // Советское казачество (ст. Отрядная), 1944. 6 июля; Сталинец (ст. Удобная). 1944. 6 июля.

9. Овсепян Р. П. История новейшей отечественной журналистики. М.: МГУ, 1999.

10. Орбов И. Печать и политическая агитация // Большевик. 1941. 31 дек.

11. Партизанские и подпольные газеты в годы Великой Отечественной войны. 1941-1944. / Сост. И. Я. Левин М.: Мысль, 1976.

12. Песни казаков // Огонек. 1936. № 31. С. 3.

13. Петрова-Хорина Н. Н. Великая Отечественная: публицистический аспект // Проблемы истории Великой Отечественной войны. К 60-летию начала: 1941-2001 гг. Сб. науч. ст. Ч. I. Краснодар: Знание, 2001. С. 29-36.

14. Попов Н., Горохов Н. Советская военная печать в годы Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1981.

15. Серафимович А. Советские казаки. Очерк // Огонек. 1936. № 12. С. 3.

16. Стровский Д. Л. Отечественная журналистика новейшего периода. М.: Юнити-Дана, 2011.

17. Эль-Регистан Г. Семиреченские казаки. Очерк // Огонек. 1936. № 25. С. 3-6.

18. Энциклопедия кубанской журналистики: биографии. Краснодар: Кубанские новости, 2013.

19. Юдин И. И. Следы фашистского зверя на Кубани. М.: ОГИЗ. Гополитиздат, 1943.

20. Юдин И. И. Газеты-мстители // Партизаны Кубани. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1944. С. 38-42.

Krasnodarskogo kraja, Krasnodar: Periodika Kubani, 2002, p. 30.

7. Lotyshev, I. P., *Letopisty Kubani (The Kuban Chronicles)*, Krasnodar: Ul'trapress, 2008.

8. Obrashchenie starikov i starukh-kolkhoznikov Udobnenskogo rayona ko vsem starikam i starukham Krasnodarskogo kraja (An Address by the Old Men and Old Women of the Udobnensky District to All Old Men and Old Women of the Krasnodar Region), *Sovetskoe kazachestvo*, July 6, 1944.

9. Ovsepyan, R. P., *Istoriya noveyshey otechestvennoy zhurnalistiki (History of the Modern Russian Journalism)*, Moscow: MGU, 1999.

10. Orbov, I., Pechat' i politicheskaya agitatsiya (Press and Political Propaganda), *Bol'shevik*, December 31, 1941.

11. *Partizanskie i podpol'nye gazety v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941-1944* (Guerrilla and Underground Newspapers in the Great Patriotic War. 1941-1944), Levin, I. Ya., Comp., Moscow: Mysl', 1976.

12. Pesi kazakov (Cossack Songs), *Ogonek*, 1936, no. 31, p. 3.

13. Petrova-Khorina, N. N., Velikaya Otechestvennaya: publitsisticheskiy aspekt (Great Patriotic War: an Journalistic Aspect), in *Problemy istorii Velikoy Otechestvennoy voyny. K 60-letiyu nachala: 1941-2001 godov: Sel. papers*, vol. 1, Krasnodar: Znanie, 2001, pp. 29-36.

14. Popov, N., and Gorokhov, N., *Sovetskaya voennaya pechat' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* (Soviet Military Press in the Great Patriotic War), Moscow: Voenizdat, 1981.

15. Serafimovich, A., *Sovetskie kazaki. Ocherk* (Soviet Cossacks. Essay), *Ogonek*, 1936, no. 12, p. 3.

16. Strovskiy, D. L., *Otechestvennaya zhurnalistika noveyshego perioda (Domestic Journalism in the Latest Period)*, Moscow: Yuniti-Dana, 2011.

17. El'-Registan, G., *Semirechenskie kazaki. Ocherk* (Semirechye Cossacks. Essay), *Ogonek*, 1936, no. 25, pp. 3-6.

18. *Entsiklopediya kubanskoj zhurnalistiki: biografii (Encyclopedia of the Kuban Journalism: Biographies)*, Krasnodar: Kubanskie novosti, 2013.

19. Yudin, I. I., *Sledy fashistskogo zverya na Kubani* (Traces of the Fascist Beast in the Kuban Region), Moscow: OGIZ, Gopolitizdat, 1943.

20. Yudin, I. I., *Gazety-mstiteli (Newspapers-Avengers)*, in *Partizany Kubani*, Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1944, pp. 38-42.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Петрова-Хорина, Н. Н. Великая Отечественная война и кубанская пресса [Электронный ресурс] / Н. Н. Петрова-Хорина // *Наследие веков*. – 2016. – № 2. – С. 37-43. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/07/2016_2_Petrova-Khorina.pdf. (дата обращения дд.мм.гг)

Full bibliographic reference to the article:

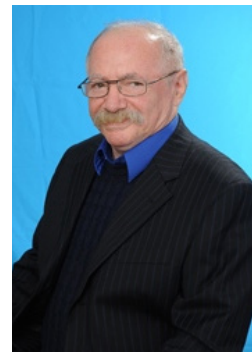
Petrova-Khorina, N. N., *Velikaya Otechestvennaya voyna i kubanskaya pressa* (The Great Patriotic War and the Kuban Press), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 2, pp. 37-43. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/07/2016_2_Petrova-Khorina.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

СЛУЦКИЙ Аркадий Иосифович
кандидат педагогических наук, профессор,
ассоциированный научный сотрудник
Южного филиала Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва,
Атланта, США

Arcady I. SLUTSKY

Cand. Sci., Prof., Associate Researcher,
Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural and Natural Heritage,
Atlanta, USA.
aiskiev@yandex.ru

Великая Отечественная война в архивных документах художника Александра Ерофеевича Глуховцева

The Great Patriotic War through the Documents from the Artist Alexander Glukhovtsev`s Archive

Статья посвящена анализу личного архивного фонда книжного графика Александра Глуховцева из коллекции Краснодарского художественного музея им. Ф. А. Коваленко, возможностям источниковедческого использования документов, посвященных событиям и памяти Великой Отечественной войны.

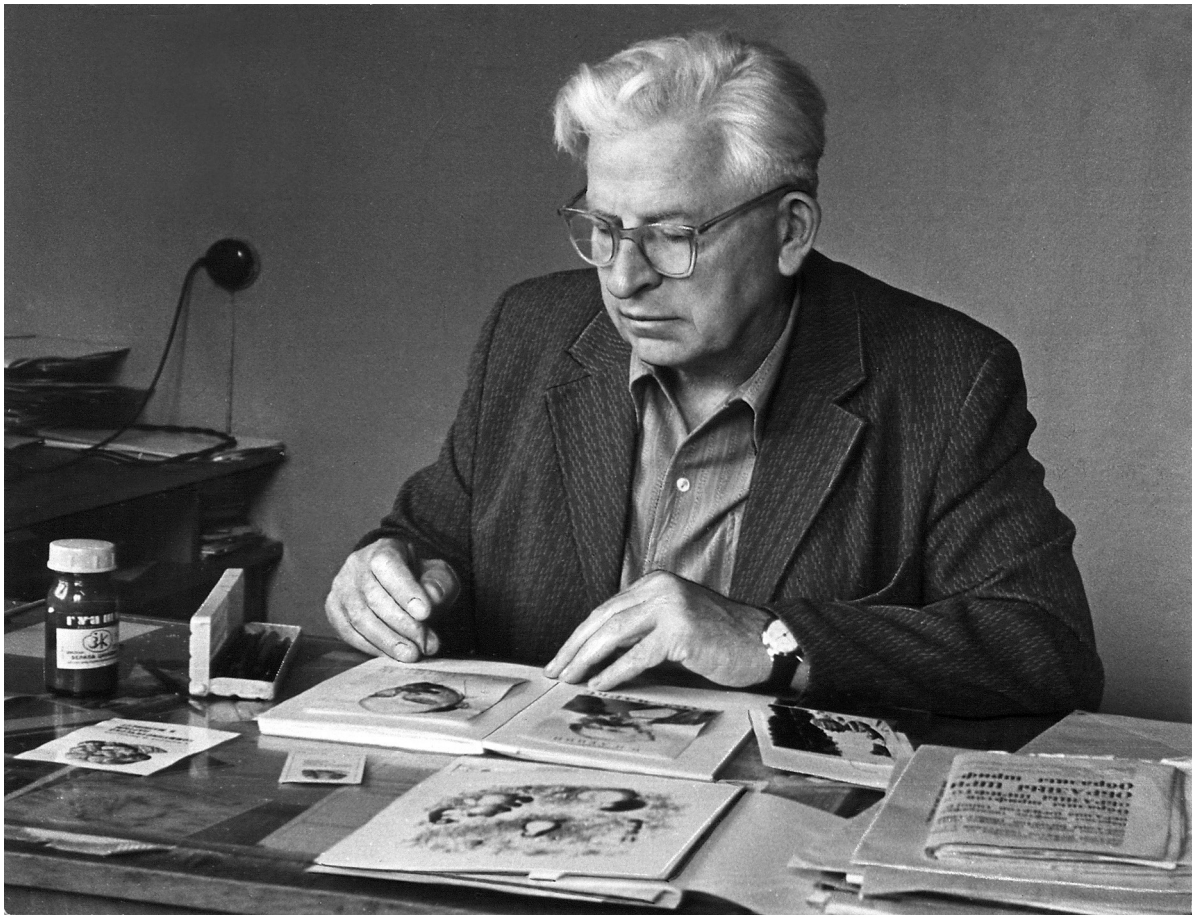
Ключевые слова: Великая Отечественная война, Александр Глуховцев, книжный график, личный архив, исторические источники.

In this article the author analyzes the archive of a graphic artist and book designer, Alexander Glukhovtsev, held by the Krasnodar Art Museum, with an emphasis on using the archive documents as a sources of the Great Patriotic War history.

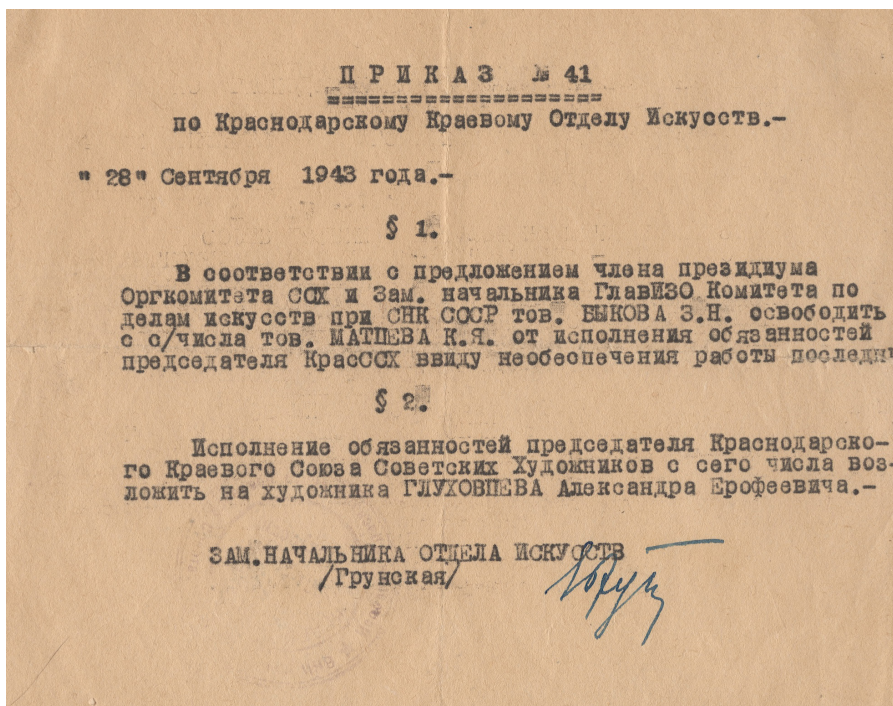
Keywords: Great Patriotic War, Alexander Glukhovtsev, book designer, personal archive, historical sources

Актуализация народной памяти, связанная с юбилейными датами Победы в Великой Отечественной войне, заставляет сегодня историков более пристально изучать возможности использования самых различных видов исторических источников, в первую очередь, личного происхождения [2, с. 90]. Настоящие заметки посвящены личному архиву художника А. Е. Глуховцева, хранящемуся в Краснодарском художественном музее им. Ф. А. Коваленко, истории его возникновения, зафиксированным в нем обстоятельствам войны. В заметках личный архив художника понимается как некий единый историко-культурный текст [8].

Александр Ерофеевич Глуховцев – один из ведущих книжных графиков Юга России, член Союза художников СССР (1939), заслуженный художник РСФСР (1966) – родился в 1910 году в крестьянской семье в станице Махосhevской (Мостовский район Краснодарского края). Церковно-приходская школа, комсомольская юность, рисование декораций для спектаклей в станичном клубе, неоконченный московский рабфак, коллективизация, кавалерийская школа 89-го Пятигорского полка, участие в Великой Отечественной войне (начальник штаба партизанского отряда), руководящие должности в Краснодарском отделении Союза художников РФ. Всю жизнь – всепоглощающая тяга к самообра-

Александр Ерофеевич Глуховцев (1910-1998)

Приказ о возложении на А. Е. Глуховцева обязанностей председателя Краснодарского краевого Союза советских художников

зованию. Можно продолжить перечисление обстоятельств жизни, можно все перечисленное хронологически закрепить датами. Принципиально важным мне представляется то, что судьба художника Александра Ерофеевича Глуховцева, судьба отдельного человека, как бы воплощала в себе судьбу (рисунок судьбы) целого поколения советских людей.

Иное дело профессиональная жизнь художника. Она, как правило, неповторима. Александр Ерофеевич участвовал в более чем ста выставках изобразительного искусства (всесоюзных, республиканских, зональных, краевых, междуна-

*А. Е. Глуховцев. Канун войны.
Публикуется впервые*

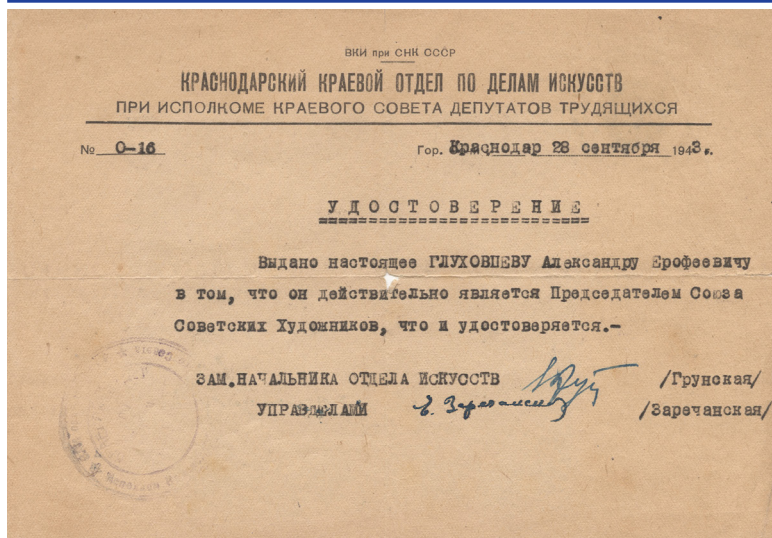
*А. Е. Глуховцев. Довоенное фото.
Публикуется впервые*

*А. Е. Глуховцев. Довоенное фото.
Публикуется впервые*

*А. Е. Глуховцев.
Фронтное фото*

*Удостоверение председателя
Краснодарского краевого Союза советских художников,
выданное А. Е. Глуховцеву (1943)*

родных), проиллюстрировал около двухсот книг (художественных, общественно-политических, сельскохозяйственных), изданных московскими, донскими и северокавказскими издательствами. Более тридцати оформленных им изданий были удостоены дипломов и наград (всесоюзных, республиканских, краевых) конкурсов. Писали о нем не раз: ему посвящены монографии [6] и несколько обширных вступительных статей к каталогам персональных выставок [1]. Своими учителями в искусстве графики он называл «мирискусников», И. Павлова, П. Н. Староносова. Работал во многих тиражных техниках: линогравюре, ксилографии, офорте, монотипии. Основное направление творческих интересов художника: оформление изданий по фольклору (сказки, эпос народов Юга России), русской и советской классики (Л. Н. Толстой, А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. А. Шолохов), детской и учебной книги. Адыгейский, балкарский, кабардинский буквари были также впервые проиллюстрированы Александром Ерофеевичем.

За долгие годы жизни (умер в 1998 г. 88 лет от роду) у художника накопилось большое количество всевозможных (официальных и неофициальных) свидетельств, газетных вырезок, фотографий, буклетов всевозможных выставок, пригласительных билетов (зачастую с автографами) официальных и личных писем, всего того, что в быту мы

чаще всего архивом не называем, но все-таки храним. Естественно, среди документов (профессия обязывала) в папках сохранялось и большое количество графических набросков, этюдов, иллюстраций, тиражных оттисков, не вошедших в книги, вернувшихся по каким-нибудь причинам из типографии (тогда на обратной стороне оттиска мы читаем традиционное «Печатать разрешается», размеры клише, определения гарнитур и кеглей для текстовых элементов). В архиве художника сохранилось большое количество документов, рассказывающих об оформлении книг писателей Северного Кавказа (Т. Керашева, И. Машбаша, К. Кулиева, М. Геттуева и др.), северокавказских учебников, переписка

*А. Е. Глуховцев. Партизанская цепочка.
20 декабря 1942 г.*

с осетинским художником Асланом-Гиреем Хоховым, с кабардинско-балкарским, адыгейским, дагестанским издательствами. Кроме сюжетов личных отношений и обстоятельств эти документы свидетельствуют о характере

А. Е. Глуховцев. Вблизи партизанской базы. 1943 г.

взаимоотношений русской культуры и книжных, издательских практик народов Северного Кавказа, о роли книги в диалоге культур в полиэтничном (поликультурном) регионе.

В конце семидесятых годов у Александра Ерофеевича начало слабеть зрение, работать становилось все сложнее. И тогда художник предпринял (с моей точки зрения) удивительный труд. Он начал систематизировать сохранившиеся документы по годам, по картонам, папкам, писать едва ли не к каждому документу порой длинные, порой короткие комментарии-воспоминания. Размышления по поводу конкретного документа, незначительного события иногда разрастались в развернутый текст воспоминаний, вызывали в памяти совершенно неожиданные ассоциации, превращались в самостоятельный сюжет, «захватывая и осваивая одновременно все но-

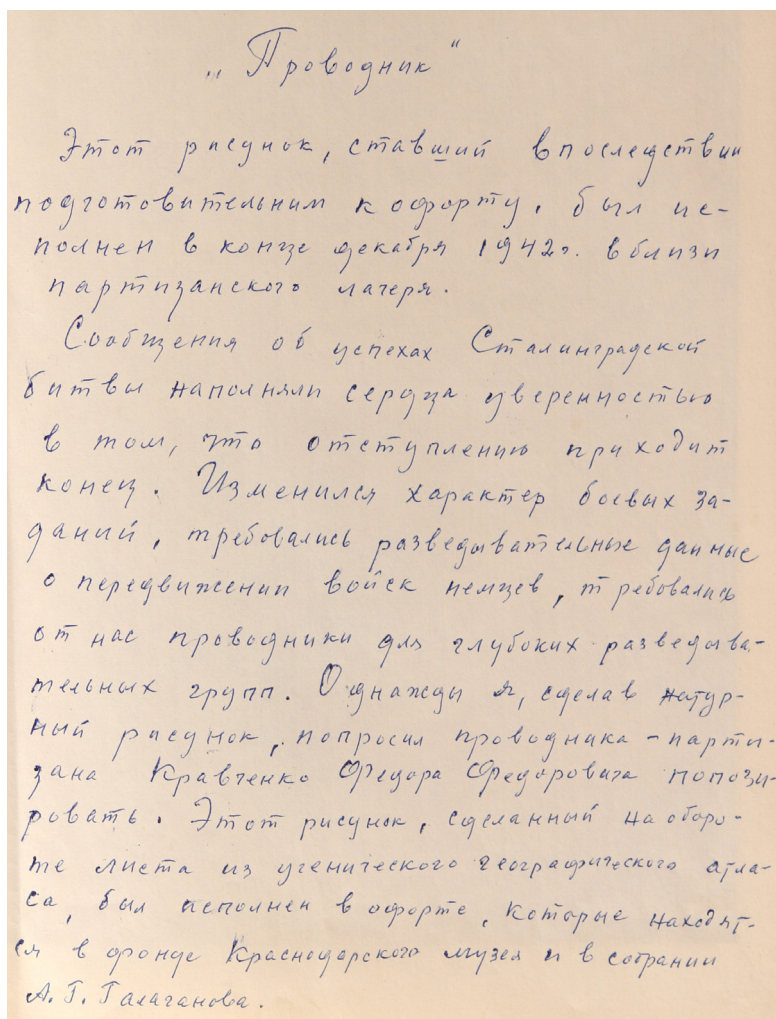
вую и новую информацию». Художник попытался собрание отдельных случайно сохранившихся фрагментарных свидетельств перестроить в целостный «историко-культурный текст», в биографию отдельного человека, придать этому тексту сюжетную законченность [7]. Над созданием собственного архива Александр Ерофеевич работал до последних дней своей жизни, был озабочен приисканием для него места и условий хранения [9].

В 1995 г. Александр Ерофеевич свой архив, который состоит из 14 картонов, сотен папок, тысяч отдельных документов, рассказывающий обо всей жизни художника, подарил Краснодар-

скому художественному музею им. Ф. А. Коваленко. Папки случайно сохранившихся документов превратились в богатейший источниковедческий комплекс, включающий большое количество нарративных и изобразительных, письменных и печатных источников, который позволяет с высокой степенью достоверности реконструировать биографию художника, его творческий путь, общественную деятельность. Сразу хотелось бы отметить: в документах, включенных Александром Ерофеевичем в «архив-биографию», преобладают свидетельства его творческой деятельности. В архиве он, в первую очередь, позиционирует себя художником, книжным графиком. Почеловечески это понятно: как профессионал, как художник, как творческая личность Александр Ерофеевич всегда оставался более не-

А. Е. Глуховцев. Проводник. 1943 г.

А. Е. Глуховцев. Фрагмент из воспоминаний об истории создания рисунка «Проводник».

зависимым от существующих идеологем, чем, например, как функционер творческих союзов. Многочисленными письмами представлена переписка с художниками и искусствоведами. Но можно заметить, что он практически не включил в архив документы и воспоминания, рассказывающие о семейных обстоятельствах, не включил писем жены, вообще ни одного письма, которое не было бы связано с его художественной деятельностью, не вставил ни одной бытовой фотографии, фотографии застолья (хотя они, безусловно, были).

Годам Великой Отечественной войны в архиве посвящены 8 папок одного (второго) картона. Эти документы можно разделить на два временных отрезка (блока): конец 1941 – август 1943 г. (время участия в партизанском движении) и сентябрь 1943 – май 1945 г. (исполнение по приказу обязанностей председа-

теля Краснодарского краевого Союза советских художников). Папки этих периодов различаются между собой содержанием сохранившихся документов, их номенклатурой. Безусловно, важно отметить, что тема войны в архиве представлена не только документами 1941–1945 гг., но проходит стержневой линией через весь архив. Рассказывая о друзьях, Александр Ефремович обязательно указывал на их участие в Великой Отечественной войне. Для него это участие звучало «мерой человека», моральным, нравственным оправданием его социальной значимости. Причем в своих воспоминаниях [3], архивных комментариях он преимущественно рассказывал о погибших, пропавших без вести, «о тех, кто сам о себе рассказать уже не мог». Тех же принципов придерживался художник в подборе архивных документов (фотографий, рисунков). Папка 1941 г. завершается комплексом документов (фотографии, газетные и журнальные вырезки), рассказывающим о родственниках Александра Ерофеевича (родных и двоюродных братьях), участниках Великой Отечественной войны. Я просто этим фактом хочу подчеркнуть степень зна-

А. Е. Глуховцев. Рукопашная схватка. 1943 г.

чимости для Александра Ерофеевича памяти военных лет.

Фронтовая обстановка конца 1941 г. потребовала формирования на Кубани истребительных батальонов, «предназначенных для борьбы с десантными и диверсионными группами противника». В состав такого Крымского (по названию района в Краснодарском крае) батальона входила рота особого назначения, которая, в случае вторжения гитлеровцев на Кубань, должна была развернуть партизанские действия. В рядах роты (впоследствии, партизанского отряда «За Родину») служил Александр Ерофеевич. В папках первых лет войны (время службы в пар-

тизанском отряде) оригиналы документов практически отсутствуют, преимущественно сохранились фотокопии, практически нет свидетельств, рассказывающих о связях с творческими союзами. На фотографиях (многие из них были сделаны уже в послевоенные годы) бойцы и командиры партизанского отряда,

Фотография у землянки на месте базирования партизанского отряда (гора Высокий бугор). Бойцы отряда Алексей Андреев, С. М. Самченко, А. Е. Глуховцев, П. Ф. Живилов (командир отряда), 1942-1943 гг.

снимок открытия стелы в г. Крымске на месте боев 81-й морской бригады и партизанского отряда. Сохранилось несколько оригиналов рисунков, сделанных на обрывках плотной бумаги, на обороте каких-то географических карт. Характер сохранившихся графических работ – торопливая фиксация увиденного, не претендующая на обобщение, пейзажи тех мест, где базировался партизанский отряд, карандашные портретные зарисовки товарищей по оружию, реже жанровые сценки. Под рисунками и фотографиями современные (80-х – начала 90-х гг. XX в.) лаконичные комментарии, не столько рассказывающие о военных буднях, сколько о боевых товарищах-партизанах, об их судьбах. В архив включен рукописный пофамильный «скорбный список» погибших партизан отряда. Некоторые из рисунков военных лет Александр Ерофеевич впоследствии использовал в своей творческой работе – переводил в офорт, включал в оформлении книг. В 1942 г. работы художника экспонировались в Соликамске (туда было эвакуировано собрание Краснодарского художественного музея) на «Выставке произведений советских художников-графиков на темы из истории РКП(б)».

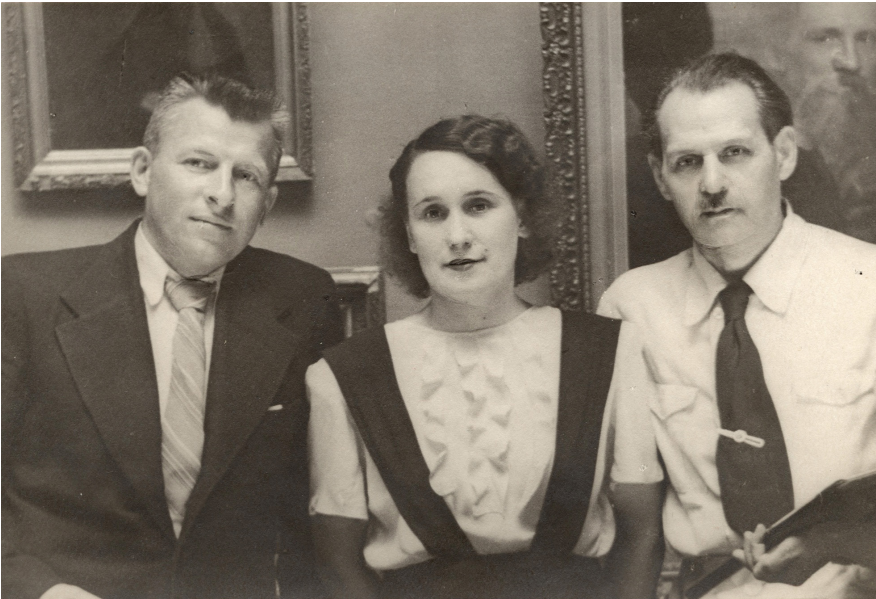
В сентябре 1943 г. вся территория Кубани была освобождена от оккупантов. Свернул свою деятельность Краевой штаб партизанского движения. Уже 28 сентября 1943 г. Александр Ерофеевич приказом по Краснодарскому краевому отделу по делам искусств приступил к исполнению обязанностей председателя Краснодарского краевого отделения Союза Советских художников. Содержание и номенклатура документов в папках за 1943 – 1945 гг. изменились. Во-первых, появились оригиналы и копии делопроизводственных документов, рассказывающих о назначении Глуховцева председателем отделе-

ния Союза художников, о его организационной деятельности на этом посту, удостоверения о награждении художника боевыми наградами. В воспоминаниях и комментариях Александр Ерофеевич подробно рассказывает о работе по объединению живущих в Краснодарском крае художников (в сохранившихся документах практически воспроизведен их списочный состав), о работах по восстановлению Краснодарского художественного училища/техникума, об организации передвижных выставок в лазаретах, о возвращении в город из эвакуации собрания Краснодарского художественного музея и так далее. В архивных папках 1943 – 1945 гг. (как и в довоенных) вновь появляется большое количество газетных вырезок с отзывами на выставки (преимущественно донские и краснодарские), в которых принимал участие Глуховцев. Но доминирующее место в папках этих лет по-прежнему занимают вклеенные репродукции и небольшое количество оригиналов рисунков («Цемзавод “Октябрь”», морские и предгорные пейзажи), сохранились в папках небольшие этюды маслом («Пересыльный лагерь», «Семья», «Списочек»).

В 1943 г. художник активно включается в выставочную деятельность. Его рисунки, рассказывающие о защите Новороссийска, экспонировались в Москве (Третьяковская галерея) на всесоюзной выставке «Героический фронт и тыл». В 1944 г. он участвовал в

Выставка в музее. На фото А. Е. Глуховцев и военнослужащие Красной Армии. Осень-зима 1945 г.

На фото слева направо: Александр Ерофеевич Глуховцев, Александра Ксенофонтовна Осипова (директор Краснодарского художественного музея), Михаил Петрович Богоявленский (старший научный сотрудник Краснодарского художественного музея), первые послевоенные годы

краснодарских (посвященных освобождению города от фашистских захватчиков) и ростовских выставках.

В 1944 г. А. Е. Глуховцев вновь вернулся к оформлению книг, получил предложение подготовить для «Детгиза» книгу П. К. Игнатова «Записки партизана». В своих воспоминаниях-комментариях художник рассказывает: «В Москве я подписал жесткие условия договора, – в короткий срок, за три месяца я должен был исполнить довольно большое количество иллюстраций (99 иллюстраций)». В 1945 г. «Записки партизана» Игнатова переиздаются несколькими изданиями в «Детской литературе» и «Молодой гвардии». В 1948 г. книга с иллюстрациями Александра Ерофеевича выходит в Праге и Софии.

Тема Великой Отечественной войны в творчестве Глуховцева сохранялась долгие десятилетия. В разные годы он оформлял книги военной тематики кубанских писателей (Г. Соколова, П. Иншакова, С. Маркосьянца). Всесоюзными, республиканскими дипломами и наградами отмечено оформление им рассказа М. А. Шолохова «Судьба человека»¹ [10]. Большое

¹ Диплом 1-й степени Всесоюзного конкурса МК СССР и НТО полиграфии и издательств на 50 книг 1960 года лучших по художественному оформлению и полиграфическому исполнению

место тематика занимала и в станковой гравюре художника, особенно в первые годы после окончания войны. Первые послевоенные папки рассказывают о его работе над сериями офортов «Кубань в огне», «Новороссийский порт», «Оживающие руины». Листы этих серий экспонировались на Всероссийских выставках 1947–1948 года («30 лет Советской власти» и «30 лет Советских вооруженных сил»), за участие в которых Александр Ерофеевич был награжден дипломами.

«Пока оформлял договор в «Детгизе», – писал в своих воспоминаниях художник, – «я побывал на совещании у его директора, Дубровиной, где обсуждался

вопрос о создании для малышей книжек нового типа, – «книжек-игрушек». Он принял участие в конкурсе, объявленном издательством, на лучшую книжку-игрушку. Его работы экспонировались в Москве на выставке продукции «Детгиза» (1944), получили высокую оценку в печати, были приняты к тиражному изданию. За издание «Ваньки-Встаньки» С. Маршака Александр Ерофеевич был награжден премией Наркомпроса РСФСР и Детгиза за лучшее оформление книг для дошкольного возраста [5].

Безусловно, эти заметки можно расширить именами, географическими названиями, развернутыми цитатами, конкретными обстоятельствами. Но нам, в первую очередь, представляется важным подчеркнуть, что архив Александра Ерофеевича включает не просто документы, рассказывающие о неизвестных подробностях войны в конкретное время и в конкретном регионе, но и является документом, фиксирующим «образ войны», «память войны» в сознании отдельного ее участника, те реалии, детали, через которые этот образ

за иллюстрации и оформление книги; Диплом 1-й степени Всероссийского конкурса на 25 лучших книг года за иллюстрации к книге.

сохраняется в сознании целого поколения. Поздние страницы-комментарии к документам и фотографиям – проекция другого времени, новый контекст старых документов, попытка прочесть эти документы в другой исторической перспективе. С одной стороны, это факт культуры сегодняшнего дня, с другой – своеобразное (безусловно, субъективное, как всякий источник личного происхождения) отражение социокультурных процессов в регионе на значительном и исторически важном отрезке времени.

* * *

В последние десятилетия в архивы все чаще поступают личные фонды, созданные, если можно так выразиться, главными действующими лицами архивных коллекций. Фондообразователь, субъект как бы сам становится объектом «архивирования», сам определенным образом осуществляет отбор документов, структурирует их, выстраивает в определенную последовательность, то есть пытается (осознанно или неосознанно) представить собственный образ таким, каким ему хотелось бы себя видеть. Мотивация к созданию таких архивных фондов-биографий тема особая, и мы на ней останавливаться не будем. Можно указать на сравнительно высокую культуру общества, на формирование в

обществе того, что социологи называют, «биографическим», «историческим» сознанием [4]. Можно утверждать, что в эпоху социальных перемен, политических перестроек, слома ценностных ориентаций отдельного человека, а иногда системы ценностных ориентаций целых поколений, отдельному человеку хочется отстаивать свое право на достойную биографию, причем, не в одиночку, а поколением, хочется осознать значимость собственной биографии, прочесть ее как необходимую составляющую часть биографии своей страны или определенной социальной группы. Если не касаться эстетических взглядов Александра Ерофеевича, если говорить о его политическом мировоззрении, то он человек, «от и до» сформированный советской эпохой. В его комментариях с очевидностью читается внутреннее сопротивление современным «модернизирующим» реформам. Как правило, такие архивы создаются и передаются в государственные хранилища людьми с высоким уровнем самооценки, в конце их жизни, созданию таких архивов предшествуют возможные значимые человеческие или политические обстоятельства. И в попытке Александра Ерофеевича увидеть (сохранить) собственную биографию как часть биографии своей страны тема войны (как уже писалось) практически становится стержневой линией всего жизнеописания.

Использованная литература:

1. А. Е. Глуховцев в публикациях // Архивы Краснодарского художественного музея. Фонд № 15. А. Е. Глуховцев. Часть 1. / сост., вступ. ст. Ю. А. Солодовников. Краснодар: МС-Центр, 2010. С. 148–153.
2. Власова Г. И. Автобиографические мемораты о Великой Отечественной войне: женский текст // XII Сургучевские губернские чтения. Литература и журналистика в пламени войны: от Первой мировой до Великой Победы: сб. м-лов всерос. науч.-практ. конф. (Ставрополь, 27-28 февраля 2015 г.). Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2015. С. 90–97.
3. Волков И. В тылу врага: записки партизана. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 1979. С. 65–86.
4. Голофаст В. Б. Многообразии биографических повествований // Социологический журнал. 1995. № 1. С. 71–89.
5. Глуховцев В. А. Александр Ерофеевич Глуховцев: к истории создания первых послевоенных детских книг на Кубани // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Сб. статей. Краснодар: Краснодарский гос. ун-т культуры и искусств, 2007. Вып. 4. Ч. 1. С. 189–195.
6. Джеладзе В., Шлык В. Глуховцев Александр Ерофеевич. Графика. Нальчик: Эльбрус, 1972;

References:

1. A. E. Glukhovtsev v publikatsiyakh (Alexander E. Glukhovtsev in Publications), in *Arkhivy Krasnodarskogo khudozhestvennogo muzeya. Fond № 15. A. E. Glukhovtsev, vol. 1, Solodovnikov, Yu. A., Comp., Foreword, Krasnodar: MS-Tsentr, 2010, pp. 148-153.*
2. Vlasova, G. I., *Avtobiograficheskie memoraty o Velikoy Otechestvennoy voyne: zhenskiy tekst, in XII Surguchevskie gubernskie chteniya. Literatura i zhurnalistika v plameni vojny: ot Pervoy mirovoy do Velikoy Pobedy: Proc. All-Russian scientific-practical conf. (Stavropol, February 27-28, 2015), Stavropol: Dizayn-studiya B, 2015, pp. 90-97.*
3. Volkov, I., *V tylu vraga: zapiski partizana (Behind Enemy Lines: a Partisan's Notes), Krasnodar: Krasnodarskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1979, pp. 65-86.*
4. Golofast, V. B., *Mnogoobrazie biograficheskikh povestvovaniy (Variety of Biographical Narratives), Sotsiologicheskij zhurnal, 1995, no. 1, pp. 71-89.*
5. Glukhovtsev, V. A., *Aleksandr Erofeevich Glukhovtsev: k istorii sozdaniya pervykh poslevoennykh detskikh knig na Kubani (Alexander E. Glukhovtsev: the History of Creation of the First Post-War Children's Books in the Kuban Region), in Knizhnoe delo na Severnom Kavkaze: istoriya i sovremennost': sel. papers, Krasnodar: Krasnodarskiy*

7. Слуцкий А. И. Архив А. Е. Глуховцева: проблемы изучения и использования // Коваленковские чтения '96. Страницы истории: сб. сообщений. Краснодар: Б.и., 1996. С. 62–74.

8. Слуцкий А. И. Архив художника как историко-культурный текст // Психологические свойства современного исторического знания: Материалы II международного рабочего семинара по исторической психологии. Краснодар, 8 февраля 2003 г. / отв. ред. С. С. Минц. Краснодар: КубГУ, 2003. С. 53-59;

9. Слуцкий А. И. Из истории личного архива Александра Ерофеевича Глуховцева // Вестник архивиста Кубани. 2013. № 8. С. 170–176.

10. Шолохов М. В. Судьба человека. Ростов-н/Д: Ростовское кн. изд-во, 1967.

gosudarstvennyy universitet kul'tury i iskusstv, 2007, vol. 4, no. 1, pp. 189-195.

6. Dzheladze, V., Shlykov, V., *Glukhovtsev Aleksandr Erofeevich. Grafika* (Glukhovtsev Alexander Erofeevich. Graphic Works), Nalchik: El'brus, 1972;

7. Slutskiy, A. I., Arkhiv A. E. Glukhovtseva: problemy izucheniya i ispol'zovaniya (Alexander Glukhovtsev's Archive: Problems of Studying and Applying), in *Kovalenkovskie chteniya '96. Stranitsy istorii: sel. reports*, Krasnodar: no publ., 1996, pp. 62-74.

8. Slutskiy, A. I., Arkhiv khudozhnika kak istoriko-kul'turnyy tekst (Archive of an Artist as a Historical and Cultural Text), in *Psikhologicheskie svoystva sovremennogo istoricheskogo znaniya: Proc. 2nd Int. Working Seminar on Historical Psychology* (Krasnodar, February 8, 2003), Mints, S. S. , Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, 2003, pp. 53-59.

9. Slutskiy, A. I., Iz istorii lichnogo arkhiva Aleksandra Erofeevicha Glukhovtseva (From the History of Alexander Erofeevich Glukhovtsev's Personal Archive), *Vestnik arkhivista Kubani*, 2013, no. 8, pp. 170-176.

10. Sholokhov, M. V., *Sud'ba cheloveka* (Fate of a Man), Rostov-on-Don: Rostovskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1967.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Слуцкий А. И. Великая Отечественная война в архивных документах художника Александра Ерофеевича Глуховцева [Электронный ресурс] / А. И. Слуцкий // Наследие веков. – 2016. – № 2. – С. 44-54. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/07/2016_2_Slutsky.pdf. (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Slutsky, A. I., *Velikaya Otechestvennaya voyna v arkhivnykh dokumentakh khudozhnika Aleksandra Erofeevicha Glukhovtseva* (The Great Patriotic War through the Documents from the Artist Alexander Glukhovtsev's Archive), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 2, pp. 44-54. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/07/2016_2_Slutsky.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

ГОЛИКОВА Лариса Порфирьевна

кандидат филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета г. Краснодар, Россия

Larisa P. GOLIKOVA

Cand. Sci. (National Literature), Prof.,
Department of History of Russian Literature,
Literary Theory and Criticism, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
larisa.golikova@mail.ru

ШАРОЙКО Марина Владимировна

кандидат филологических наук, доцент кафедры истории русской литературы, теории литературы и критики Кубанского государственного университета, г. Краснодар, Россия

Marina V. SHAROIKO

Cand. Sci. (National Literature), Assoc. Prof.,
Department of the History of Russian Literature,
Literary Theory and Criticism, Kuban State University
Krasnodar, Russia
ma-ra@bk.ru

**Кавказские события
в художественно-
публицистическом творчестве
русских писателей XIX в.**

**Caucasian Events in Fiction and
Nonfiction Works
of the Russian Writers
of the 19th Century**

Феномен «кавказскости» в русской литературе первой половины XIX века рассматривается в контексте общеимперского восприятия. Прослежена судьба романов В. Нарезного «Черный год, или Горские князья» и Е. Лачиновой «Проделки на Кавказе», вызвавших резонанс в культурной жизни того времени. Представлен комплекс национально-государственных идей о Кавказе в художественно-публицистическом дискурсе Л. Н. Толстого: «Я нашел, что есть бессмертие, что есть любовь и что надо жить для другого».

Ключевые слова: феномен «кавказскости», национальный менталитет, этнокультурное двуединство, традиции активного романтизма, художественно-публицистический дискурс, В. Нарезный, Е. Лачинова, Л. Толстой.

The phenomenon of «Caucasianess» in Russian Literature of the first half of the 19th century is considered in the context of the general imperial perception. This article traces the fate of such novels as «A Black Year or the Mountain Princes» by Vasily Narezchniy and «Escapades in the Caucasus» by Ekaterina Lachinova, caused resonance in cultural life of that time. The complex of national and state ideas about Caucasus in fiction and nonfiction discourse of Leo Tolstoy is represented: «I discovered that there is immortality, that there is love, and that one must live for others».

Keywords: the phenomenon of «Caucasianess», national mentality, ethnical and cultural duality, traditions of active romanticism, fiction and nonfiction discourse, V. Narezchniy, E. Lachinova, L. Tolstoy.

Русские писатели, осваивая кавказскую тематику, исследуя ее как часть российской, стремились к пониманию национальной особенности – мироощущения, мирочувствования, того, что принято называть ментальностью. Как воспринимать культуру и литературу Кавказа? Есть ли основание видеть в национальной литературе народов Кавказа «этнокультурное двуединство», существующее в двух измерениях? Вопросы эти не содержали однозначных ответов в самом начале развития отношений «двустороннего сотрудничества».

Попытки создания целостного образа Кавказа, предпринимались побывавшими там в XIX столетии военными, путешественниками, участниками экспедиций, миссионерами, учеными, писателями. Возвращаясь в Россию, они публиковали впечатления о жизни, обычаях, традициях и культуре открывшегося им народа в «Отечественных записках», «Литературной газете», «Вестнике Европы», «Журнале Министерства внутренних дел». В первых путевых заметках в решении темы Кавказа сразу обозначились две противоположные тенденции, которые сформировались к 1820-1830-м гг. Одни требовали от писателей экзотики, необычных пейзажей, восхваления побед русского оружия... Это эпигонская концепция чиновничества. Другая наследовала традиции активного романтизма, традиции А. Пушкина и декабристов. Экзотика, условность, приблизительность представлений и схематизм без конкретного историзма, психологических знаний были характерны для ранних ознакомительных впечатлений о Кавказе [1, с. 29].

В первой половине XIX в. Кавказ предстал перед российским читателем в произведениях декабристов, А. Грибоедова, А. Пушкина, М. Лермонтова и др. В произведениях этих авторов уже были тонко подмечены особенности национального характера горца, высокие моральные качества, соблюдение обычаев предков, честь, преподнесенные читателю с реалистических позиций:

*Но европейца все вниманье
Народ сей чудный привлекал.
Меж горцев пленник наблюдал
Их веру, нравы, воспитанье,
Любил он жизни простоту,*

*Гостеприимство, жажду брани,
Движений вольных быстроту,
И легкость ног, и силу длани...*

[6, с. 467]

Первым русским романом о Кавказе стал роман «Черный год, или Горские князья» В. Т. Нарезного, который, в свою очередь открыл читательской публике неизвестные ей факты из жизни иноязычного народа.

Р. Юсуфов в книге «Русский романтизм начала XIX века и национальные культуры» писал о том, что произведения русских «как бы осветили внезапным светом весь внутренний мир человека Кавказа, все уголки его сознания, остававшиеся неизвестными до сих пор русскому человеку. Горец – герой, не один десяток лет мужественно отстаивавший свою вольность, свободу, независимость, становится более понятным и близким русскому читателю». И не только русскому, потому что произведения русских писателей «обогащали мировую литературу и культуру опытом той части человечества... которая еще оставалась за пределами художественной литературы и исторической науки XIX века» [8, с. 98].

В 1844 г. вышел из печати роман Е. Лачиновой «Проделки на Кавказе». Это произведение имело большой успех у читателей – за полтора месяца было продано 300 экземпляров. Е. Лачинова с 1836 г. жила на Кавказе по месту службы мужа, генерал-интенданта. В романе изображена жизнь и нравы горцев, объективные причины их жестокости. В рецензии П. Кудрявцева отмечалось, что «Проделки на Кавказе» «не роман, не повесть... но очерки быта и состояния страны в настоящее время, и притом очерки с мыслью». В книге Е. Лачиновой была предпринята попытка раскрыть «закулисную» сторону Кавказской войны, обличить порядок и характер управления Кавказом высшими чинами. Ярко выраженная обличительная позиция автора в значительной степени объясняется кругом ее кавказского общения, в который входили сосланные декабристы. Вокруг романа разразился скандал. Книга вызвала негодование Николая I, была запрещена, а тираж изъят из продажи. Над Е. Лачиновой, по воле царя, был установлен политический надзор. Современники предполагали причастность к созданию романа А. Бестужева-Марлинского, с которым писательницу связывали

дружеские отношения, отмечали переключку идей с «Героем нашего времени» М. Лермонтова. Возможно, Е. Лачинова намеренно намекала на погибших лиц с целью отвести угрозу от живущих на Кавказе военных, попавших под подозрение. В 1850 г. Е. Лачинова представила в цензуру новое сочинение «Два имама, или Истребление Аварского дома», развивающее идеи «Проделок на Кавказе». В цензурных делах имелось указание на то, что Е. Лачиновой «изготовлено» еще много рукописей, которые предписывалось рассматривать с особой бдительностью [1, с. 36].

Значительная часть поэтов и писателей представляла так называемую романтическую литературу, которая носила характер заимствования. Подражали А. Пушкину, М. Лермонтову, особенно А. Бестужеву-Марлинскому. Восточный стиль, романтические каноны, резкое деление персонажей на идеальных и отрицательных составляли основу письма этого направления в литературе первой половины XIX в. Вместе с тем эти произведения «сыграли известную положительную роль в ознакомлении русской читающей публики с образом жизни кавказских горцев и в конечном итоге содействовали сближению русского и горских народов» [3, с. 240].

События, происходившие на Северном Кавказе в середине XIX в. нашли отражение и в творчестве Л. Н. Толстого. Душевный кризис писателя, поиски смысла бытия, разочарование в образе жизни способствовали поиску перемен. Он охотно использовал представившийся случай поездки на Кавказ, знакомый ему лишь по книгам и чужим рассказам. Поехал Л. Толстой по предложению старшего брата Николая, служившего в кавказской армии. Выехав из Ясной Поляны в конце апреля 1851 г., он 30 мая прибыл в станицу Старогладковскую. Здесь жизнь его потекла по иному руслу. Л. Толстому неоднократно приходилось принимать участие в военных действиях против горцев – сначала в качестве добровольца (в июне 1851 г.), затем по поступлении на службу (в январе и феврале 1852 г., в январе–марте 1853 г. и т. д.). Не раз жизнь его подвергалась большой опасности. Он едва не был взят в плен (13 июня 1853 г.) при переезде из укрепления Воздвиженского в крепость Грозную. Казаки называли его

«джигитом», трижды он был представлен к Георгиевскому кресту, но каждый раз неожиданные обстоятельства мешали ему получить награду [7, с. 313].

Л. Н. Толстой посетил многие места на Кавказе. Постоянное его жительство было в станице Старогладковской, подробно описанной под названием Новомлинской в повести «Казаки». Кроме того, он бывал в Хасав-Юрте, Старом Юрте, Грозном, Пятигорске, Железноводске, Моздоке, Тифлисе, ездил к берегам Каспийского моря. На Кавказе им написаны «Детство», «Отрочество», «Святочная ночь», «Как гибнет любовь», «Записки маркера», «Набег», начаты «Роман русского помещика», «Казаки», «Рубка леса», «Дневник кавказского офицера». Потребность в продолжении активного творчества вынудили его хлопотать об отставке. Военная служба и среда начинали тяготить его, но отъезд вследствие войны с Турцией откладывался. 13 января 1854 г. он получил офицерский чин и 19 числа того же месяца вернулся в Россию [2, с. 55].

На Кавказе Л. Толстой пережил дни и горьких испытаний, и отрадных впечатлений. Моменты духовного подъема, упоения творческой работой и общения с новыми людьми, с кавказской природой сменялись событиями, оставившими в воспоминаниях горький осадок. Но, в общем, жизнь на Кавказе была одним из впечатляющих периодов его жизни. В письме от 5 декабря 1852 г. он сообщал брату Сергею Николаевичу: «Признаюсь, что мне скучно жить здесь и часто бывает грустно, но Кавказ принес мне огромную пользу. Пускай мне придется еще несколько лет прожить в этой школе, зато, ежели после нее мне останется хоть год прожить на свободе, я сумею его прожить хорошо». Те же мысли он высказывал и позже, в 1859 г.: «Это было и мучительное, и хорошее время. Никогда, ни прежде, ни после, я не доходил до такой высоты мысли, не заглядывал *туда*, как в это время, продолжавшееся 2 года. И все, что я нашел тогда, навсегда останется моим убеждением... я нашел, что есть бессмертие, что есть любовь и что надо жить для другого» [7, с. 315].

Для Л. Толстого суть Кавказской войны была очевидной: бесчеловечное насилие над людьми. В кавказских произведениях первого

периода, например «Казачах», главное внимание уделяется изображению русской среды. Впоследствии, уже в «Кавказском пленнике», выдвигаются на передний план горцы, а в «Хаджи-Мурате», замыкающем кавказский цикл, русская и горская стихия представлена через мысль о том, что вражда наций несет не освобождение, а бедствие и тем, и другим.

Писателя заинтересовала деятельность Осетинской духовной комиссии, созданной еще в 1744 г. по указу Елизаветы Петровны [4, с. 141].

15 октября Л. Толстой сделал по этому поводу запись в дневнике: «На Кавказе существует малоизвестная миссия, состоящая из 8 священников (русских), проповедующих Евангелие в осетинских горах осетинам и различным племенам горцев, из которых большая часть еще идолопоклонники. Миссионеры ходят пешком по едва проходимым тропинкам и пробывают иногда по пять и более лет. В Большой Кабарде, против Нальчика, между магометанами существуют об-

щины, с незапамятных времен принявшие христианскую веру: дигор, болгар» [5, с.101].

Интерес Л. Толстого к миссионерам понятен: разгар Кавказской войны, в окружении мусульманских народов горсточка русских священников, рискуя жизнью, не думая о благосостоянии своем, проповедует православие, пытается привнести в жизнь народов Кавказа грамотность и просвещение. Христианство, пришедшее к язычникам-осетинам из Византии, было объявлено государственной религией Алании в XII вв., но постепенно забывалось в горах. С приходом на Кавказ русских миссионеры стремились возродить здесь православное христианство [2, с. 58].

Русские писатели XIX в. в художественных и публицистических произведениях открыли те перспективы в области кавказско-русских отношений, которым предстояло выявить систему первоочередных ценностей, ориентированных на межэтническую коммуникацию в контексте национально-государственных идей.

Использованная литература:

1. Голикова Л. П. Россия и Кавказ: межлитературное общение в исторической динамике. Краснодар: КубГУ, 2008.
2. Голикова Л. П., Шаройко М. В. Русско-осетинские литературные коммуникации в контексте национальной самобытности. Краснодар: КубГУ, 2014.
3. История народов Северного Кавказа (конец XVIII–1917 г.). М.: Наука, 1988.
4. Каменский И. Обращение осетин в христианство в XVIII в. // Труды V археологического съезда в Тифлисе (Тифлис, 8-21 сентября 1881 г.). М.: Тип. А. И. Мамонтова и Ко, 1887.
5. Кусов Г. Русско-осетинские культурные связи. Орджоникидзе: Северо-Осетинское кн. изд-во, 1978.
6. Пушкин А. Избранные сочинения: в 2 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 1.
7. Семенов Л. Как складывались отношения с Кавказом у Л. Н. Толстого // Кавказ в сердце России. М.: Пашков дом. Фонд им. И. Д. Сытина, 2000. С. 313–320.
8. Юсуфов Р. Русский романтизм начала XIX в. и национальные культуры. М.: Наука, 1970.

References:

1. Golikova, L. P., *Rossiya i Kavkaz: mezhliteraturnoe obshchenie v istoricheskoy dinamike* (Russia and the Caucasus: Inter-Literature Communication in the Historical Dynamics), Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, 2008.
2. Golikova, L. P. and Sharoyko, M. V., *Russko-osetinskie literaturnye kommunikatsii v kontekste natsional'noy samobytnosti* (Russian-Ossetian Literary Communication in the Context of the National Identity), Krasnodar: Kubanskiy gosudarstvennyy universitet, 2014.
3. *Istoriya narodov Severnogo Kavkaza (konets XVIII veka – 1917 god)* (The History of the Peoples of the North Caucasus (the End of the 18th Century - 1917)), Moscow: Nauka, 1988.
4. Kamenskiy, I., *Obrashchenie osetin v khristianstvo v XVIII veke*, in *Proc. 5th Archeological Congress (Tiflis, 8-17 September, 1881)*, Moscow: Tipografia A. I. Mamontova i K., 1887.
5. Kusov, G., *Russko-osetinskie kul'turnye svyazi* (Russian-Ossetian Cultural Ties), Ordzhonikidze: Severo-Osetinskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1978.
6. Pushkin, A., *Izbrannye sochineniya* (Selected Works): in 2 vols., Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1978, vol. 1.
7. Semenov, L., *Kak skladyvalis' otnosheniya s Kavkazom u L. N. Tolstogo*, in *Kavkaz v serdtse Rossii* (Caucasus in the Heart of Russia), Moscow: Pashkov dom. Fond imeni I. D. Sytina, 2000, pp. 313–320.
8. Yusufov, R., *Russkiy romantizm nachala XIX veka i natsional'nye kul'tury* (Russian Romanticism of the Early 19th Century and National Culture), Moscow: Nauka, 1970.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Голикова, Л. П. Кавказские события в художественно-публицистическом творчестве русских писателей XIX в. [Электронный ресурс] / Л. П. Голикова, М. В. Шаройко // Наследие веков. – 2016. – № 2. – С. 55-59. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/07/2016_2_Golikova_Sharoiko.pdf. (дата обращения дд.мм.гг)

Full bibliographic reference to the article:

Golikova, L. P. and Sharoiko, M. V., Kavkazskie sobytiya v khudozhestvenno-publitsisticheskom tvorchestve russkikh pisateley XIX veka (Caucasian Events in Fiction and Nonfiction Works of the Russian Writers of the 19th Century), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 2, pp. 55-59. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/07/2016_2_Golikova_Sharoiko.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

Ставрополь середины XIX века глазами Елены Лачиновой (отрывок из романа «Проделки на Кавказе»)

Дорога по Кавказской линии вовсе незанимательна: всё степь да степь — кое-где пересечена она оврагом; инде ряд курганов вздымается на равнине полей, рисуясь на горизонте. По Кубани станицы обнесены рвами и окружены плетнем, увенчаны колючим кустарником, ворота выкрашены наподобие верстовых столбов; над ними прибита черная доска, на которой белою краской написано название станицы и какому полку она принадлежит; дома в них деревянные с камышовыми крышами. Степные, или по-тамошнему внутренние станицы, не имеют оград, рвов и ворот; они растянуты по обоим сторонам какого-нибудь тенистого ручейка, который величается именем речки; дома в иных деревянные, в других из дикого камня; но все, как и у нас на Руси, крыты соломой. На правом фланге везде казачки одеваются как русские крестьянки, и только в некоторых станицах повязывают голову в виде чалмы; мужья их вообще носят черкесское одеяние. Николашу сначала занимала ловкость конвоирующих казаков, но скоро и это пригляделось. Взор путешественников утомлялся от однообразия; нигде не было ни леска, ни даже кустарника; только вдали, за Кубанью, зеленелись кое-где почти истребленные рощи, да пространное протяжение земли, покрытой кустами.

Завиделся Ставрополь. В продолжение семи верст езды вы рассматриваете его расположение по скату горы; оно вам понравится, особливо после утомительной картины степей. Несколько больших зданий, потом глубокий овраг, усеянный домиками, несколько церквей и садов — прекрасный вид! Но прекрасный лишь издали. Вы въехали — какая пустота! Ни одного порядочного здания! все мелочно и низко, а все корчит величие — жалко и смешно смотреть! Тут не заметите ни торговли, ни промышленности. Штаб, присутственные места и комиссии: провиантская, комиссариатская и военносудная, с тюрьмою подсудимых, — вот все, что есть в этом городе. Жителей — кроме служащих, подрядчиков и мелочных торговцев, почти нет; для них вообще не нужно изящества и художества: мясной ряд, винный погреб, суконная лавка, мелочная лавка с чаем и сахаром, часовщик — или даже три часовщика, из которых ни один никуда не годится, совершенно достаточны для всех потребностей жизни. В Ставрополе найдете одну только роскошь, которой всю цену узнаете в особенности зимою. Это — гостиница. Стол в ней довольно дурен; но все чрезвычайно дорого, и в этой-то дороговизне большая выгода: сволочь не лезет туда. В этом трактире, который есть род клуба, вы проводите целые дни и находитесь в обществе всех приезжих, которых весною бывает очень много. В эту пору из всей российской армии съезжаются офицеры, командируемые на текущий год участвовать в экспедициях, равно как и те, которые кончили свой год и ожидают отправления к своим полкам. Гостиница — единственное место, где с некоторым удовольствием можно проводить время в Ставрополе: помещения опрятны, пространны и изрядно меблированы; первая комната бильярдная, вторая столовая, третья — довольно большая зала, далее две гостиные, в которых найдете «Русского инвалида», «Северную пчелу» и несколько ломберных столов, почти не закрывающихся. Прислуги довольно. Она опрятно одета и изрядно наметана. Честь и слава Неотаки, хозяину этого заведения! Да простятся ему его греческие склонности и грешки! Должно, однако же, сказать и то, что номера, где останавливаются приезжие, темны, дурны, малы, нечисты, имеют всегда дурной запах, холодны и угарны зимою. Да ниспошлет же Неотаки судьба в наказание поболее должников, не платящих долгов своих!

Хамар-Дабанов Е. (Лачинова Е. П.) Проделки на Кавказе. - Ставрополь, 1986. - С. 256-258.

СИРИЦА Игорь Валентинович

кандидат юридических наук,
независимый исследователь,

Россия, Краснодар

Igor V. SIRITSA

Cand. Sci. (Theory and History of State and Law,
History of Legal Studies), Independent Researcher

Russia, Krasnodar

nazar1937@inbox.ru

Зарождение и развитие органов политического розыска в Кубанской области и Черноморской губернии

Genesis and Development of the Bodies of Political Investigation in the Kuban Region and the Black Sea Province

В статье рассматривается процесс формирования и совершенствования структуры Кубанского областного жандармского управления и иных органов политической полиции на территории Кубанской области и Черноморской губернии, осуществлявших политический розыск и производство дознаний по государственным преступлениям.

Ключевые слова: Кубанская область, Екатеринодар, Черноморская губерния, жандармерия, политический розыск, агентура, филеры, дознание.

The article discusses the process of formation and improving the structure of the Kuban Regional Gendarmerie and other bodies of the political police that conducted the political investigation and made the inquiries for the state crimes in the territory of the Kuban region and the Black Sea province.

Keywords: Kuban region, Ekaterinodar, Black Sea Province, the gendarmerie, the political search, agents, spies, inquiry.

На рубеже XIX–XX вв. Кубанская область и Черноморская губерния считались относительно спокойной окраиной Российской Империи. Наличие казачества воспринималось властями как весомая гарантия социальной и политической стабильности, а консерватизм основной массы местного населения позволял без особых опасений отправлять сюда политически неблагонадежных лиц под надзор полиции. Однако и здесь стали распространяться революционные идеи под влиянием как ссыльных, так и студентов петербургских, московских и прочих учебных заведений, приезжавших на лето и привозивших с собой для распространения нелегальную литературу. Среди рабочих все чаще появлялись ак-

тивисты, ранее уже участвовавшие в стачках и деятельности революционных кружков в промышленных центрах страны [19, с. 436]. В 1879 г. наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич конфиденциально сообщил шефу жандармов о том, что в ряде местностей Кавказского края, «и преимущественно в Кубанской области, стали появляться агенты тайной революционной пропаганды» [29, с. 305].

Все эти факторы, а также настоятельная потребность в принятии превентивных мер, стали причиной создания в 1880 г. в Екатеринодаре ведомства, которое сыграло существенную роль во многих событиях социально-экономической и политической жизни

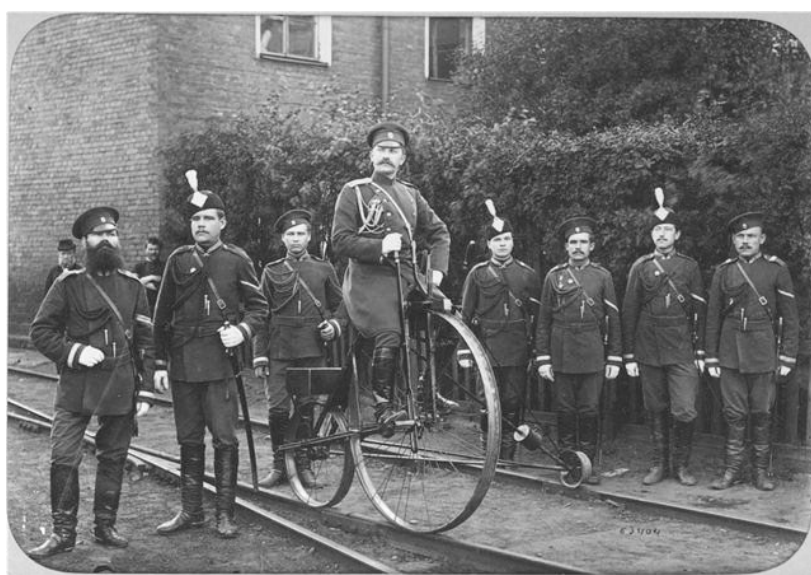
региона, – Кубанского областного жандармского управления (КОЖУ). Обосновывая создание на юге России органов политической полиции, шеф жандармов П. Н. Дурново указывал, что «население... почти всех курортов Черноморского побережья в летнее время чрезвычайно увеличивается, причем под видом прогулок и экскурсий туда проникают революционные деятели, которые при слабом надзоре полиции и недостаточности состава жандармских чинов свободно ведут пропаганду» [20, с. 110–111]. В этой связи необходимо отметить, что Кубанская область, – аграрный регион огромной страны, – с ее специфическим населением не была в эпицентре выступления революционеров, вошедших в историю под названием «шестидесятников», «семидесятников» и «народников». Но и на ее территории действовали отдельные лица и даже целые кружки и группы, находящиеся в общем русле освободительного движения. Так, в июне 1869 г. на территории Кубанской области был арестован скрывшийся от преследования властей за революционную деятельность в Петербурге В. Ф. Орлов. В целом же 1860-е гг. XIX в. не были отмечены здесь активной революционной деятельностью [29, с. 298–299].

КОЖУ подчинялось Отдельному Корпусу жандармов, который входил в систему МВД России. Оно осуществляло наблюдение за неблагонадежными лицами, ведало политическим розыском и производило дознания по делам о государственных преступлениях в Кубанской области и Черноморской губернии, т. е. являлось местным органом политической полиции Российской империи. Особо следует отметить, что в соседнем регионе – Области Войска Донского – Донское областное жандармское управление было образовано лишь спустя 8 лет: приказом по Корпусу жандармов № 14 от

8 февраля 1888 г. Его начальником был назначен подполковник Страхов [26, с. 1–3]. Постепенно шла дальнейшая организация областных жандармских управлений в России: в апреле 1888 г. было образовано Ялтинское, в 1904 г. – Якутское и Кронштадтское, в 1906 г. – Севастопольское [20, с. 110]. В Кавказском крае, в состав которого входила и Кубанская область, политическая полиция к 1905 г. была представлена шестью губернскими (областными) жандармскими управлениями (32 офицера и 139 нижних чинов), двумя крепостными жандармскими командами (2 офицера и 22 нижних чина), Тифлисским охранным отделением

Жандармы. Конец XIX в.

Железнодорожные жандармы. Конец XIX в.

*Вахмистр Кубанского областного
жандармского управления.
Екатеринодар, начало XX в.*

нием, Бакинским и Батумским розыскными (охранными) пунктами, Закавказским и Владикавказским жандармскими полицейскими управлениями железных дорог [30, с. 135].

24 мая 1880 г. товарищем (заместителем) шефа жандармов генерал-майором П. А. Червиным был подписан приказ № 65 по Отдельному Корпусу жандармов, в котором, в частности, указывалось: «В приказе по Военному ведомству 15-го сего Мая за № 130 объявлено, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОР, согласно представлению моему, в 26 день прошлого Апреля ВЫСОЧАЙШЕ повелеть соизволил: Сформировать Кубанское Областное Жандармское Управление в составе, указанном в прилагаемом у сего штате, с назначением Управления в г. Екатеринодаре» [7, л. 1–2].

В штат КОЖУ вошли: начальник управления (штаб-офицер), адъютант (обер-офицер), переводчик и два писаря – второго и третьего разрядов. «Годовой оклад содержания» каждо-

му соответственно составлял: 2791 руб., 1067 руб., 790 руб. [8, л. 2, 11, 31], 60 руб. и 36 руб. [1, л. 1] (для сравнения – цена на рабочие руки в рассматриваемое время в Екатеринодаре составляла в день: поденщик – 50–60 копеек, поденщица – 40–45 коп.; цены на основные продукты питания: хлеб ржаной и пшеничный из муки простого помола – 2 коп., крупчатой – 4 коп. за фунт (400 г.); говядина 1-го сорта – 7 коп., 2-го сорта – 5 коп., филей – 9 коп. за фунт; свинина – 12 коп. за фунт; яйца по 1 руб. за сотню; масло топленое – 25 коп., свежее – 35 коп., творог – 5 коп. за фунт; курица (битая) – 30–35 коп., утка – 35–40 коп., гусь – 60–75 коп., индейка – 1 руб. – 1 руб. 40 коп. за штуку [16]).

В соответствии с приказом № 67 по Отдельному Корпусу жандармов от 28 мая 1880 г. в КОЖУ назначались 1 офицер и 14 унтер-офицеров, которые распределялись следующим образом: в Екатеринодарском пункте – 6 унтер-офицеров, в Новороссийском – 1 офицер (помощник начальника КОЖУ в Черноморской губернии) и 4 унтер-офицера, а в Майкопском и Ейском пунктах – по 2 унтер-офицера [7, л. 4–5]. Ежегодное жалование помощника начальника Управления составляло 1823 руб. [9, л. 16], а унтер-офицеров – 189 руб. 90 коп. [1, л. 1]. На канцелярские расходы Управлению в год отпускалось 216 руб., а на «секретные расходы» – 500 руб.

6 октября 1880 г. приказом № 120 по Корпусу жандармов были назначены: начальником КОЖУ – подполковник Самойлов Александр Александрович, помощником начальника Управления в Черноморской губернии – капитан Горлицын Александр Николаевич (адъютант Екатеринославского губернского жандармского управления) и адъютантом Управления – поручик Лещинский Венедикт Викторович (адъютант Симбирского губернского жандармского управления) [7, л. 7].

Через месяц, 2 ноября 1880 г., в своем первом приказе в должности начальника КОЖУ А. А. Самойлов, в частности, указал: «... прибыв сего числа в г. Екатеринодар, вступаю в исполнение своих обязанностей. С сего же числа вверенное мне Управление открываю» [1, л. 2]. Необходимо отметить, что 42-летний А. А. Самойлов являлся потомственным дворянином Санкт-Петербургской губернии. Окончив Павловский кадетский корпус, он прохо-

дил службу в строевых частях действующей армии и был награжден орденами Св. Анны II и III степеней, Св. Станислава II и III степеней, серебряной медалью «За покорение Чечни и Дагестана 1857–1859 гг.» и крестом «За службу на Кавказе». В Отдельный Корпус жандармов он был переведен Высочайшим приказом 29 сентября 1880 г. и, как указывалось выше, почти сразу же (через неделю) был назначен начальником КОЖУ [8, л. 2–5]. В этой связи представляют интерес воспоминания последнего начальника Московского охранного отделения полковника А. П. Мартынова, который, в частности, писал: «...личный состав руководящих особ в политическом розыске поставлял штаб Отдельного корпуса жандармов, а руководил розыском Департамент полиции. Последний, путем переписки, личных и письменных сношений, иногда понимал, что такой-то жандармский офицер вполне пригоден для занятия должности начальника губернского жандармского управления, что он интересуется делом розыска, понимает и разбирается в революционном движении. Тогда Департамент полиции начинал производить давление в том отношении, чтобы этот офицер вне очереди, не по старшинству, получил должность начальника губернского жандармского управления» [17, с. 122–123]. На наш взгляд, слова А. П. Мартынова можно в полной мере отнести и к назначению А. А. Самойлова на пост руководителя КОЖУ. 17 декабря он отбыл в командировку «для объезда некоторых местностей Кубанской Области» с целью непосредственного проведения рекогносцировки и для ознакомления с новым для него регионом, откуда вернулся в Екатеринодар 30 декабря [1, л. 3–4].

14 ноября 1880 г. в Екатеринодар из Симбирска прибыл вновь назначенный адъютант Управления поручик В. В. Лещинский, которому А. А. Самойлов приказом № 4 по КОЖУ от 4 декабря, для назначения на унтер-офицерские должности, поручил с лицами, «предъявивших желание поступить на службу в Отдельный Корпус Жандармов – из отставки и из запаса – ...заняться подготовкою к жандармской службе... и к 1 января будущего года доставить ...сведения о результатах подготовительных занятий» [1, л. 3]. В этой связи необходимо сказать, что состав нижних чинов жандармских подразделений комплектовался

исключительно унтер-офицерами всех родов войск, которые принимались на сверхсрочную службу в Корпус из запаса армии или отставки. О каждом кандидате собирались подробные сведения относительно благонадежности, предыдущем прохождении службы и личных качествах. Зачисление на службу производилось распоряжением начальника жандармского подразделения. В соответствии с § 53 Положения о Корпусе Жандармов от 9 сентября 1867 г., поступивший на службу унтер-офицер обязан был прослужить в жандармерии не менее пяти лет, о чем давал подписку [21]. Приказом № 56 по Военному ведомству от 7 марта 1885 г. унтер-офицерам, увольнявшимся в отставку, назначались пенсии и единовременные пособия с предоставлением «некоторых преимуществ нижним чинам унтер-офицерского звания за сверхсрочную службу» [2, л. 7]. Командир Корпуса генерал-лейтенант П. В. Оржевский в приказе № 25 от 11 марта 1885 г. отмечал: «...этот новый знак Монаршей заботливости, направленный к обеспечению будущности сверхсрочнослужащих жандарм-

*Жандармский унтер-офицер,
Санкт-Петербург, начало XX в.*

ских унтер-офицеров и их семейств по выходе в отставку, послужит залогом еще более ревностного исполнения ими служебных обязанностей» [2, л. 8].

Особенности геополитического положения Кубани, наличие множества горских народов, в этническом отношении делившихся на группы, с многообразием языков, обусловили необходимость принять в штат КОЖУ на должность переводчика Ивана Егоровича Муратова, родом «из горских армян Кубанской области», окончившего Ставропольскую гимназию [8, л. 31]. Отдельно следует отметить, что с прибытием из Екатеринослава в Новороссийск капитана А. Н. Горлицына вышла непредвиденная задержка ввиду «возложенного на него служебного поручения», а затем – болезни. Однако, 6 апреля 1881 г. А. А. Самойлов доносил в Штаб Корпуса, что «в г. Новороссийске и вообще в Черноморском округе все спокойно и со времени открытия... Управления там не возникало еще ни одного дела политического характера» [7, л. 45].

Признавая заслуги А. А. Самойлова в ор-

*Жандармский полковник,
Санкт-Петербург, начало XX в.*

ганизации политической полиции на Кубани, руководство Корпуса жандармов уже 12 апреля 1881 г. присвоило ему чин полковника «за отличие по службе» [8, л. 5], в связи с чем ежегодно «получаемое на службе содержание» возросло до 3028 руб. [8, л. 2]. Вместе с тем, «возникшее в последнее время... в районе Кубанской области значительное число дознаний по государственным преступлениям» вызывало серьезную озабоченность начальника КОЖУ, о чем он докладывал в Санкт-Петербург [7, л. 46].

К лету 1881 г. из кандидатов на вакансии унтер-офицеров КОЖУ были отобраны: в Новороссийский пункт – Трофим Леонидов, Афанасий Светличный, Игнатий Мироненко и Даниил Перепелица; в Ейский пункт – Ефим Носик и Петр Ругаленко; в Майкопский пункт – Дмитрий Светличный и Савва Величко. 1 июля 1881 г. в 5 часов утра, по распоряжению начальника Управления, они отбыли из Екатеринодара на восьми подводках «с семействами и домашним скарбом» к местам прохождения службы. Известно, что в Новороссийск четверо новобранцев прибыли только спустя две недели, о чем было доложено А. А. Самойлову [7, л. 61-74]. Таковы были в ту далекую пору реалии междугороднего сообщения.

Таким образом, к середине 1881 г. было завершено формирование штата КОЖУ. В этой связи нельзя не обратить внимания на значительную ротацию офицерского состава. Так, в течение 1880–1885 гг. сменились три адъютанта Управления и три помощника начальника Управления в Черноморской губернии. Впрочем, такая текучесть кадров была характерна для Отдельного Корпуса жандармов в целом, о чем свидетельствуют приказы по Корпусу о назначениях и перемещениях по должностям [22] [23] [24] [25].

Ввиду специфического характера деятельности КОЖУ, до начала XX в. не прекращалась его внутренняя структурная реорганизация. Так, 21 января 1886 г. приказом по Корпусу жандармов № 6 в Екатеринодаре и Новороссийске были учреждены должности вахмистров Управления с годовым содержанием 240 руб. [3, л. 1]. В соответствии с приказом по Корпусу № 48 от 24 мая 1888 г. «для усиления наблюдения в Кубанской области... добавляются один Помощник Начальника Управле-

ния, один вахмистр и пять унтер-офицеров, которые распределяются: в г. Ейск – офицер, вахмистр и унтер-офицер и в посады Вельяминовский (ныне – г. Туапсе) и Даховский (ныне – г. Сочи) по два унтер-офицера в каждый» [4, л. 16].

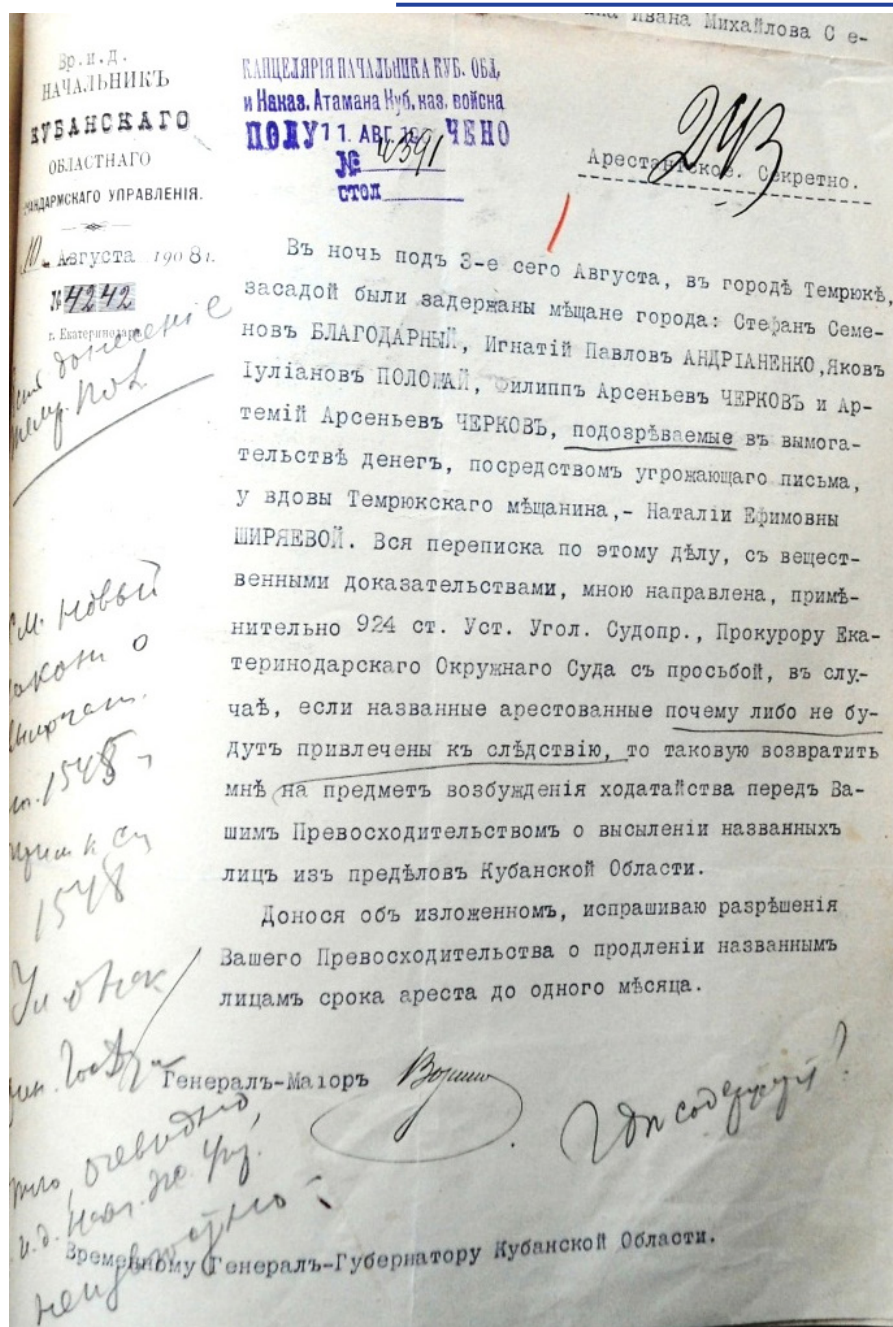
Приказом по Корпусу № 113 от 9 декабря 1902 г. была упразднена должность помощника начальника КОЖУ в Ейске и учреждалась должность помощника начальника Управления в Екатеринодаре, а «из числа нижних чинов, находящихся на пункте в г. Ейске», два унтер-офицера были «перечислены на образование нового жандармского пункта в селении Армавир, с подчинению этих двух пунктов ведению чинов Управления» [27, с. 4].

29 июня 1906 г. на основании приказа по Корпусу № 128 «жандармский пункт в местечке Гагры Черноморской губернии, с состоящими на нем двумя унтер-офицерами из состава Кутаисского губернского жандармского управления, перечислен в Кубанское областное управление с подчинением его Помощнику в Черноморской губернии» [5, л. 27].

И, наконец, в 1910 г. была введена должность помощника начальника КОЖУ в Баталпашинском, Лабинском и Майкопском отделах, а в 1915 г. – помощника начальника Управления в Ейском, Кавказском, Екатеринодарском и Таманском отделах [6, л. 3].

Важно отметить, что параллельно с деятельностью губернских (областных) жандармских управлений, политический розыск осуществляли охранные отделения, как правило, дислоцированные в крупных губернских (областных) центрах, которые не были уполномочены к проведению дознаний и занимались исключительно оперативно-розыскной деятельностью. В 1906–1907 гг. в ряде городов, в отличие от охранных отделений, создаются более мелкие подразделения – охранные пункты. Прежде всего, они были организованы в местах, отдаленных от центра, там, где в этот период наблюдался рост оппозиционных настроений среди населения. Кроме того, одной из причин их создания было желание Департамента полиции усилить политический розыск, так как к этому времени, на фоне нарастающего революционного движения, была видна несостоятельность многих региональных жандармских управлений. Первые охран-

ные пункты были учреждены в Благовещенске, Хабаровске, Пензе, Гомеле, Владикавказе, Батуми и т. д. Они создавались внутриведомственными распоряжениями (циркулярами) Департамента полиции с большой легкостью и также быстро ликвидировались [20, с. 121]. Так, 3 ноября 1907 г. по инициативе Наместника на Кавказе, графа И. И. Воронцова-Дашкова в Екатеринодаре был образован Розыскной (охранной) пункт [11, л. 9], который функционировал до ноября 1908 г. как самостоятельное подразделение. Таким образом, в этот период политическая полиция на Кубани осуществляла уголовно-процессуальные и оперативно-розыскные функции – КОЖУ занималось исключительно производством дознаний по государственным преступлениям, а Екатеринодарский охранный пункт (ЕОП) проводил оперативно-розыскные мероприятия с участием секретной агентуры (внутреннее наблюдение) и филеров (наружное наблюдение). Полученную информацию ЕОП направлял в КОЖУ для реализации в рамках дознаний. Однако такое взаимодействие ограничивалось только чертой города. В целом же на территории Кубанской области и Черноморской губернии КОЖУ было вынуждено самостоятельно заниматься подбором и постановкой агентуры, что вызывало постоянные трения между руководством КОЖУ и ЕОП, которые выражались в соперничестве, разногласиях и даже вражде. Анализ деятельности политической полиции России показывает, что такая негативная тенденция была характерна практически для всех регионов страны. Департамент полиции был озабочен этой проблемой и в своих циркулярах неоднократно призывал к «взаимопомощи» этих учреждений, обмену сведениями и т. д. Конфликтные ситуации возникали из-за того, что хотя функции территориальных жандармских управлений и охранных отделений были разделены, в действительности, розыскная деятельность (за которую отвечали охранные отделения) и проведение дознаний (которыми занимались жандармы) тесно переплетались: на практике отделить одно от другого порой было невозможно. Те руководители охранных отделений, которые проходили по штабу Корпуса жандармов, в строевом отношении были подчинены начальнику губернского жандармского

Отзыв начальника кубанского областного жандармского управления. Из фондов Государственного архива Краснодарского края.

управления (последний, как правило, был в чине полковника или генерал-майора), но в служебном отношении, ему порой приходилось подчиняться младшему по чину начальнику «охранки» [20, с. 120]. На этот аспект в своих воспоминаниях обращали внимание и крупные деятели политической полиции – К. И. Глобачев [13], А. В. Герасимов [12], П. П. Заварзин [15], В. Ф. Джунковский [14], А. И. Спиридович [28], В. Д. Новицкий [18] и др. В конце

1908 г., когда ЕОП был влит в КОЖУ, как, своего рода, оперативно-агентурный отдел, Управление стало вновь выполнять оперативно-розыскные функции наряду с уголовно-процессуальными.

Важно отметить и еще одну особенность функционирования политической полиции на Кубани. Революционные выступления в 1905 г. и активная роль железнодорожников в придании Октябрьской стачке всероссийского характера, заставили правительство России принять срочные меры и привлечь к борьбе с революционными выступлениями жандармские полицейские управления железных дорог (ЖПУ ж/д). В частности, на Кубани в 1905 г. было образовано Екатеринодарское отделение Владикавказского жандармского полицейского управления железных дорог. Оно осуществляло жандармские и полицейские функции на железной дороге и в зоне отчуждения (постройки и сооружения), следило за сохранением общественного порядка, политическими умонастроениями, соблюдением паспортного режима и соблюдением правил проезда по железной дороге, а также

провоза багажа и грузов. По общему правилу, район действия каждого ЖПУ ж/д простирался на участок протяженностью 2000 верст, это расстояние делилось на участки по 200 верст каждые, находившиеся в ведении отделений. Если Законом от 19 мая 1871 г. был закреплен порядок действия чинов ЖПУ ж/д только по расследованию преступлений «общего порядка», т. е. уголовных, то приказом по Корпусу

жандармов от 28 июля 1906 г. № 14528 на них были возложены обязанности производства дознаний и о всех «преступных действиях» политического характера, «совершенных в полосе отчуждения железных дорог». При производстве дознаний начальники отделений ЖПУ ж/д подчинялись начальникам территориальных губернских жандармских управлений.

К началу 1915 г. на территории Кубанской области и Черноморской губернии дислоцировались следующие подразделения железнодорожной жандармерии. В состав Ростовского ЖПУ ж/д, помимо Ростовского и Азовского отделений, входили: Тихорецкое отделение (штат: начальник, вахмистр, унтер-офицеры – 41), Екатеринодарское (начальник, вахмистр, унтер-офицеры – 29), Кубанское, со штаб-квартирой также в Екатеринодаре (начальник, вахмистр, унтер-офицеры – 23), Кущёвское (начальник, вахмистр, унтер-офицеры – 25) и Новороссийское (начальник, вахмистр, унтер-офицеры – 33). Последнее было образовано еще в 1885 г. на строящейся ветке железной дороги от ст. Тихорецкой до Новороссийска. В состав Владикавказского ЖПУ ж/д, помимо Владикавказского, Минералводского, Грозненского, Петровского, Дербентского, Моздокского, Ставропольского и Благодарненского отделений, входили: Армавирское отделение (начальник, вахмистр, унтер-офицеры – 19), Туапсинское (начальник,

вахмистр, унтер-офицеры – 20) и Черноморское, со штаб-квартирой в Сочи (начальник, вахмистр, унтер-офицеры – 33) [10, л. 216–218]. Таким образом, в рассматриваемый период, помимо КОЖУ, на Кубани и в Черноморье осуществляли борьбу с крамолой железнодорожные жандармы в количестве 8 офицеров, 8 вахмистров и 182 унтер-офицера, но находящиеся в ведении Ростовского и Владикавказского ЖПУ ж/д.

Анализ архивных источников показывает, что КОЖУ в своей деятельности взаимодействовало, помимо Екатеринодарского охранного пункта и отделений Ростовского и Владикавказского жандармских полицейских управлений железных дорог, и с другими правоохранительными органами на Кубани – общей и сыскной полицией, таможней, прокуратурой и др.

Таким образом, в исследуемый период в структуре политической полиции Кубани неоднократно осуществлялась реорганизация и совершенствование аппарата. В динамике, по мере возникновения революционного движения в том или ином регионе Кубанской области и Черноморской губернии, политическая полиция реагировала на это своими структурными преобразованиями, перебрасывая силы и средства в наиболее «взрывоопасные» районы. Целью реорганизации было создание более благоприятных условий для эффективного осуществления своих функций.

Использованная литература:

1. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 583. Оп. 1. Д. 1.
2. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 583. Оп. 1. Д. 2.
3. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 583. Оп. 1. Д. 5.
4. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 583. Оп. 1. Д. 6.
5. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 583. Оп. 1. Д. 35.
6. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 583. Оп. 1. Д. 67.
7. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 583. Оп. 1. Д. 1168.
8. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 583. Оп. 1. Д. 1173.
9. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 583. Оп. 1. Д. 1175.
10. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 585. Оп. 1. Д. 22.

References:

1. *State Archives of the Krasnodar Region (GAKK), Fund 583, Inventory 1, File 1.*
2. *State Archives of the Krasnodar Region (GAKK), Fund 583, Inventory 1, File 2.*
3. *State Archives of the Krasnodar Region (GAKK), Fund 583, Inventory 1, File 5.*
4. *State Archives of the Krasnodar Region (GAKK), Fund 583, Inventory 1, File 6.*
5. *State Archives of the Krasnodar Region (GAKK), Fund 583, Inventory 1, File 35.*
6. *State Archives of the Krasnodar Region (GAKK), Fund 583, Inventory 1, File 67.*
7. *State Archives of the Krasnodar Region (GAKK), Fund 583, Inventory 1, File 1168.*
8. *State Archives of the Krasnodar Region (GAKK), Fund 583, Inventory 1, File 1173.*
9. *State Archives of the Krasnodar Region (GAKK), Fund 583, Inventory 1, File 1175.*
10. *State Archives of the Krasnodar Region (GAKK), F. 585, Inventory 1, File 22.*

11. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 586. Оп. 1. Д. 1.
12. Герасимов А. В. На лезвии с террористами. Париж: YMCA-PRESS, 1985.
13. Глобачев К. И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения / под ред. З. И. Перегудовой. М.: РОССПЭН, 2009.
14. Джунковский В. Ф. Воспоминания. В 2 т. / Под общ. ред. А. Л. Паниной. М.: Издательство им. Сабашниковых, 1997.
15. Заварзин П. П. Жандармы и революционеры. Воспоминания. Париж: Издание автора, 1930.
16. Кубанские областные ведомости. 1894. 8 янв. № 1.
17. Мартынов А. П. Моя служба в Отдельном корпусе жандармов / «Охранка»: Воспоминания руководителей охранных отделений. Т. 1. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
18. Новицкий В. Д. Из воспоминаний жандарма. М.: Издательство МГУ, 1991.
19. Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / под общ. ред. В. Н. Ратушняка. Краснодар: Советская Кубань, 1996.
20. Перегудова З. И. Политический сыск России (1880–1917 гг.). М.: РОССПЭН, 2000.
21. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XIII. Отд. 2. № 44956.
22. Приказы по Отдельному Корпусу жандармов за 1871 г., СПб.: Тип. Отдельного Корпуса жандармов, 1871.
23. Приказы по Отдельному Корпусу жандармов за 1876 г., СПб.: Тип. Отдельного Корпуса жандармов, 1876.
24. Приказы по Отдельному Корпусу жандармов за 1881 г., СПб.: Тип. Отдельного Корпуса жандармов, 1881.
25. Приказы по Отдельному Корпусу жандармов за 1886 г. СПб.: Тип. Отдельного Корпуса жандармов, 1886.
26. Приказы по Отдельному Корпусу жандармов за 1888 г. СПб.: Тип. Отдельного Корпуса жандармов, 1888.
27. Приказы по Отдельному Корпусу жандармов за 1902 г. СПб.: Тип. Отдельного Корпуса жандармов, 1902.
28. Спиридович А. И. Записки жандарма. М.: Художественная литература, 1991.
29. Трехбратов Б. А. История Кубани: уч. пос. Краснодар: Краснодарское кн. изд-во, 2000.
30. Царизм в борьбе с революцией 1905–1907 гг. Сб. д-тов / под ред. А. К. Дрезена. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936.
11. *State Archives of the Krasnodar Region (GAKK)*, F. 586. Inventory 1. File 1.
12. Gerasimov, A. V., *Na lezvii s terroristami* (On the Blade with the Terrorists), Paris: YMCA-PRESS, 1985.
13. Globachev, K. I., *Pravda o russkoy revolyutsii: Vospominaniya byvshego nachal'nika Petrogradskogo okhrannogo otdeleniya* (Truth about the Russian Revolution: Memoirs of the Former Chief of the Petrograd Security Department), Peregudova, Z. I., Ed., Moscow: Rosspen, 2009.
14. Dzhunkovskiy, V. F., *Vospominaniya* (Memoirs), in 2 vols., Panina, A. L., Ed., Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovoykh, 1997.
15. Zavarzin, P. P., *Zhandarmy i revolyutsionery. Vospominaniya* (Gendarmes and Revolutionaries. Memories), Paris: Author's Publication, 1930.
16. *Kubanskie oblastnye vedomosti*, January 8, 1894, no. 1.
17. Martynov, A. P., *Moya sluzhba v Otdel'nom korpuse zhandarmov* (My Service at the Special Corps of Gendarmes), in "Okhranka": *vospominaniya rukovoditeley okhrannykh otdeleniy*, vol. 1, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004.
18. Novitskiy, V. D., *Iz vospominaniy zhandarma* (From the Gendarme's Memories), Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo Gosudarstvennogo universiteta, 1991.
19. *Ocherki istorii Kubani s drevneyshikh vremen po 1920 god* (Essays on the History of the Kuban Region from Ancient Times to 1920), Ratushnyak, V. N., Ed., Krasnodar: Sovetskaya Kuban', 1996.
20. Peregudova, Z. I., *Politicheskiy sysk Rossii (1880–1917)* (Political Investigation in Russia (1880–1917)), Moscow: Rosspen, 2000.
21. *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii* (Complete Collection of Laws of the Russian Empire), 2nd series, vol. 13, part 2, no. 44956.
22. *Prikazy po Otdel'nomu Korpusu zhandarmov za 1871 god* (Orders for the Special Corps of Gendarmes of 1871), Saint-Petersburg: Tipografiya Otdel'nogo Korpusa zhandarmov, 1871.
23. *Prikazy po Otdel'nomu Korpusu zhandarmov za 1876 god* (Orders for the Special Corps of Gendarmes of 1876), Saint-Petersburg: Tipografiya Otdel'nogo Korpusa zhandarmov, 1876.
24. *Prikazy po Otdel'nomu Korpusu zhandarmov za 1881 god* (Orders for the Special Corps of Gendarmes of 1881), Saint-Petersburg: Tipografiya Otdel'nogo Korpusa zhandarmov, 1881.
25. *Prikazy po Otdel'nomu Korpusu zhandarmov za 1886 god* (Orders for the Special Corps of Gendarmes of 1886), Saint-Petersburg: Tipografiya Otdel'nogo Korpusa zhandarmov, 1886.
26. *Prikazy po Otdel'nomu Korpusu zhandarmov za 1888 god* (Orders for the Special Corps of Gendarmes of 1888), Saint-Petersburg: Tipografiya Otdel'nogo Korpusa zhandarmov, 1888.
27. *Prikazy po Otdel'nomu Korpusu zhandarmov za 1902 god* (Orders for the Special Corps of Gendarmes of 1902), Saint-Petersburg: Tipografiya Otdel'nogo Korpusa zhandarmov, 1902.
28. Spiridovich, A. I., *Zapiski zhandarma* (Gendarme's Notes), Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1991.

29. Trekhbratov, B. A., *Istoriya Kubani* (History of the Kuban Region): training manual, Krasnodar: Krasnodarskoe knnizhnoe izdatel'stvo, 2000.

30. *Tsarizm v bor'be s revolyutsiey 1905–1907 godov* (Tsarism in the Struggle against the Revolution of 1905-1907): sel. documents, Drezen, A. K., Ed., Moscow: Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1936.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Сирица, И. В. Зарождение и развитие органов политического розыска в Кубанской области и Черноморской губернии [Электронный ресурс] / И. В. Сирица // Наследие веков. – 2016. – № 2. – С. 60-69. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/07/2016_2_Siritsa.pdf. (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Siritsa, I. V., *Zarozhdenie i razvitie organov politicheskogo rozyska v Kubanskoj oblasti i Chernomorskoy gubernii* (Genesis and Development of the Bodies of Political Investigation in the Kuban Region and the Black Sea Province), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 2, pp. 60-69. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2016/07/2016_2_Siritsa.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ КУЛЬТУР: К 400-ЛЕТИЮ ПАМЯТИ У. ШЕКСПИРА

СПАЧИЛЬ Ольга Викторовна

кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
Кубанского государственного университета,
г. Краснодар, Россия

Olga V. SPACHIL

Cand. Sci. (Germanic Languages), Assoc. Prof.,
Department of English Philology, Kuban State University,
Krasnodar, Russia
spachil.olga0@gmail.com

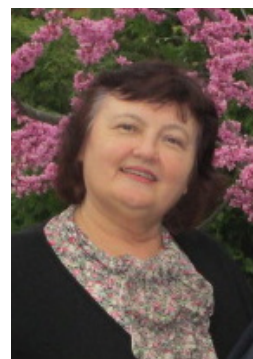

ТРЕТЬЯКОВА Елена Юрьевна

доктор филологических наук, профессор кафедры русского
и иностранного языков и литературы
Краснодарского государственного института культуры
Краснодар, Россия

Elena Yu. TRETYAKOVA

Dr. Sci. (Journalism), Prof.,
Department of the Russian and Foreign Languages and Literature,
Krasnodar State Institute of Culture
Krasnodar, Russia
drevo_rechi@mail.ru

Иронические функции шекспировских аллюзий в «Скучной истории» А. П. Чехова

Авторы статьи анализируют аллюзивный пласт повести А. П. Чехова «Скучная история», позволяющий преодолеть монологизм повествования, построенного в основном от лица главного героя и передающего его точку зрения на мир. Показано, что, в полном соответствии с внесённым в творческие дневники Чехова ироническим замечанием: «Мнение профессора: не Шекспир главное, а примечания к нему», шекспировские аллюзии помогают исподволь раскрыть несостоятельность жизненной позиции, мнений и самооценки героя.

Ключевые слова: творчество А. П. Чехова конца 1880-х – начала 1890-х гг., русское шекспироведение XIX столетия, ирония, шекспировские аллюзии.

Ironical Functions of Shakespearian Allusions in “A Boring Story” by Anton Chekhov

Drawing attention to the ironic subtext, the authors analyze the main, in their view, function of allusive references in Anton Chekhov’s A Boring Story. Allusions help to overcome monological first person narration, which conveys the protagonist’s worldview. It is shown that in full compliance with Chekhov’s Note Books entry “A professor’s opinion: not Shakespeare, but the comments on him are the thing” Shakespearian references help to reveal the failure of the vital position, opinions and beliefs of the protagonist.

Keywords: A. P. Chekhov’s creative writing in the late 1880s – the early 1890s, Shakespearian studies in Russia of the 19th century, irony, Shakespearian allusions.

Материалы прошедшего на Чеховских чтениях в Ялте в апреле 2015 г. многостороннего обсуждения возможных типологических сближений между Чеховым и Шекспиром станут доступны широкой научной общественности после выхода в свет соответствующего сборника докладов. Пока что книга «Чехов и Шекспир: материалы XXXVI Международной научно-практической конференции “Чеховские чтения в Ялте”» только готовится к печати. Ряд публикуемых в этой книге работ посвящён вопросу о роли шекспировских аллюзий. Мы имеем в виду прослушанные нами на конференции доклады А. В. Бартошевича «Метафоризм Шекспира и Чехова», О. В. Шалыгиной «Стук-время-композиция-свеча (Макбетовский код у Чехова и Пастернака)», Е. Ю. Виноградовой «“Видения посетят” и “Грустный домик Дездемоны” – две очень чеховские шекспировские темы», Н. М. Щаренской «Жизнь и искусство в повести А. П. Чехова “Моя жизнь”», Т. В. Кореньковой «Шекспировские страсти “именистого купеческого рода” Лаптевых». Не дожидаясь публикации этих работ, поделимся своими мыслями об одном из важных, на наш взгляд, аспектов проблемы: ироническом подтексте шекспировских аллюзий в повести «Скучная история» (1889).

Названная повесть построена как многостраничный монолог: центральный герой выступает основным субъектом повествования, поэтому события предстоят не сами по себе, а по большей части так, как они выглядят в трактовке профессора Николая Степановича.

Близость последнего порога, за которым его ожидает смерть, повергла героя в острую, ни с кем не разделённую тоску. Его мучают мысли о том, что резкий упадок сил вот-вот отнимет у него возможность появляться перед большой аудиторией, читать лекции с кафедры, к которой он так привык за тридцать лет педагогической карьеры. Все эти годы он жил только этим, снискал авторитет подвижника науки, его мало интересовали повседневные мелкие заботы и хлопоты собственного семейства. Но вот, перед лицом болезни и смерти, мелочи выросли в своей значимости, обступили неотвязно, заставили

о себе думать. Более того, – разобраться в причинах странного несовпадения: почему размеры его вносимой репутации не соотносятся с ничтожностью реально-жизненных итогов хрупкого мирка, в котором он прожил свои сознательные годы?

Перед читателем развёрнут подробнейший комментарий к жизни, мы выслушиваем мнения, высказываемые шестидесятидвухлетним почётным профессором медицины в опоре на доводы, которые серьёзны, логичны, всесторонне продуманны. В его манере выражать мысли заметен след недюжинного риторического таланта, мастерское умение доказательно излагать, буквально дирижируя потоком слов и целиком владея чувствами тех, с кем он говорит. Профессор знает за собою эти качества:

«Говорю я неудержимо быстро, страстно и, кажется, нет той силы, которая могла бы прервать течение моей речи. Чтобы читать хорошо, то есть нескучно и с пользой для слушателей, нужно, кроме таланта, иметь еще сноровку и опыт, нужно обладать самым ясным представлением о своих силах, о тех, кому читаешь, и о том, что составляет предмет твоей речи. Кроме того, надо быть человеком себе на уме, следить зорко и ни на одну секунду не терять поля зрения.

Хороший дирижёр, передавая мысль композитора, делает сразу двадцать дел: читает партитуру, машет палочкой, следит за певцом, делает движение в сторону то барабана, то валторны и проч. То же самое и я, когда читаю» [15, т.7, с. 261].

При такой организации повествования, когда право судить о жизни, комментируя наиболее значимые её аспекты и результаты, всецело отдано одному герою, читателю достаётся положение слушателя, который либо целиком вверяет себя мановению «дирижёрской палочки», либо способен ответить «капельмейстеру» разворачивающегося перед ним монолога: *«Ведь вы собирались играть на мне. / Вы возомнили, что знаете мои клапаны. Вы / вздумали вырвать сердце моей тайны. Вы / рассчитывали выдуть из меня любые ноты, снизу / доверху. Но вот ведь здесь в*

этом маленьком / органе, целое море музыки, чудесный голос, а вы не можете заставить его говорить. Да, черт возьми, / неужели вы думаете, что играть на мне проще, чем на дудочке?! Назовите меня каким угодно / инструментом, но вы способны всего-навсего / перебирать струны, а играть на мне вы не умеете» [18, с. 122–123].

Знаменитый пассаж, которым Гамлет даёт отпор Гильденстерну в его попытках вызнать причину перемены в настроении принца, может иметь отношение к «Скучной истории», потому что в этой повести немало прямых и косвенных цитат из шекспировских трагедий. Это и тревожащие героя «*вопросы о загробных потёмках и о тех видениях, которые посетят мой могильный сон*» [15, т. 7, с. 263], и его утверждение о том, что хорошую пьесу полезнее прочесть, нежели идти в театр и смотреть напыщенную постановку, «*когда актёр с головы до ног опутанный театральными традициями и предрассудками, старается читать простой, обыкновенный монолог “Быть или не быть” не просто, а почему-то с непременно с шипением и с судорогами во всем теле*» [15, т. 7, с. 270].

Подобные параллели участвуют в объективно-иронической подсветке оценок, которые герой-повествователь даёт себе и окружающим его людям. Как известно, ирония связана с непрямой передачей смысла, оценок и настроений, которые отнюдь не всегда совпадают с буквальным значением и содержательным наполнением изрекаемых фраз. Примерами субъективной иронии – частными случаями, когда следует понимать всё изречённое собеседником не прямо, а наизнанку и с точностью до наоборот, например, как в «эзоповом языке», дающем возможность выражать критику под маской похвалы, возможности иронического общения не исчерпываются. Приволье восприятия и подбора коннотаций открывает путь к объективной оценке. Ироническая передача смыслов способствует великолепной возможности, слыша непосредственно изречённое собеседником, вбирать при этом весь спектр созвучий мира. Ирония делает нас более чуткими к многоголосому эху жизни, помогает улавливать, как это эхо

откликается на слова, действия, умственные представления и желания людей.

Объективная ирония, в отличие от иронии субъективно-личностной, всегда на стороне жизни, поскольку организуемое ею привольное общение не имитирует диалогизм. Напротив, объективная ирония не позволяет подменить многозвучье мира персональными репликами о смысле действительности. Чеховская художественная манера явила собою одно из самых совершенных и целостных воплощений объективной иронии, погружающей в живой сонм голосов всё, к чему прикасаются людские чаяния, речи, поступки, и тем самым достраивающей жизнь до целого.

Это объективно данное целое дарует человеку откровение о том, что разграничения «своё» / «чужое» не должны быть принципиально важными, что субъективность есть дурная привычка к эгоцентризму. Человек, привыкший говорить, лидируя, слушать в первую очередь самого себя, действовать под гипнозом собственных потребностей и хотений, влачит на себе вериги безысходного монологизма. Путь всякого замкнутого на себе индивида оканчивается, по сути, ничем – разве что бессильной жалобой на неспособность справиться со смертью.

Вот почему необходимо научиться слышать хор мироздания, участвовать в нём не столько своей способностью говорить, сколько способностью внимать жизни, в которой не бывает отдельных голосов.

Это первое и важнейшее условие истинного диалогизма выкристаллизовалось к концу 1880-х в чеховской манере письма, возведя принцип оценки изображаемого к высшей объективности. Такую объективность можно назвать эпической иронией и одновременно – обострённым чутьём к действительности, к её скрытым пружинам. Эти внутренние скрепы бытия, инстинкт подчинения или противодействия которым служит компасом при определении характера героев, подсказывают, как найти ключ к оценке достоинств и качеств человека.

Объектив оценки в первую очередь наведён на качества самих «оценщиков». Те, кто берёт на себя смелость переделывать окружающий мир, анализировать себя и своих ближних, подлежат гораздо более строгому

рассмотрению, нежели нерелективно живущие люди, чьи свойства и поступки есть часть привычного, не ими выдуманного фона жизни как таковой.

Вдумчивый читатель «Скучной истории» может заметить некий зазор между звучащим из уст героя комментарием к его собственной жизни и объективным смыслом развёртывающихся коллизий. Несовпадения эти заставляют задуматься в причины показанной драмы, примерить её уроки на себя, понять объективную связь человеческих судеб. Один из путей к этому, мы убеждены, связан с системой отсылок к Шекспиру и шекспироведам чеховского времени. Такие аллюзии включены в повесть не случайно. Они находятся в определённом соответствии с кругом интересов человека, который способствовал возникновению мотива «профессорское мнение о жизни» в чеховских произведениях 1889 г. Причиной появления указанного мотива могли быть, кроме всего прочего, и суждения профессора Н. И. Стороженко. Такая гипотеза аргументированно изложена в статье О. В. Спачиль (статья отдала в сборник ялтинских Чеховских чтений 2015 г.). Речь идёт о занесённом И. Л. Леонтьевым-Щегловым в дневник и разошедшемся, благодаря тому же Щеглову, как сплетня, по дальним и близким знакомым высказывании Стороженко: «Чехов талант, но у него нет Бога в душе» [10, с. 437–438].

Отсылая интересующихся этим биографическим моментом непосредственно к данной статье о взаимоотношениях между А. П. Чеховым и Н. И. Стороженко, напомним, что слово *скучно* в эпистолярной Антона Павловича итожит одно из наиболее горьких его признаний сестре: «*Меня окружает густая атмосфера злого чувства. Крайне неопределённого и мне непонятного. Меня кормят обедами и поют мне пошлые дифирамбы и в то же время готовы меня съесть. За что? Чёрт их знает. Если бы я застрелился, то доставил бы этим большое удовольствие девяти десяткам своих друзей и почитателей. И как мелко выражают своё мелкое чувство! Буренин ругает меня в фельетоне, хотя нигде не принято ругать в газетах своих же сотрудников; Маслов (Бежецкий) не ходит к*

Сувориным обедать; Щеглов рассказывает все ходящие про меня сплетни и т. д. Всё это ужасно глупо и скучно. Не люди, а какая-то плесень» [16, т. 4, с. 161–162]. В тогдашних письмах к И. Л. Леонтьеву-Щеглову Чехов высказывал обвинение чуть ли не напрямую: «*Слушайте, зачем это про меня сплетничают в Петербурге? Кому это нужно? В том, что каждый сплетник теряет мое уважение, беды особой нет; в том, что я презираю сплетню и идеалистов-шептунов, тоже нет беды особенной; но ведь я же в конце концов могу и рассердиться, а это может повлечь за собой беду даже очень особенную»* [16, т. 3, с. 176]; «*Меня злят сплетни не потому, что Вы о них мне пишете, а потому, что все о них пишут, а студенты повторяют их»* [16, т. 3, с. 179–180].

Таким образом, ходившее с начала 1889 г. как сплетня высказывание «Чехов талант, но у него нет Бога в душе» в силу известных обстоятельств попало в сцепку с околошекспировскими баталиями в кругу профессоров и литераторов, близких к издательскому дому Суворина и его газете «Новое время».

Скажем несколько слов о своеобразном культе Шекспира, существовавшем в России середины XIX столетия [8]. Начавшись постановками на театре его лучших трагедий (1840-е гг.), этот культ продолжился многотомными изданиями произведений в прозаическом и стихотворном переводе разных авторов (Кетчер, Полевой, Некрасов, Гербель) и с 1860-х гг. разработкой академических комментариев к шекспировскому творчеству. Три эти ступени, призванные приблизить русскую образованную публику к Шекспиру, на деле обернулись некоторыми издержками. Формирование академической составляющей процесса обратило на себя внимание в первую очередь полемикой, имевшей место осенью 1889 г. после выхода книги В. В. Чуйко «Шекспир, его жизнь и произведения» (СПб, тип. А. С. Суворина, 1889). Обсуждение этой книги подтвердило актуальность того ракурса «профессорской» тематики, который высвечен в «Лешем», «Дяде Ване», «Скучной истории». Николай Ильич Стороженко (1836–1906), главный шекспировед не только России, но, пожалуй, на тот момент и всей Европы, с 1881 г. вице-президент Нового шекспировского

общества в Великобритании, раскритиковал подготовленный и выпущенный в свет Чуйко семисотстраничный том о жизни и произведениях великого английского драматурга. Стороженко перечислил и скрупулёзно разобрал замеченные недостатки, тщательно опровергая каждую допущенную неточность с опорой на документальный материал, цитаты и ссылки. Со страниц журнала «Русская мысль» в рецензии под говорящим названием «Дилетантизм в шекспировской критике» он обвинил не только Чуйко, но и «великодушного» В. П. Буренина за то, что, не располагая научной эрудицией, тот дал повод «хору хвалебных голосов» превозносить несовершенную книгу. Двумя неделями позже, 13 ноября 1889 г., В. В. Чуйко на первых полосах «Нового времени» поместил свою реплику «Учёное педанство» с подзаголовком «Ответ профессору Стороженко» [17]. Конечно, мнение А. П. Чехова и его друзей о литературных способностях Владимира Викторовича Чуйко (1839–1899) было невысоким². И в данном случае для нас существенно лишь то, что обстоятельства полемики подтвердили важность мотива, который разрабатывал Антон Павлович в «Скучной истории».

В записных книжках А. П. Чехова можно встретить одну непосредственно относящуюся к этому мотиву заметку: «Мнение профессора: не Шекспир главное, а примечания к нему» [15, т. 17, с. 160]. Она проливает свет на назначение шекспировских аллюзий в «Скучной истории». Изображённый в этой повести мир отделён от Шекспира цепочкой подмен, которые не столько приблизили к пониманию великого драматурга, сколько погрузили читающую публику в перипетии вторичной переработки сведений и тиражирования мнений о Шекспире. Звено за звеном цепочки, начавшейся сценическими постановками времён «бурного романтизма» и, с конца 1850-х, ознаменованной отказом от него; цепочки, сопровождавшейся первыми, не всегда удачными переводами на русский язык, и в ответ на трудности понимания – первыми попытками академического комментирования, в совокупности составили вполне определённую тенденцию. Старшие поколения образованных людей читали Шекспира в подлиннике или в свежих

переводах, а на долю более молодых поколений выпало читать как новинку дня споры по поводу биографии и произведений английского драматурга, вольно-неволью смещавшие акцент с Шекспира на шекспироведение.

Отсюда и берёт начало важная для предпринятого Чеховым анализа эпохи «хмурых» настроений дилемма Шекспир и примечания к нему, второй компонент которой знаменует вторичную фазу мироустройства, замыкающую интеллект на рефлексии и примечаниях к жизненным процессам и явлениям. Её «светила» и эталонные образцы уязвимы перед лицом реальной действительности, поскольку фаза компиляции делает человека скучным, обескураживающе слабым в естественных жизненных ситуациях. Эту фазу и живописует повесть, принципиально значимая в ряду произведений сборника «Хмурые люди» (1890) и в переменах самоощущения Чехова. Отвечая внутренней готовности не говорить, а действовать, он в 1890 г. поедет на Сахалин. Рубежная вещь, «Скучная история» отразила кардинально значимое для его художественного мира отторжение подделок.

Противоположная фаза, гораздо более тесно соприкасающаяся с фундаментальными потребностями жизни, неизбежно даёт о себе знать, проступает сквозь скуку вторичных наслоений, сколь истово бы ни цеплялся человек за мнимости. Старик профессор вспоминает, как в молодости мечтал стать врачом и «картины – одна другой лучше» рисовались его воображению.

«И вот, как видишь, – говорит он Кате, – мечты мои сбылись. Я получил больше, чем смел мечтать. Тридцать лет я был любимым профессором, имел превосходных товарищей, пользовался почётною известностью. Я любил, женился по страстной любви, имел детей. Одним словом, если оглянуться назад, то вся моя жизнь представляется мне красивой, талантливо сделанной композицией. Теперь мне остаётся только не испортить финала. Для этого нужно умереть по-человечески.

Если смерть в самом деле опасность, то нужно встретить её так, как подобает это учителю, учёному и гражданину христианского государства: бодро и со спокойной душой. Но

я порчу финал. Я утопаю, бегу к тебе, прошу помощи, а ты мне: утопайте, это так и нужно» [15, т. 7, с. 284].

Катю, с детства отличающуюся неколебимым доверием к правильности всего, что совершается вокруг, Катю, которую боятся и презирают в его филистерской семье, эту несчастливую молодую женщину, при немалых жизненных неудачах не потерявшую своей нерефлективной устремленности навстречу добру и душевной красоте, автор делает поверенным лицом, адресатом самых сокровенных слов потерявшего себя профессора.

Трещинки в полотне его жизни, едва различимые за глянцем «красивой, талантливо сделанной композиции», со временем проступили, как морщины на лице, как линии судьбы на ладони. Николай Степанович понимает, что не в силах удержать мирок своей профессорской семьи от падения. Авторитетность «светила» была ничем, хотя и подкреплялась многолетними хвалебными оценками, громким признанием общественных заслуг, солидными званиями и бесчисленными наградами.

«Тайный советник и кавалер; у него так много русских и иностранных орденов, что когда ему приходится надевать их, то студенты величают его иконостасом» [15, т. 7, с. 251]. Он хотел бы отделить постороннее звучание своего громкого имени от того, что заслонено, но не отменено внешностью «иконостаса». Тоскливая потребность исповедаться и оправдаться нарастает вместе с зиянием все более близкой смерти, но вряд ли охватившая Николая Степановича жажда рефлексировать может померещиться признаком силы. Отдавший себя неусыпным трудам «русский Фауст» [4, 5] высказывает всё полностью и начистоту. Однако заметно, что он был и остался глух к перипетиям, многие годы подспудно разрушавшим изнутри его семейство, а когда состарился и заболел, вдруг обнаружил, что у него нет достойного ответа на конкретную перспективу неотвратимой собственной смерти. Оказалось, что он совершенно не готов к уходу, хуже того, – не может толком сформулировать, чего же ему не хватает. Отсюда – предельно абстрактное понятие «общая идея».

«Жизнь – смерть – забвение... Этот процесс неизбежен и универсален <...> его нельзя избежать, “хотя бы был Александром Македонским”, и природа “равнодушна к жизни и смерти каждого из нас”, – но все же что-то держит человека, не даёт ему отчаяться, заставляет его “по мере сил исполнять свой долг – и больше ничего”. Это что-то невозможно рационально определить, но оно объективно существует, оно посюстороннее, принадлежит этой жизни. Каждое мгновение бытия должно быть наполнено смыслом, ибо каждое мгновение может оказаться последним» [14, с. 284]. Из приведённой цитаты ясно, что её автор, как и профессор из повести Чехова, мучительно ищет: «что-то» должно наполнять, а что именно? В статье другого исследователя, говорящего о влиянии Л. Н. Толстого на представления об А. П. Чехове в начале XX века, читаем: «Особенностью российского менталитета XIX века является “общинность” и приобщённость к коллективным идеалам. Толстой, Чехов и Горький, каждый по-своему, подвергали сомнению необходимость для человека готовых, общераспространённых, данных теорией, а не жизнью идеалов и заговорили о необходимости каждому человеку самому и заново решать ключевые вопросы» [1, с. 23].

Какие бы вопросы ни волновали человека, смерть – главный, итоговый экзамен его жизни. Кто знает, может быть, жить это значит умереть, а умереть – жить, спрашивал Эврипид, не нарушавший заповедь античных мудрецов: *memento mori*.

Как помним, Николай Степанович упрекает студентов за то, что они не интересуются Шекспиром, Марком Аврелием, Эпиктетом, Паскалем. Но ведь и сам он не следует тому, что говорили о смерти и как умирали мудрецы. Возьмём несколько высказываний. Марк Аврелий: «Уходя из жизни, храни спокойствие духа, воздав богам искреннюю, сердечную благодарность. <...> Знай, что положен предел времени твоей жизни, и если не воспользуешься им для собственного просвещения, оно исчезнет, как исчезнешь и ты, и более не вернётся<...> Ведь безумны люди, которые всю жизнь без сил от дел и не имеют все-таки цели, с которой они сообразовали бы всецело все стремления и

представления» [9, с. 35–36, 37–38]. Паскаль: «Я знаю лишь то, что скоро должен умереть; но самое для меня неведомое – эта смерть, избежать которой мне не удастся <...> Нет для человека ничего важнее его участи; нет для него ничего страшнее вечности <...> Ничто так не обличает крайнюю слабость духа, как незнание того, что человек без Бога несчастлив; ничто так не свидетельствует о дурных наклонностях сердца, как нежелание обрести истину о вечности обетованной <...> Из всех заблуждений это, без сомнения, очевиднее всего обличает их безумие и слепоту» [11, с. 306–307, 310]. И поздние стоики, и Паскаль вопрос о жизни и смерти решали исключительно в религиозном поле, их размышления имеют «ярко религиозный характер» [7, с. 326]. Другое дело, что для Паскаля Бог – это Христос, а для римских мудрецов божество «трактуется и как создатель человека, и как промысел всех его деяний, и как их фаталистическая предопределенность. ...Божество это мало отличается от космоса вообще» [7, с. 308]. Но главное, что у них у всех был «бог живого человека», которого так не хватает Николаю Степановичу. Важно, «что самый уход из мира не есть что-либо страшное и печальное» [6, с. 409].

Наш профессор не выучил главного урока и оказался не готовым в момент заключительного экзамена. Абсолютная закономерность случившегося фиаско обнаруживается объективно – помимо и вне непосредственно сказанного в его исповеди. Читатель судит не по тому, что Николай Степанович сказал, а по тому, что стояло рядом с его словами и лишь проглядывало за их пеленой, отчасти напоминающей занавес сцены, где с непреложной объективностью прошли все акты истинно шекспировского действия. Это незримое присутствие вносит коррективы в субъективные примечания к собственной жизни, которые даёт исповедующийся перед смертью пожилой учёный.

Одно из свойств его монолога, довольно обычное для речи людей, выросших и получивших воспитание в образованной среде, состоит в склонности к риторическому использованию прецедентных имён и

сюжетов. Зачастую знаковые имена и понятия бывают ухвачены очень поверхностно. О своём не слишком одарённом коллеге Николай Степанович говорит: прозектору Петру Игнатьевичу «до Гекубы... нет никакого дела» (С VII, 260). Так принято выражаться о людях безразличных к чему-либо. Однако в собственном шекспировском тексте слова «Что он Гекубе, что она ему?» (пер. А. Кронеберга, 1844) составляют часть рассуждений принца Гамлета о манере трагических актёров, привыкших «входить в образ» и даже перебарщивать при передаче гнева и других сильных аффектов. Приведём соответствующий фрагмент трагедии в переводе С. Степанова:

*Чудовищно! Ведь вот простой актёр,
Играючи играя страсти эти,
Свою сумел так душу обмануть,
Что по веленью той лицо бледнеет
В отчаяньи, и слёзы в три ручья,
И в горле ком.
Самообманом этим
Был целиком объят он. А с чего?
Из-за Гекубы?
Что он Гекубе? Что ему Гекуба?
С чего рыдать ему? Что было б с ним?
Будь у него к тому малейший повод,
Как у меня? Слезами б залил пол
И грозной речью расколол бы ухо,
Сводя с ума виновных и язва
Распущенных, несведущих смущая,
Сражая слух и зренье наповал!
А что же я? Иль раб я бессловесный,
Ни голоса не имущий, ни рук,
Дабы поднять в защиту короля,
Лишённого и жизни и державы*
[18, с. 91–92].

Николай Степанович не принадлежит к сторонникам чрезмерной аффектации, о чём и говорит, возражая Катиной уверенностью в том, что театр это храм высоких истин. Подчёркнутое в их спорах о назначении театра решительное неуважение профессора к актёрам и заядлым театрам резко контрастирует с верой его воспитанницы в святость и жизненность уроков, которые преподносит искусство сцены. Надо заметить, неудачная попытка Кати стать актрисой и подругой жизни актёра не перечеркнула её возвышенных представлений, как не

перечёркивает их и брюзжание профессора о том, что театр не стал лучше, чем был 30–40 лет назад. *«По-прежнему ни в театральных коридорах, ни в фойе я никак не могу найти стакана чистой воды <...> По-прежнему в антрактах играет без всякой надобности музыка, прибавляющая к впечатлению, получаемому от пьесы, ещё новое, непрошенное. По-прежнему мужчины в антрактах ходят в буфет пить спиртные напитки. Если не видно прогресса в мелочах, то напрасно я стал бы искать его и в крупном»* [15, т. 7, с. 270].

Читателю следует самому решить, в какой мере ответствен Николай Степанович за Катину несложившуюся судьбу. Мы осведомлены о её отлучке из дома, о поисках призвания, которые сломали ей жизнь, стоили смерти ребёнка. Видим и то, что свойственная Кате с детства непосредственность, её доверие к заведённому старшими, более умными людьми устройству дел, не исчерпаны. Однако изо дня в день её жизнь, ничём серьёзным не занятая, расходуется впустую.

Жена профессора и дочь Лиза презирают Катю. Читатель понимает, что ими движет боязнь, опасения за то, как бы крен судьбы, не вписанной в ранжир «общественных приличий», не нанес урона их собственному дому.

Если Катя примет предложение своего обожателя Михаила Фёдоровича, когда профессора не станет и не к кому будет обращаться за советом по вопросам, для решения которых у неё слишком мало воли и слишком много лени, это будет не хуже и не лучше замужества Лизы, в результате которого семьёй профессора после его смерти будет распоряжаться Гнеккер.

Николай Степанович на старости не имеет человека ближе Кати. Воспитанница и воспитатель незаметно как сравнялись в своей чуждости филистерскому миру, где её осуждают за «скандальное прошлое», а им недовольны за то, что бывает у «такой женщины». И всё-таки тень Катиного отца (не будем проводить никаких параллелей с тенью отца Гамлета) предстоит незримым укором умирающему профессору. Отец препоручил заботу о девочке самому честному и успешному из своих коллег. Девочка не росла сиротой, опекали её искренне, как

родную. Но взрослая Катя беззащитна. Тут, конечно, иной спрос, ведь взрослый уже не ребёнок. И всё-таки мёртвые вправе укорять живых за неосновательность и разлад. Плохо, если «вывихнут сустав времени» и взрослые к старости не становятся мудры. Обманутые надежды на их авторитет и опеку подрывают доверие к жизни как таковой.

О наставнике Кати следует заметить, что он, человек рефлексии и примечаний, охотно и довольно часто прибегает к аллюзиям, почерпнутым на литературной, в том числе и драматургической, почве.

И поскольку читатель, тоже человек образованный, способен мысленно восстановить контекст, из которого взята та или иная сценическая реплика, то в аранжированных литературными аллюзиями местах своей исповеди герой предстаёт не просто как рассказчик, а как действующее лицо театральных мизансцен, как бы в кругу персонажей, чьи реплики он произносит или перефразирует. Именно так работает в «Скучной истории» большинство отсылок к трагедиям «Отелло» и «Гамлет».

На риторических извлечениях из этих шекспировских трагедий мы специально остановимся, так как скрытое и явное цитирование – вполне допустимый и невинный ораторский приём – несёт смысловую нагрузку, разрушающую монологизм, помогающую не следовать исключительно по стезям лекторского комментирующего изложения.

Читатель не превращается в инструмент, на котором играют, как на послушных капельмейстеру инструментах оркестра.

Профессор орнаментирует собственные поступки и излагаемые обстоятельства извлечениями из материала шекспировских трагедий. Уловивший эту специфику его примечаний читатель не во всём доверяет профессорской исповеди, иронизирует над самомнением академического светила. Объективная ирония работает отнюдь не в пользу исповедующегося. В каждом из случаев прямого или косвенного цитирования шекспировских пьес Николай Степанович демонстрирует не столько понимание коллизий, изображённых великим драматургом, сколько потребность приспособить авторитетное слово к

обоснованию собственной позиции. Вот они, «надутые щёки», та важность и солидность, которую получаешь (или пытаешься получить) посредством ссылки на непререкаемый авторитет.

Присутствие подобных манипуляций свидетельствует о боязни говорить открыто, о жажде подмен, о стремлении соткать из посторонних образов завесу, которая поможет заслонить прямой взгляд на обстоятельства и на самого себя.

Обратимся к воспоминаниям Николая Степановича о молодости и о чувствах, которым он обязан рождением семьи. Профессор сокрушается, что располневшая неряшливо одетая женщина, измученная круговоротом забот о копеечной экономии, неотступными страхами за будущность детей, необходимостью как-то скрывать ограниченность средств, по сути, беспросветную нищету, ни в чём не напоминает прежнюю юную и трогательную идеалистку Вареньку, которой когда-то давным-давно вошла в его жизнь. *«Эта женщина была когда-то той самой тоненькой Варей, которую я страстно полюбил за хороший, ясный ум, за чистую душу, красоту и, как Отелло Дездемону, за "состраданье" к моей науке...»* [15, т. 7, с. 255]. Коротенький обрывок шекспировского текста припилен к полам тоги, в которую облакает себя бескорыстный и верный труженик науки, рассказывающий о начале своего героического пути. В его монологе не только Вареньке, но и Шекспиру предназначено послужить выгодной подсветкой для выбранной героем позы... Антуражем и не более...

Однако далеко не всякая цитата отрывается от образной ткани исходного произведения. В данном случае аллюзия не позволяет превратить себя в антураж, срабатывает вовсе не так, как её намерен задействовать прибегающий к посредству чужого слова оратор.

Художественное слово не молчит. Оно стойко охраняет свою целостность, активно сопротивляется попыткам смять, сузить, переинтерпретировать, исказить сущностные смыслы. И тем самым вносит поправки в сказанное Николаем Степановичем. Лоскуток, расчетливо вырезанный из ткани знаменитой трагедии, оказывается гораздо более важным

и значительным, чем замысловатый наряд, к которому его намеревались пришить.

Шекспировские аллюзии вносят в текст объективность, дополняют нечто важное о том, чего Николай Степанович почти всю жизнь не хотел слышать, от чего привык холодно отворачиваться. Он и теперь предпочёл бы обойти главное молчанием. Однако тенденциозно раскрашенный довод может сработать и против того, кто этот довод употребил. Именно это и происходит, как только мы припомним коллизию и достроим её до целого, увидим, что она сужена человеком, ради красного словца включившим в свой монолог упоминание о Дездемоне.

В сюжетном ходе, посредством которого Варенька представлена Дездемоной, Николаю Степановичу, пусть он того и не учёл, выпадает единственно возможная роль: над жертвенным ликом безгрешной возлюбленной нависает гневливый лик несправедливого судьбы, безжалостного палача Отелло. Сравнение с Дездемоной делает гораздо более полным и светлым образ существа вечно сострадающего, беззаветно преданного мужу, готового пожертвовать всем ради неустроенного сына-офицера, ради дочери-бесприданницы, которой вряд ли суждено вступить в счастливый брак. А цельность и бескорыстие человека, принявшего все эти жертвы и не желающего их оценить, оказываются под большим сомнением. В развертывающемся на наших глазах исповедальном самоанализе явно недостаёт личной ответственности профессора-мужчины за то, во что превратилась его жена. Способность брать ответственность за себя и других, принимать решения всегда являлась основной характеристикой мужественности.

Чехов осуждал неспособность и нежелание понять других: *«Профессор <...> слишком беспечно относится к внутренней жизни окружающих и в то время, когда около него плачут, ошибаются, лгут, он преспокойно трактует о театре, литературе; будь он уного склада, Лиза и Катя, пожалуй бы, не погибли <...> Вас огорчает, что критики будут ругать меня. Что ж? Долг платежом красен. Ведь мой профессор бранит же их!»* [16, т. 3, с. 255–256]. Нельзя не заметить, что эти строки из письма к А. Н. Плещееву

от 30 сентября 1889 г. касаются авторского отношения не только к центральному персонажу «Скучной истории». В них отражена и нелицеприятная оценка предвкушаемого хода полемики. Критики, понимал Чехов, само собою, ополчатся против автора, ощутимо задеваяющего их корпоративную честь. Они тоже причисляют себя к «властителям умов» своего времени, и в этом похожи на авторитеты академические.

Однако повторим: ни в одном из фрагментов повести «Скучная история» автор не позволил себе прямо оппонировать своему герою.

Мысленно озирая пределы собственной жизни, Николай Степанович сам подводит все необходимые итоги. Он знает, что в скором времени его путь окончится, ставит задачей сам себе дать исчерпывающе полный отчёт о прожитом. Сможет ли он сказать всё необходимое, прежде чем болезнь отнимет у него последние силы?

Его исповедь, содержащая продуманный, ёмкий и довольно строгий комментарий к прошлому и настоящему современников второй половины русского XIX столетия, примечательна во многих отношениях. За плечами у Николая Степановича солидный университетский опыт, близкое знакомство со знаменитыми личностями – Пироговым, Некрасовым, Кавелиным. По единодушному признанию коллег, это даёт вполне заслуженное право на имя.

К проблеме «человек и его имя» разработка замысла не свелась, хотя первые шаги на пути к его осуществлению были связаны с нею. Причем в рабочих рукописях 1889 г. это касалось не одного, а сразу двух персонажей – Николая Степановича («Скучная история») и Александра Владимировича Серебрякова («Леший», «Дядя Ваня»), интересных для их создателя и новизной ракурса, мотива: «Мотив затрагиваю новый» 255–256 [16, т. 3, с. 247] и глубиной исследования жизни: «Это не повесть, а диссертация» [16, т. 3, с. 250]. «Одновременно с новой пьесой, – отмечает И. Я. Гурлянд, – он писал тогда новый рассказ. Он назывался “Мое имя и я” <“Скучная история”>» [16, т. 3, с. 237]. Оба профессора показаны требовательными, сосредоточенными на себе и своей науке

людьми.

То, что сказалось между строк, как бы поверх имеющегося текста, особенно явственно проступает в гамлетовских аллюзиях «Скучной истории». Разбор этого смыслового пласта позволяет, на наш взгляд, выявить самое существенное в индивидуальной психологии академической когорты и в университетской жизни конца 1880-х гг.

Окидывая взглядом тридцать лет, на продолжение которых он читал лекции с университетской кафедры, герой соизмеряет учеников с самим собой. Он считает молодых коллег неготовыми пойти за ним по научному пути: «Они охотно поддаются влиянию писателей новейшего времени, даже не лучших, но совершенно равнодушны к таким классикам, как, например, Шекспир, Марк Аврелий, Эпиктет или Паскаль, и в этом неуменье отличать большое от малого наиболее всего сказывается их житейская непрактичность. Все затруднительные вопросы, имеющие более или менее общественный характер (например, переселенческий), они решают подписными листами, но не путем научного исследования и опыта...» [15, т. 7, с. 288]. Однако свободные от лекций часы сам профессор медицины отдаёт французской и немецкой (в начале повести упоминается роман Шпильгагена «О чем пела ласточка») беллетристике – отнюдь не Марку Аврелию или Эпиктету, поругивает отечественные статьи «по социологии, искусству и проч.» за отсутствие независимости суждений и за попытки лишить такой свободы и независимости всех, кто берёт книгу в руки: «Необычайная важность, игривый генеральский тон, фамильярное обращение с иностранными авторами, уменье с достоинством переливать из пустого в порожнее – всё это для меня непонятно, страшно и всё это не похоже на скромность и джентельменски покойный тон, к которым я привык, читая наших писателей врачей и естественников» [15, т. 7, с. 293]. Николай Степанович не считает французские книжки особо талантливыми, умными и благородными, «но они не так скучны, как русские, и в них не редкость найти главный элемент творчества – чувство личной свободы, чего нет у русских авторов» [15, т. 7,

с. 292]. Наклеивание ярлыков, компромиссы с совестью, условности, проистекающие из нехватки мужества, из боязни писать так, как думаешь и так, как хочешь, для героя являются признаком отсутствия творчества вообще. Сказанное касается и переводов: *«Чванный, благосклонный тон предисловий, изобилие примечаний от переводчика, мешающих мне сосредоточиться, знаки вопроса и sic в скобках, разбросанные щедрым переводчиком по всей статье или книге, представляют мне покушением на личность автора, и на мою читательскую самостоятельность»* [15, т. 7, с. 293]. Вообще нужно заметить, что у Чехова ругатели, ниспровергатели всегда проигрывают в сравнении с теми, кто честно делает дело. В рассказе «Гусев» это обличитель и протестант Павел Иванович. Очень похожи на него доктор Львов из «Иванова», Соломон из «Степи» и другие [3, с. 247]. Это, кстати, вполне соотносится с размышлениями Марка Аврелия: «Наибольшим позором покрывает себя душа человеческая, когда возмущается против мира, становясь (поскольку то зависит от неё) как бы болезненным наростом на нем. Ибо ропот по поводу чего-либо происходящего есть возмущение против природы» [9, с. 44].

У старого профессора немало претензий к взаимоотношениям, царящим в университетской среде, к этике учёных споров и дискуссий. Атмосфера грубой и неконструктивной критики в научной полемике развращает молодёжь, лишает твёрдых нравственных ориентиров. *«Мне кажется, я несколько не преувеличил <...> что это отношение не грубее тех, какие существуют у авторов серьёзных статей друг к другу. В самом деле, эти отношения так грубы, что о них можно говорить только с тяжёлым чувством. Друг к другу и к тем писателям, которых они критикуют, относятся они или излишне почтительно, не щадя своего достоинства, или же наоборот, третируют их гораздо смелее, чем я в этих записках и мыслях своего будущего зятя Гнеккера. Обвинения в невменяемости, в нечистоте намерений и даже во всякого рода уголовщине составляют обычное украшение серьёзных статей»* [15, т. 7, с. 293]. Резко и категорично характеризует эту среду Катя. В обиде за то, что нет среди учеников Николая Степановича

достойных учёных, она с горечью произносит: *«А чтобы размножить этих докторов, которые эксплуатируют невежество и наживают сотни тысяч, для этого не нужно быть талантливым и хорошим человеком. Вы лишний»* [15, т. 7, с. 283]. Это несправедливые и злые слова. Но по твердому убеждению Николая Степановича, злые мысли и чувства «приличны только рабам».

Злоба не может сочетаться со свободой творчества. Отсюда, как кажется Николаю Степановичу, проистекает его неприятие коллеги-филолога Михаила Фёдоровича, который часто навещает Катю и не на шутку влюблён в неё. Человек приятной внешности, умный и образованный, потомок старинного дворянского рода, Михаил Фёдорович, вопреки многочисленным достоинствам, никакой симпатии у профессора не вызывает. Его манеру говорить профессор характеризует посредством примечательной для нас отсылки к «Гамлету»: *«Постоянно шуточный тон, какая-то помесь философии с балагурством, как у шекспировских гробоконпателей»* [15, т. 7, с. 284]. Суждения Катиного обожателя бранчивы, резки, обвинения *«огульны и строятся на таких давно избитых общих местах, таких жупелах, как измельчание, отсутствие идеалов или ссыла на прекрасное прошлое»* [15, т. 7, с. 287]. Сначала кажется, что Николай Степанович сторонится этого «пустого злословия, недостойного порядочных людей». Он с осуждением выговаривает своей воспитаннице за её склонность к подобному бессмысленному и пустому времяпровождению: *«Михаил Фёдорович злословит. Катя слушает, и оба не замечают, в какую глубокую пропасть мало-помалу втягивает их такое, по-видимому, невинное развлечение, как осуждение ближних. Они не чувствуют, как простой разговор постепенно переходит в глумление и издевательство и как оба они начинают пускать в ход даже клеветнические приёмы»* [15, т. 7, с. 289]. Говорливость Михаила Фёдоровича, его привычка злословить вызывают у Николая Степановича ассоциацию, довольно близкую к гамлетовской метафоре зловония как признака подгнившего устройства дел: *«Замолчите, наконец! Что вы сидите тут, как две жабы, и отравляете воздух своими*

дыханиями? Довольно!» [15, т. 7, с. 290]. Но постепенно и сам Николай Степанович втягивается в отвратительные ему разговоры: «Воздух от злословия становится гуще, душнее, и отравляют его своими дыханиями уже не две жабы, как зимою, а целых три» [15, т. 7, с. 300]. Звучавшие почти по-гамлетовски отчаянные порывы прокричать о яде и отравлении – «Я хочу прокричать, что я отравлен; новые мысли, каких я не знал раньше, отравили последние дни моей жизни» [15, т. 7, с. 264] – не дотягивают до высокого трагедийного накала, воздетые руки опускаются вниз. Где уж победить шекспировскому началу, когда всё в конечном итоге походит на адуевский финал «Обыкновенной истории» Гончарова, на прямое продолжение судьбы Алексея Степановича Молчалина или даже на долетевший из «Миргогода» грустный вздох: «Скучно на этом свете, господа!» «Всё гадко, не для чего жить, а те 62 года, которые уже прожиты, следует считать пропавшими» [15, т. 7, с. 291]. Беда профессоров, как её рисует Чехов, в том, что генеральский тон, важность, «надутые щёки» зачастую маскируют отсутствие смелости говорить, что думаешь, приверженность к примечаниям вместо подлинной свободы творчества. За важным видом может скрываться недоброжелательность и духовная пустота, «равнодушие – паралич души, преждевременная смерть» [15, т. 7, с. 306]. Раздумывая о собственной жизни, герой Чехова приходит к неутешительному выводу:

«В моём пристрастии к науке <...> в стремлении познать самого себя, во всех мыслях, чувствах и понятиях, какие я составляю обо всём, нет чего-то общего, что связывало бы всё это в одно целое <...> что называется общей идеей или богом живого человека.

А коли нет этого, то, значит, нет и ничего» [15, т. 7, с. 307].

Подведём итог наших рассуждений о направленности на преодоление монологизма как основной функции шекспировских аллюзий в «Скучной истории».

Отсутствие в человеке Бога, «того, что выше и сильнее всех внешних влияний», делает даже самого именитого профессора нищим. «При такой бедности достаточно

было серьёзного недуга, страха смерти, влияния обстоятельств и людей, чтобы всё то, что я прежде считал своим мировоззрением и в чём видел смысл и радость своей жизни, перевернулось вверх дном и разлетелось в клочья» [15, т. 7, с. 307]. Поэтому Катя из «Скучной истории» произносит свою мольбу: «Николай Степаныч, ради истинного бога скажите скорее, что мне делать?» И слышит в ответ растерянное: «Что же я могу сказать? Ничего я не могу» [15, т. 7, с. 308].

Заметка «Мнение профессора: не Шекспир главное, а примечания к нему» [15, т. 17, с. 160] носит иронический характер. Она впервые внесена Чеховым в Записные книжки в момент довольно острой полемики по важнейшим вопросам шекспироведения, в которую были вовлечены довольно близко знакомые писателю Н. И. Стороженко, В. В. Чуйко и другие известные журналисты, философы, филологи конца XIX – начала XX века.

Слова Н. И. Стороженко о том, что «Чехов – талант, но у него нет Бога в душе», переданные Антону Павловичу И. Л. Леонтьевым-Щегловым, глубоко задели писателя. Ответ на «мнение профессора» был дан в повести «Скучная история» и в пьесах «Леший», «Дядя Ваня» как объективная констатация того факта, что ни научные степени и звания, ни широкая известность, ни поиски позитивистской «общей идеи» не отменяют необходимость найти Бога в душе. Вера в науку стремится завуалировать беспомощность человека перед вечными вопросами бытия. Но это стремление тщетное.

Компилятивным временам довлеет господство мнений, и эти времена столь же скучны, сколь непрочны. В силу естественного круговращения мира, они сменяются временами потрясений, фазой активного жизненного действия. В этом смысле Шекспир был и остаётся тем, чего не заменят никакие «примечания к нему». Аллюзии шекспировских мотивов подчеркивают этот объективный факт, создавая ироническую подсветку мнениям профессора Николая Степановича и его попыткам толковать историю пройденного им пути и всё, с чем он столкнулся перед, увы, неизбежным фактом смерти.

Использованная литература:

1. Бушканец Л. Е. «Чудесный инструмент» (Влияние Л. Н. Толстого на представления об А. П. Чехове в начале XX века) // Чеховские чтения в Ялте: Вып. 16. Чехов и Толстой: К 100-летию памяти Л. Н. Толстого: сб. науч. трудов. Симферополь: Доля, 2011. С. 16–38.
2. Захаров Н. В. Шекспир в России // Электронная энциклопедия «Мир Шекспира» [Электронный ресурс] URL: <http://world-shake.ru/ru/Encyclopaedia/3672.html> (Дата обращения 13.04.2015).
3. Катаев В. Б. Автор в «Острове Сахалине» и в рассказе «Гусев» // В творческой лаборатории Чехова. М.: Наука, 1974. С. 232–252.
4. Катаев В. Б. «Скучная история»: русский Фауст // Катаев В. Б. Литературные связи Чехова. М.: Московский университет, 1989. [Электронный ресурс] URL: <http://www.apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000017/st011.shtml> (Дата обращения 15.01.2016).
5. Катаев В. Б. «Скучная история (Из записок старого человека)» // А. П. Чехов. Энциклопедия. М.: Просвещение, 2011. С. 169–171.
6. Котляревский С. А. Марк Аврелий // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М.: Республика, 1995. С. 386–413.
7. Лосев А. Ф. Эллинистически-римская эстетика I–II вв. н. э. М.: Изд-во Московского университета, 1979.
8. Луков Вл. А., Захаров Н. В. Культ Шекспира // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 1. С. 132–141.
9. Марк Аврелий. Размышления. М.: Эксмо, 2008.
10. Одесская М. М. Леонтьев // А. П. Чехов: Энциклопедия. М.: Просвещение, 2011. С. 437–438.
11. Паскаль Б. Мысли. М.: АСТ, 2001.
12. Стороженко Н. И. Дилетантизм в шекспировской критике // Стороженко Н. И. Опыты изучения Шекспира. М.: Librocom, 2012. С. 222–253. – Рец. на кн.: Чуйко В. В. Шекспир, его жизнь и произведения. СПб.: А. С. Суворин, 1889.
13. Стороженко Н. И. Модная литературная ересь // Стороженко Н. И. Опыты изучения Шекспира. М.: Librocom, 2012. С. 359–360.
14. Сухих И. Н. Проблемы поэтики Чехова. СПб.: Филол. факультет СПбГУ, 2007.
15. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Сочинения. М.: Наука, 1974–1982.
16. Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Письма. М.: Наука, 1974–1983.
17. Чуйко В. В. Учёное педанство (Ответ профессору Стороженко) // Новое время. 1889. 13 нояб. (№ 4925). С. 2–3.
18. Шекспир У. Гамлет, принц Датский; Сонеты. СПб.: Амфора, 2008.

References:

1. Bushkanets, L. E., «Chudesnyy instrument» (Vliyaniye L. N. Tolstogo na predstavleniya ob A. P. Chekhove v nachale XX veka) (“Wonderful Tool” (The Influence of Leo Tolstoy on the Ideas about A. P. Chekhov in the Beginning of the 20th Century), in *Chekhovskie chteniya v Yalte, vol. 16, Chekhov i Tolstoy: K 100-letiyu pamyati L. N. Tolstogo*, Simferopol: Dolya, 2011, pp. 16–38.
2. Zakharov, N. V., Shekspir v Rossii (Shakespeare in Russia), in *Elektronnaya entsiklopediya «Mir Shekspira»*. <http://world-shake.ru/ru/Encyclopaedia/3672.html>. Accessed April 13, 2015.
3. Kataev, V. B., Avtor v «Ostrove Sakhaline» i v rasskaze «Gusev» (An Author in “The Island Sakhalin” and in the Short Story “Gusev”), in *V tvorcheskoy laboratorii Chekhova*, Moscow: Nauka, 1974, pp. 232–252.
4. Kataev, V. B., «Skuchnaya istoriya»: russkiy Faust (“A Boring Story”: Russian Faust), in *Kataev, V. B., Literaturnye svyazi Chekhova*, Moscow: Moskovskiy universitet, 1989. <http://www.apchekhov.ru/books/item/f00/s00/z0000017/st011.shtml>. Accessed January 15, 2015.
5. Kataev, V. B., «Skuchnaya istoriya (Iz zapisok starogo cheloveka)» (“A Boring Story (From the Notes of an Old Man)”), in *A. P. Chekhov. Entsiklopediya*, Moscow: Prosveshchenie, 2011, pp. 169–171.
6. Kotlyarevskiy, S. A., Mark Avreliy (Marcus Aurelius), in *Rimskie stoiki: Seneka, Epiktet, Mark Avreliy*, Moscow: Respublika, 1995, pp. 386–413.
7. Losev, A. F., Ellinisticheski-rimskaya estetika I–II vekov nashey ery (Hellenistic-Roman Aesthetics of the 1st–2nd Centuries A. D.), Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 1979.
8. Lukov, V. A. and Zakharov, N. V., Kul't Shekspira (Cult of Shakespeare), *Znanie. Ponimanie. Umenie*, 2008, no. 1, pp. 132–141.
9. Marcus Aurelius, *Razmyshleniya* (Meditations), Moscow: Eksmo, 2008.
10. Odesskaya, M. M., Leont'ev (Leontiev), in *A. P. Chekhov: Entsiklopediya*, Moscow: Prosveshchenie, 2011, pp. 437–438.
11. Paskal, B., Mysli (Thoughts), Moscow: AST, 2001.
12. Storozhenko, N. I., Diletantizm v Shekspirovskoy kritike (Dilettantism in the Shakespearian Criticism), Review of the book: Chuyko, V. V., *Shekspir, ego zhizn' i proizvedeniya*, (Shakespeare, His Life and Works), Saint-Petersburg: A. S. Suvorin, 1889, in *Storozhenko, N. I., Opyty izucheniya Shekspira*, Moscow: Librocom, 2012, pp. 222–253.
13. Storozhenko, N. I., Modnaya literaturnaya eres' (Fashionable Literary Heresy), in *Storozhenko, N. I., Opyty izucheniya Shekspira*, Moscow: Librocom, 2012, pp. 359–360.
14. Sukhikh, I. N., *Problemy poetiki Chekhova* (Problems of Chekhov's Poetics), Saint-Petersburg: Filologicheskij fakul'tet Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, 2007.
15. Chekhov, A. P., Polnoe sobranie sochineniy i pisem (Complete Works and Letters): in 30 vols., *Sochineniya* (Works), Moscow: Nauka, 1974–1982.
16. Chekhov, A. P., Polnoe sobranie sochineniy i pisem (Complete Works and Letters): in 30 vols., *Pis'ma* (Letters), Moscow: Nauka, 1974–1983.
17. Chuyko, V. V., Uchenoe pedantstvo (Otvot professoru Storozhenko) ((Learned Pedantry (Response to

Professor Storozhenko)), *Novoe vremya*, November 13, 1889, no. 4925, pp. 2-3.

18. Shakespeare, W., *Gamlet, prints Datskiy; Sonety* (Hamlet, Prince of Denmarke; Sonnets), Saint-Petersburg: Amfora, 2008.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Спачиль, О. В. Иронические функции шекспировских аллюзий в «Скучной истории» А. П. Чехова [Электронный ресурс] / О. В. Спачиль, Е. Ю. Третьякова // Наследие веков. – 2016. – № 2. – С. 70-83. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/07/2016_2_Spachil_Tretyakova.pdf. (дата обращения дд.мм.гг).

Full bibliographic reference to the article:

Spachil, O. V. and Tretyakova, Ye. Yu., *Ironicheskie funktsii shekspirovskikh allyuziy v «Skuchnoy istorii» A. P. Chekhova* (Ironical Functions of Shakespearian Allusions in "A Boring Story" by Anton Chekhov), *Nasledie Vekov*, 2016, no. 2, pp. 70-83. http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2015/07/2016_2_Spachil_Tretyakova.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

КНИЖНОЕ РЕВЮ: РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

ГОРЛОВА Ирина Ивановна

доктор философских наук, профессор, директор Южного филиала
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
Краснодар, Россия

Irina I. GORLOVA

Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof.,
Director, Southern Branch, Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
ii.gorlova@gmail.com

Суровая правда солдатских треугольников

Рец. на книгу:

Письма с фронта [Текст] / Сост. Т. А. Василевская.
Краснодар: Книга, 2015. 402 с.: ил. Тир. 800 экз.

В сборник, подготовленный к 70-летию со дня Победы в Великой Отечественной войне, вошли драгоценные солдатские письма, бережно хранимые в музеях и семейных архивах, фронтовые фотографии наших земляков-героев, запечатлевшие их молодыми и красивыми, волнующие воспоминания их родных и близких.

Ключевые слова: фронтовые письма, дневники, воспоминания о Великой Отечественной войне.

The Hard Truth of the Soldier «Triangles»

Review of the book:

Letters from the Front, Vasilevskaya, T. A. , Comp.,
Krasnodar: Kniga, 2015, 402 p., Print run 800 copies.

The book prepared for the 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War contains precious soldiers' letters, carefully stored in the museums and in the family archives. The front-line photos of our fellow countrymen-heroes captured them as young and beautiful are presented, as well as the exciting memories of their loved ones.

Keywords: front letters, diaries, memories of the Great Patriotic War.

В год 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне на Кубани издана книга «Письма с фронта». Книга по-настоящему уникальна. В нее включены солдатские треугольники всех военных лет: от страшно-трагического 1941-го до победного 1945-го, фронтовые дневники, воспоми-

нания участников боевых действий, документы, снимки – все, что еще раз приоткрывает перед нами страницы летописи самой жестокой войны.

Сборник «Письма с фронта» [1] подготовлен и выпущен в свет издательством «Книга», руководителем которого является извест-

ный, талантливый журналист Кубани Татьяна Андреевна Василевская.

В предисловии к сборнику «Письма с фронта» Татьяна Андреевна пишет: «На нашу просьбу поделиться материалами времен Великой Отечественной откликнулись не только родные защитников, но и архивисты, научные работники музеев, люди, не по долгу службы пожелавшие поддержать наш проект, ставший поистине народным. Два года поисковой работы наших искренних помощников из разных районов и городов края помогли собрать бесценный, уникальный не только по объему материал, открыли новые страницы в истории нашего города, имена героев, подарили потрясающие истории любви и верности, мужества и преданности долгу».

По своему значению, эмоциональному воздействию, роли в патриотическом воспитании молодого поколения этот проект можно сравнить по значимости с акцией «Лицо Победы», ставшей в юбилейный год всероссийской. Проект «Письма с фронта» получил широкую поддержку на Кубани и, вполне возможно, найдет продолжение в других уголках России.

Сборник открывается стихотворением Н. Седова «Солдатский треугольник», в котором есть пронзающие душу слова:

*Он похож на наверхия изб и на клин
журавлиный,
На излучину быстрой реки и схождение дорог,
На косынку крылом, что повязана до бровей,
Самой любой, хранящей без мужа
родимый порог.
Потому столько лет не уходит из дома тепло,
Слышен скрип половиц отголоском
хозяйских шагов.
Хоть на веки простился герой
с прикубанским селом,
Но душа его здесь – в письмах с фронта,
горячих, как зов.
... Треугольник солдатский летит,
не щадя своих крыл,
В нем всего-то пять слов: «Взяли с боем
сегодня Берлин!»
И полет тот вовек не прервется
на крыльях души –
Внуки, правнуки память сердец
сохранят на века.*

*Треугольник солдатский тепло
под рукою шуршит,
Будто голос живой слышен
явственно фронтовика...*

Конечно, этот зов вновь явственно отзовется в душах нынешнего поколения. Наши современники сумеют лучше понять все ужасы войны и величие подвига дедов и отцов, которые, не щадя себя, своих жизней, защищали Родину от ненавистного врага.

«Письма с фронта» – это поклон ветеранам, участникам войны и труженикам тыла, благодарность тем, кто не щадил своей жизни ради Победы. В своих письмах они не рассказывают о кровавых боях, о мужестве однополчан, геройстве госпитальных врачей и медсестрах, выносивших с поля боя раненых. Они писали о самом сокровенном, из кромешного ада, где жизнь схлестнулась со смертью, они писали о Любви.

В своих дневниках «Дни великих тревог и крушения» за 1941-1943 гг. Станислав Владимирович Очаповский – ученый, врач-офтальмолог, доктор медицинских наук, заслуженный деятель науки СССР – рассказывает о том, как в годы войны эвакуировали Кубанский медицинский институт в Армению. Позже институт должен был переехать в Куйбышев, а оказался в Западной Сибири, в Тюмени. Благодаря мужеству, сильной воли, любви к своей Родине, постоянно испытывая чувство холода, голода, неустроенности быта, С.В. Очаповский, читал лекции студентам, делал операции. Он возглавлял кафедру глазных болезней Кубанского медицинского института. Умер, 17 апреля 1945 г., совсем немного не дожив до победы, которую он тоже приближал своим ежедневным врачебным подвигом. Его именем названа Краевая клиническая больница № 1 в г. Краснодаре.

Неподдельный интерес вызывают письма Всеволода Альбертовича Михельсона – доктора филологических наук, профессора, автора более 90 научных трудов по русской литературе. Служил военным переводчиком, воевал на Карельском фронте, форсировал реку Свирь, за что в августе 1944 г. был награжден орденом Красной Звезды. С января по апрель 1945 г. участво-

В книге есть письма Ивана Ивановича Романенко, летчика, генерал-майора Советской армии, Героя Советского Союза; Василия Гавриловича Грабина, известного советского конструктора артиллерийских систем, генерала-полковника технических войск, доктора технических наук, профессора, Героя Социалистического Труда, кавалера четырех орденов Ленина; Кронида Александровича Обойщикова, известного российского писателя, Героя Труда Кубани, кавалера ордена Славы, заслуженного работника культуры России, лауреата международной премии «Золотое перо»; Олега Григорьевича Захарченко – автоматчик 255-й бригады морской пехоты, погиб при освобождении г. Новороссийска 10 сентября 1943 г.; Петра Григорьевича Халанского. Детство и юность его прошли в селе Белая Глина. В 1942 г. окончил Краснодарское военное училище и был послан на Сталинградский фронт. Коммунист П. Г. Халанский воевал на Украине, в Белоруссии, в Польше. Умер от тяжелого ранения в марте 1945 г., в Познани, и многих, многих других.

вал в боях под Бреслау (Вроцлав). В октябре 1945 г. вернулся к преподавательской работе в Краснодарском педагогическом институте.

Вот отрывок из его писем из Карелии, адресованных супруге: «Многоуважаемая Лидия Петровна! Привет, Лидок! Сажу в финском блиндаже, на финской бумаге, финским карандашом пишу в родную Россию дорогой моей русской женщине письмо... Земля эта – красавица, в зеленых лесах, как ты, когда, помнишь, невестой была в лягушачьем платье? Чудные белые ночи, ни на миг не темнеет. Озера – как драгоценные камни в зеленой оправе. За такую землю, нашенскую, русскую, мы воюем так, что финны бегут без сапог и шинелей, а то и без штанов... В бою, конечно, в грязь лицом не ударил. Видно, ваша любовь сохранила меня...». Карелия. 23 июня 1944 г.

16 апреля 1945 г. он пишет любимой женщине: «Золотая моя, чем дальше от родной земли, тем дороже ты, русская весна, фиалки на Кубани, ручьи в Вятке...».

Сколько любви к Родине, к нашей Земле, к своим семьям, родственникам, женам звучит в этих письмах и вера, вера в Победу.

Презентация первого тома книги «Письма с фронта» состоялась в августе 2014 года в Краснодаре, в зеркальном зале краевой Филармонии им. Г.Ф. Пономаренко. На ней выступили министр культуры края Виктория Лапина, главный редактор независимой газеты «Вольная Кубань» Виктор Ламейкин, племянница «бога артиллерии» Василия Грабина – Ольга Сергеевна Ключникова, генерал-лейтенант милиции Александр Сапрунов, поэт и журналист Николай Седов и другие. Они очень высоко оценили данный проект и единодушно порекомендовали издательству продолжить работу над ним. Первый том книги уже представлен на соискание премии главы администрации Краснодарского края.

А в издательство потоком идут и идут письма с пожелтевшими солдатскими «треугольниками», которые станут основой 2-го тома «Писем с фронта».

Использованная литература:

1. Письма с фронта / Сост. Т. А. Василевская. Краснодар: Книга, 2015.

References:

1. *Pisma s fronta* (Letters from the Front), Vasilevskaya, T. A., Comp., Krasnodar: Kniga, 2015.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Горлова, И. И. Суровая правда солдатских «треугольников» [Электронный ресурс] / И. И. Горлова // Наследие веков. – 2016. – № 2. – С. 84-87. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/upload/2016/07/2016_2_Gorlova_rew.pdf (дата обращения дд.мм.гг). – Рец. на кн.: Письма с фронта [Текст] / Сост. Т. А. Василевская. – Краснодар: Книга, 2015. – 402 с.

Full bibliographic reference to the article:

Gorlova, I. I., Surovaya pravda soldatskikh «treugol'nikov» (The Hard Truth of the Soldier «Triangles»), Review of the book: *Pis'ma s fronta* (Letters from the Front), Vasilevskaya, T. A., Comp., Krasnodar: Kniga, 2015, *Nasledie Vekov*, 2016, no. 2, pp. 84-87. http://heritage-magazine.com/wp-content/upload/2016/07/2016_2_Gorlova_rew.pdf. Accessed Month DD, YYYY.

Вот уже несколько лет подряд во всех городах нашей страны проходит общенациональная акция «Бессмертный полк», направленная на сохранение и почитание памяти участников Великой Отечественной войны. Старт этому проекту был дан 9 мая 2012 г. в Томске, где по инициативе журналистов С. Лапенкова, С. Колотовкина и И. Дмитриева, по центральной улице города прошли более шести тысяч человек с портретами участников войны. Акция быстро завоевала популярность, приобрела горячих сторонников в разных регионах России, было создано Межрегиональное историко-патриотическое общественное движение «Бессмертный полк», на официальном сайте которого можно внести имя каждого героя Великой Отечественной войны и его краткую биографию в список полка. Стремительно расширяется география проекта – в 2016 г. памятные шествия с портретами участников войны состоялись уже в 64 странах мира.

Редакция журнала «Наследия веков» публикует новые стихи нашего коллеги Александра Иоффе, откликнувшегося на эту акцию из германского Кёльна, где он сегодня проживает с семьей.

Александр Эммануилович Иоффе – кандидат педагогических наук, профессор, заслуженный работник культуры России, декан вечернего факультета (1975–1999) и заведующий кафедрой книговедения (1990–1999) Московского государственного института культуры. Автор множества научных трудов книговедению и истории книги и нескольких поэтических сборников. В 1999 г. удостоен звания почетный профессор МГИК.

**Александр Эммануилович
ИОФФЕ**

Aleksandr E. IOFFE

Бессмертный полк

An Immortal Regiment

Я в старом альбоме
найду фотографию деда,
И старые письма его
фронтовые найду.
И в майское утро
на праздник великой Победы
В бессмертном полку
с фотографией деда пойду.

В едином порыве
колонна идёт за колонной
По площади Красной
и в дальнем сибирском краю.
Народ вспоминает
героев своих поимённо.
И значит, вы снова живые
и снова в строю.

Припев:

Друзья мои и братья боевые,
Уходят вдаль дороги фронтовые.
Но факел вашей славы не погас.
Бессмертный полк, бессмертная Россия,
Спасённый мир благословляет вас!

Народная память –
что может быть выше награды –
Дожившим до солнца победы
и павшим в бою.

Вы слышите песни,
вы слышите гром канонады,
Вы снова вернулись
в семью фронтовую свою.

На смену героев
поднимутся новые дети.
Победное знамя украсит
небесную синь.
Вы снова пройдёте в колоннах
грядущих столетий,
Как слава России,
как витязи русских былин.

Припев:

Друзья мои и братья боевые,
Уходят вдаль дороги фронтовые.
Но факел вашей славы не погас.
Бессмертный полк, бессмертная Россия,
Спасённый мир благословляет вас!

*Май 2016 года
г. Кёльн
А. Иоффе*

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

№ 2 (6)
2016

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

ISSN 2412-9798

16+

Сетевое издание

Выходит четыре раза в год

Учредитель: АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания
«Родные традиции»

Издатель: Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Главный редактор: Горлова И. И., e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Адрес редакции: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, оф. 28

Телефон: +7 (861) 268-22-98

E-mail: heritage.krasnodar@gmail.com

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре.

Регистрационное удостоверение: Эл № ФС 77 - 62997 от 04. 09. 2015

Присланные в редакцию материалы публикаций рецензируются в соответствии с Порядком рецензирования рукописей и не возвращаются авторам.

Все права на любые материалы, опубликованные в настоящем издании, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах.

Использование материалов, размещенных в настоящем издании, допускается при условии обязательного указания точной гиперссылки на журнал «Наследие веков». Гиперссылка делается на оригинальный адрес публикации (URL). При воспроизведении материалов не допускается искажение смысла используемого текста.

Название журнала на русском языке: Наследие веков

Транслитерация названия журнала: Nasledie vekov

Название журнала на английском языке: Heritage of Centuries

Дизайн сайта <http://heritage-magazine.com>:

Т. В. Коваленко

Верстка html-версии журнала:

Т. В. Коваленко

Дизайн pdf-версии журнала:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Компьютерная верстка pdf-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн обложки: А.В. Крюков

Редактура пристатейных списков литературы на русском языке:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков, А. А. Гуцалов

Редактура пристатейных списков литературы на английском языке: А. В. Крюков.

Редактура аннотаций на английском языке:

А. В. Крюков.

Издание индексируется:

- в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), (договор 714-11/2015).

Страница издания: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56593

- в системе Google Scholar.

Ссылка: https://scholar.google.ru/scholar?start=10&q=heritage-magazine.com&hl=ru&as_sdt=0,5

Номер сверстан: 15. 07. 2016

Размещен в сети Интернет: 20. 07. 2016

Гарнитура: Cambria

Формат: 210x297

Усл. печ. л.: 10, 51

Уч.-изд. л.: 6, 957

Размер файла в формате pdf: 16, 605 Mb